

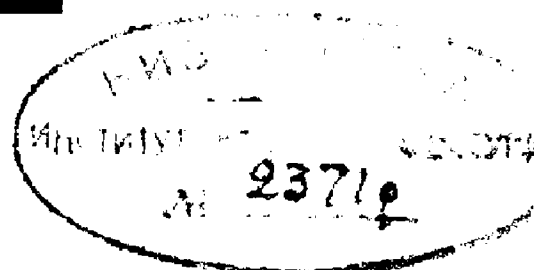
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА ЛАССОВ

№ 6 1933 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
3-й год издания

СОДЕРЖАНИЕ

Е. ПРОСЛАВСКИЙ		
ПОЧЕМУ НУЖНЫ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ ПАРТИИ	2	
А. ПАНКРАТОВА		
ФАШИЗМ И РАБОЧИЙ КЛАСС ГЕРМАНИИ	9	
С. НАН		
ПРАВИТЕЛЬСТВО ТЬЕРА И ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦИИ 18 МАРТА 1871 г.	30	
С. ЛОТТЕ		
ПРОЛЕТАРИАТ И БУРЖУАЗИЯ В ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	52	
Л. ПЕРЧИН		
К ВОСПОМИНАНИЯМ ЭЛЕОНОРЫ МАРКС-ЭВЕЛИНГ О МАРКСЕ	72	
ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ		
КАРЛ МАРКС	75	
И. РАБИНОВИЧ		
МАРКС В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА	80	

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С. ЛАПИЦНАЯ		
ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО БЫТА И ЕГО МЕСТО В „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“	86	
БЫТ РАБОЧИХ СТАРОЙ И НОВОЙ ФАБРИКИ (ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ „ИСТОРИЯ ТРЕХГОРНОЙ МАНУФАКТУРЫ“)	88	

ДОКУМЕНТЫ

П. ПАВЛОВИЧ		
АВАНТЮРЫ РУССКОГО ЦАРИЗМА В БОЛГАРИИ В 80-Х И 90-Х ГОДАХ	107	

БИБЛИОГРАФИЯ

Г. АРКАДЬЕВ		
ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ (К ВОПРОСУ О РАБОТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА БЫШ. ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ)	126	

ХРОНИКА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР **Б. М. ВОЛИН**
 РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Т. М. ДУБЫНА, А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **И. П. ТОКИН** (отв. секретарь), **Л. Е. ФРУГ**

ПОЧЕМУ НУЖНЫ

периодические

ЧИСТКИ ПАРТИИ

Е. М. ЯРОСЛАВСКИ

На многих собраниях по чистке партии задают вопросы, почему нужны периодические чистки, почему нельзя сразу проверить партию так, чтобы не оставить в ней ни одного небольшевика, ни одного чуждого партии человека? Почему нельзя после такой проверки настолько внимательно следить за поведением членов партии, за составом партийных организаций, чтобы своевременно удалять в порядке повседневной работы партийных комитетов и контрольных комиссий тех, кто не соответствует званию члена партии? Почему нельзя так организовать прием в партию, чтобы в нее не пробрачивались чуждые элементы?

Конечно проверять партию надо каждый раз именно так, чтобы в ней оставались только большевики, только достойные носить звание члена коммунистической партии. Верно и то, что повседневная работа партийных комитетов и контрольных комиссий должна быть так поставлена, чтобы каждый коммунист был на строгом учете, чтобы вся его работа была на виду, чтобы все его поведение отвечало требованиям, предъявляемым ленинской партией к каждому своему члену, и чтобы не оставлять в партии тех, кто порочит звание коммуниста, кто переродился, кто изменил партийному знамени. И по отношению к вновь принимаемым конечно надо соблюдать все те требования, которыми программа и устав партии определяют звание члена партии, определяют право носить имя члена или кандидата ВКП(б).

Тем не менее даже при соблюдении этих трех требований, которые надо со всей настойчивостью проводить в жизнь, вряд ли в ближайший период удастся обойтись без периодических генеральных чисток партии.

Мы знаем, что за время существования пролетарской диктатуры нам пришлось проверять партию несколько раз. Своеобразной проверкой и чисткой была перерегистрация 1919—20 гг.: без общих собраний, без обсуждения каждого члена партии, кандидата, а лишь на основе проверки документов проводилась эта перерегистрация. Почему оказалась нужной эта чистка уже в 1919 г., два года спустя после завоевания власти? В подполья наша партия как бы самоочищалась всей обстановкой борьбы, условиями работы партии под гнетом преследований царского правительства. Все дряблое, слабое, все неспособное вести репутительную революционную борьбу отходило от нашей партии. Таких «отошедших» было в подпольный период немало. Год-два, а иногда больше люди работают в партии, в особенности в период под'ема; потом в период реакции, чувствуя, что праздник революции ушел, наступили тяжелые серые будни, кропотливая, кротовая работа, без пафоса и под'ема революции, такие люди, которые органически не были связаны с пролетарской революцией, попутчики всякого рода, на время увлекшиеся революционной борьбой в периоды ее ярких под'емов, уходили от нас. Так было в период реакции после первой революции. Так было отчасти в период империалистической войны. Уходили из нашей партии люди, которым не по плечу была наша революционная программа, революционная тактика. Такие люди искали иногда промежуточных переходных ступенек, на которых они могли бы «отвести свою душу», а иногда прямо уходили в лагерь меньшевиков и другие организации подобного рода.

Но основной костяк нашей партии был крепок, закалялся в огне борьбы, из подполья вышел численно небольшим, около 25 тыс. членов. К апрельской конференции он оброс новыми членами, партия насчитывала около 50 тыс. членов. Рост ее был в этот период заметный, хотя мы не хотели состязаться в росте с такими партиями, как партия эсеров, куда буквально «табунами» валили мартовские эсеры. Всегда в принципах нашей партии было стремление ограничить число членов партии только теми, кто действительно готов был крепко, стойко бороться за знамя пролетарской революции.

После II съезда партии Ленин говорил, что мы должны создать численно небольшую, но крепко спаянную железной дисциплиной партию и этой партией «громить рыхлое чудовище разношерстных новокровских элементов». И мы действительно громили это «рыхлое чудовище» разношерстных меньшевистско-эсеровских элементов в 1917 г. нашей численно небольшой партией, но спаянной железной дисциплиной, идейно сплоченной, боровшейся против всякого отклонения от революционного курса пролетарской революции.

И эту точку зрения Ленин отстаивал на всем протяжении нашей борьбы. Эту точку зрения он отстаивал и в период пролетарской диктатуры. Перед Октябрем к нашей партии вряд ли примазалось много чуждых элементов. Если в это время в нашей партии были попутчики, то это были главным образом те «стихийные большевики», которых увлек октябрьский штурм и которые отошли потом, после победы революции, в более тяжелый период гражданской войны. Но таких было сравнительно не много. Еще неизвестен был исход революции. Слишком много было голосов, пророчивших гибель советской власти. Тяжела была обстановка, при которой нам приходилось брать власть. Но когда мы победили, в нашу партию как правящую стали энергично проникать чуждые элементы. В обращении ЦК партии ко всем партийным организациям в период чистки 1921 г. говорится о неудержимом росте нашей партии в период Октябрьской революции, о значительном притоке в нее крестьянских элементов (через солдат и др.), о том, что «необычная популярность наших лозунгов приводит в наши ряды и не чисто пролетарские элементы», что в период гражданской войны через Красную армию «просачивание крестьянских и полукрестьянских элементов в ряды нашей рабочей партии продолжается усиленно». Среди этих элементов, которые пришли к нам в период гражданской войны,—крестьянских и полукрестьянских,—были элементы, которые стояли за большевистскую партию в период окончательной ликвидации помещиков и которые проявили колебания, когда эта борьба с помещиками окончилась. К этим колеблющимся элементам из непролетарских слоев деревни следует также отнести и выходцев из мещанских и полумещанских слоев города.

В упомянутом уже обращении ЦК говорится также о том, что «постепенно создается обстановка, при которой «выйти в люди», создать себе карьеру, получить кусочек власти можно, только поступаая на службу к советской власти. Это обстоятельство толкает в ряды нашей партии много мещанских и полумещанских элементов, которые, несмотря на все рогадки, поставленные им нашей партией, все-таки ухитряются проникать в ее ряды в значительном количестве». А эти мещанские, полумещанские элементы, хотя количественно они были незначительны, благодаря своей ловкости, подвижности, пронырливости очень быстро приспособляются к тому, чтобы использовать звание члена партии в своих корыстных личных или родственных, семейственных интересах. Именно эти элементы являются проводниками в ряды партии элементов семейственности, корыстного использования служебного положения, хозяйственного обращения за счет государства. Отсюда главным образом рекрутируются врачи, расхитители общественной собственности. Эти именно элементы являются наиболее удобной средой для протаскивания в ряды партии чуждых

пролетариату взглядов; именно эти мелкобуржуазные элементы являются источником всякого рода идеологических колебаний и шатаний; через эту именно прослойку в партию чаще всего проникают оппортунистические теории.

Когда в 1919—20 гг. в обстановке напряженной гражданской войны была объявлена перерегистрация, часть этих элементов «отсеялась» от нашей партии. Вопрос шел о мобилизации на фронт. Над Советской страной нависла свинцовая туча интервенции. Однако уже в конце 1919 г. начался разгром интервентов, разгром Колчака и других белогвардейских генералов. Часть чуждых нам элементов почувствовала, что дело идет к победе Красной армии, к упрочению советской власти. И это был период, когда в нашу партию вновь всякими путями стали проникать, примазывать, втираться чуждые элементы.

В этот же период были разгромлены, разбиты мелкобуржуазные партии не только организационно; идейно их поражение было гораздо более глубоко. В обращении ЦК 1921 г. говорилось об этих элементах, что они «заражают не только наши партийные организации, но и более широкие рабочие организации, как профсоюзы». «Нет никакого сомнения в том, — говорится в обращении, — что идеи пресловутой «независимости» вырастают в наших профсоюзах больше всего бывшими меньшевиками так же, как идеи пресловутых «союзов производителей» (речь шла о рабочей оппозиции Шляпникова и Медведева. — *Ем. Я.*), питаются бывшими синдикалистскими и теми же меньшевистскими и эсеровскими элементами». ЦК разъяснял тогда, что по отношению к этим элементам необходима величайшая осторожность: «Компартия, которая, как наша, окружена врагами со всех сторон и должна выдерживать борьбу с мелкобуржуазной стихией, обязана с особой осторожностью относиться к тем, кто пришел к нам из рядов мелкобуржуазных партий. В тех местах, где, как на Украине, переход от меньшевиков и других враждебных нам партий совершался целыми группами, это бросалось в глаза: пришельцы из чуждых партий приносили с собой в нашу среду определенно выраженные мелкобуржуазные настроения».

Чистка 1921 г. имела огромное значение. Это была первая чистка, открытая, с участием широких беспартийных масс, с развернутой самокритикой. Партия добилась того, что около 26 проц. ее состава было исключено и отсеялось в период 1921—22 гг. Но трудность заключалась и заключается в том, чтобы всюду обеспечить одинаковую доброкачественную проверку, чтобы вычистить действительно тех, кто недостойн быть членом партии, и наоборот, чтобы не допустить исключения тех, кто ценен для партии. А ведь нам приходилось после чистки пересматривать апелляции исключенных и часть из них восстанавливать в членстве. Целый ряд молодых организаций, возникших только в годы гражданской войны, не имел еще крепких большевистских кадров. Там нередко были очень ненадежные организации, не закаленные в борьбе за партию.

Недостатки проводившейся и в 1921 г. чистки, и чистки непроизводительных ячеек 1924 г., и чистки деревенских ячеек 1925 г., и чистки рядов всей партии 1929—30 гг. являются одной из причин того, что в рядах партии остаются чуждые ей элементы. Но это, разумеется, не единственная причина.

В постановлении о чистке партии 1933 г. говорится о другом источнике засорения нашей партии — о недостаточно внимательной проверке принимаемых в партию. «При массовом приеме в партию, проводившемся на местах зачастую огульно и без тщательной проверки, в ряды партии прошли чуждые элементы, использующие свое пребывание в партии в карьеристских и шкурнических интересах, проникли двурешнические элементы, на словах клянущиеся в верности партии, а на деле пытающиеся сорвать проведение ее политики».

Само собою разумеется, что чем внимательнее мы проведем настоящую чистку, чем глубже, основательнее будет проверена вся партия, чем старательнее мы будем удалять из рядов партии всех тех, кто не оправдывает высокого звания члена партии, тем меньше нам придется в последующие годы ставить вопрос о чистке партии. Точно так же строжайшим образом должен быть поставлен вопрос о приеме в партию новых членов, о самой строгой проверке принимаемых. В. И. Ленин накануне VII съезда писал т. Молотову, что необходимо «удлинить стаж для приема новых членов партии». Это Ленин писал даже по отношению к рабочим. «Несомненно, — писал Ленин, — у нас постоянно считают за рабочих таких лиц, которые ни малейшей серьезной школы в смысле крупной промышленности не прошли. Сплось и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих»... «При господствующей у нас неаккуратности, несистематичности работы короткий срок стажа будет означать на деле полнейшее отсутствие всякой серьезной проверки, являются ли кандидаты сколько-нибудь испытанными коммунистами. Если у нас имеется в партии 300—400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии. Поэтому я усиленно настаиваю на необходимости удлинить сроки стажа и затем дать поручение Оргбюро выработать и строго применять правила, которые бы действительно делали стаж серьезнейшим испытанием, а не пустой формальностью».

Это Ленин писал 24 III 1922 г. С тех пор прошло 11 лет. То, что партия выросла численно в 6—7 раз с тех пор, указывает прежде всего на громадное влияние нашей партии, на ее связь с рабочими массами, на ее притягательную силу для рабочего класса, прежде всего для трудящихся. Нет никакого сомнения, что при всех недостатках приема, недостатках прежних чисток партии и недостатках марксистско-ленинского воспитания части членов партии подавляющая масса членов нашей партии является передовой, самой сознательной, решительной частью рабочего класса. Тем не менее указания, которые давал Ленин тогда, в 1922 г., являются в высшей степени ценными и на сегодняшний день, когда мы изучаем вопрос, почему нужны периодические чистки партии.

В другом письме, тоже на имя т. Молотова, Ленин писал через два дня после этого, 26/III 1922 г.: «Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская. Я думаю, никто не может оспорить этого, и простая справка со статистикой подтвердит это положение. Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы, те, кто хотел уклониться от военной службы... С другой стороны, также несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительного пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства... Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступить в правительственную партию в настоящее время гигантский».

Поэтому Ленин предлагал: «1) увеличить все кандидатские стажи; 2) определить с особо детальными подробностями, в чем должно состоять действительное прохождение кандидатского стажа, каковы должны быть конкретные и практические условия проверки того, что кандидатский стаж действительно проходит, а не остается пустой формальностью». Предлагая ряд других мер, «чтобы облегчить освобождение партии от тех ее членов, которые совсем не являются коммунистами, проводящими

вполне сознательно пролетарскую политику», Ленин настаивал в 1922 г. т. е. через год после чистки партии, на новой чистке.

И в этом отношении — в отношении пролетарского состава — за 11 лет произошли очень большие изменения. Если в 1922 г., когда Ленин писал эти письма, в партии рабочих было всего 44 проц., то в настоящее время мы имеем 65 проц. рабочих, т. е. процент рабочих в партии в полтора раза выше, чем в 1922 г. Да и крестьянский состав изменился к лучшему, если принять во внимание, что почти все крестьяне-партийцы в настоящее время — колхозники. Тем не менее остаются в высшей мере важными все вышеприведенные указания Ленина. В особенности важным является его указание на то, что чрезвычайно слабо у нас поставлено было прохождение кандидатского стажа. Именно об этом говорится и в постановлении ЦК и ЦКК о чистке партии.

Чрезвычайно важным является указание ЦК и ЦКК о неудовлетворительности марксистско-ленинского воспитания членов партии, вследствие чего «в составе партии оказалось немалое число, хотя и честных, готовых защищать советскую власть, товарищей, но либо недостаточно устойчивых, не понимающих духа партии, требований и дисциплины, либо политически малограмотных, не знающих программы, устава, основных решений партии, не могущих ввиду этого активно проводить политику партии». Все эти недостатки регулирования роста нашей партии и все эти опасности от проникновения в нее чуждых элементов надо иметь в виду, когда мы обсуждаем вопрос о необходимости периодических чисток партии.

Чистку партии 1921 г. мы проводили в период, когда партия переходила к новой экономической политике. «В этих условиях со стороны партии потребовался решительный отпор шкурническим и карьеристским элементам, пролезшим в партию. Нужно было усилить борьбу за выдержанность партийных рядов, борьбу против мелкой буржуазии, против стремления ослабить пролетарскую диктатуру. Все оппозиции того времени, начиная с троцкистов, демократического централизма, так называемой «рабочей оппозиции» и кончая их открытыми контрреволюционными ответвлениями (мясниковцы и др.), — все они были проявлением буржуазной и мелкобуржуазной атаки на партию, на диктатуру пролетариата. По сути дела все они вели к восстановлению капитализма. Партия не только дала тогда всем им решительный отпор, не только разбила все эти силы прошлого, но провела тогда чистку своих рядов от чуждых партии, присосавшихся к ней элементов» (Л. М. Каганович, «О чистке партии»).

Таким образом в 1921 г. чистка была необходима на новом этапе, когда партия должна была укреплять свои ряды, совершая глубокий поворот, перестраивая методы работы для наступления на путях нэпа.

После смерти Ленина партия снова пережила атаку антипартийных элементов, и на этом этапе социалистического строительства в условиях нэпа партия должна была проверить наиболее ненадежные, наименее устойчивые ячейки — непроизводственные и деревенские. В особенности надо было проверить деревенские ячейки в 1925 г. потому, что в деревне мы не имели таких твердых опорных пролетарских пунктов, какие мы имеем в городе. В городе каждый завод, каждая фабрика были нашей крепостью. В деревне таких крепостей у нас не существовало до самого последнего времени. Только теперь мы эти крепости создаем и укрепляем, только теперь в тех колхозах, которые руководятся по-большевистски, мы создаем крепкие опорные пункты коммунистической партии. А в тот период кулачество пыталось возглавить политически пробужденную деревню, захватить в свои руки влияние, использовать наименее стойких коммунистов для направления землестрои-

тельной, налоговой, кооперативной, хлебозаготовительной политики в деревне в интересах своего класса, в интересах кулачества. Классовый враг на каждом новом этапе борьбы за социализм пытался влиять через свою агентуру на политику партии в деревне. Проверка показала, какая масса чуждых элементов имеется в деревенских ячейках. Эта чистка была более чем своевременна.

И только 8 лет спустя после первой генеральной чистки партии 1921 г. партия решила вновь проверить все свои организации целиком. Генеральная чистка 1929—30 гг. была проверкой партии на новом этапе, в период перехода широким фронтом в развернутое социалистическое наступление, на основе выполнения программы первой пятилетки. Партия бурно разрослась в эти годы, вобрала в себя массу разнообразных элементов, хотя в основном шло непрерывно относительное улучшение ее состава. Вот почему и на новом этапе, когда мы развертываем борьбу за новую пятилетку после невиданного роста страны, огромных побед в деле социалистической перестройки, мы снова проверяем партию.

Периодические чистки партии на каждом новом этапе борьбы, проверка ее рядов для их укрепления, укрепления их связи с массами, для усиления доверия этих масс партии, для под'ема интереса каждого члена и кандидата партии к работе партии, для под'ема их политического уровня сыграли огромную роль в тех победах, которые мы одерживаем до сих пор. И чистка партии в 1933 г. должна еще более усилить нашу партию для того, чтобы мы могли величайшие задачи второй социалистической пятилетки выполнить в сроки, с самыми высокими качественными показателями.

Эта чистка должна повысить революционную бдительность коммунистов в беспощадной борьбе с попытками классового врага срывать успешно осуществляемое рабочим классом нашей страны социалистическое строительство. Классовый враг, разбитый в открытом бою, не сложил своего оружия. Он изменил лишь тактику своей борьбы с нами. Такой сапой, маскируясь, пробираясь в колхозы, совхозы, на фабрики и заводы, классовый враг пытается изнутри вести свою разлагающую работу путем срыва трудовой дисциплины, расхищения общественной, социалистической собственности, путем вредительства. Влияние враждебных пролетариату классов проникает и в ряды самой партии. Выбросить эту агентуру классового врага из рядов партии — первейшая задача чистки.

Периодические чистки партии нам нужны потому, что они сразу проветривают все партийные организации — от самых маленьких ячеек до самых крупных партийных коллективов. По выражению т. Сталина, «иногда время от времени пройтись хозяину по рядам партии с метлой в руках обязательно следовало бы». И партия проходит каждый раз с метлой по своим рядам и как хозяин очищает их от всего, что не соответствует званию члена ленинской партии.

Периодические чистки партии нам необходимы потому, что каждый раз во время таких чисток перед всеми членами и кандидатами партии во весь рост встают их партийные обязанности. Ленин говорил: «Нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию и партия ответственна за всякого члена». Во время чистки партии это особенно чувствуют все входящие в состав партии, и партия решает, может ли она отвечать за того или иного своего члена или кандидата.

Периодические чистки партии нам нужны потому, что они поднимают идейный уровень партии. Нет никакого сомнения, что уже сейчас результаты решения партии о чистке ее рядов сыграли промадную роль в этом отношении. Конечно тут многое зависит от того, как партийная организация использует огромный интерес широких слоев партийцев к вопросам теории, к более глубокому изучению программы, организационных принципов, истории партии. Можно и надо очень многое сделать в

этом отношении, чтобы чистка дала наиболее крушные результаты, чтобы ее воспитательная роль была наиболее значительна.

Но надо также помнить, что периодические чистки партии — дело необычайно сложное, трудное, требует огромных сил со стороны партии, времени, что к этим периодическим чисткам партии может прибегать только через значительные промежутки времени. Надо добиться того, чтобы эта чистка партии сделала на долгие годы ненужным ее повторение. Надо поэтому самым тщательным образом проверить все ячейки нашей партии, каждого ее члена и кандидата и оставить в партии только коммунистов, только большевиков, только преданных делу коммунизма и пролетарской революции. Обстановка борьбы может конечно и после этой чистки привести к тому, что отдельные товарищи, наименее устойчивые, разложатся, переродятся и их придется исключить из партии или исправить иным путем. Для этого необходимо работу контрольных комиссий и работу партийных комитетов поднять на большую высоту в смысле проверки работы каждого члена партии, постоянного контроля за его работой, критики и исправления его неправильных действий и взглядов.

Для этого необходимо также, чтобы при приеме новых членов после чистки была обеспечена самая тщательная проверка принимаемых, чтобы по отношению к товарищу, принимаемому в кандидаты, была проявлена необходимая внимательность, которая поможет установить, достоин ли кандидат того, чтобы войти в партию полноправным ее членом. Для этого надо ему помочь в период его кандидатского стажа усвоить все, что он должен знать как член партии, проверить его на практике, знает ли он то, что должен знать партинец, соответствует ли он званию члена ленинской партии.

Для этого необходимо по-большевистски поставить работу с сочувствующими партии, марксистско-ленинское просвещение среди членов и кандидатов партии, среди сочувствующих ей и беспартийных, из которых будут рекрутироваться лучшие, преданнейшие пролетарской революции и коммунизму новые кадры партийцев.

И комсомолу в этом отношении надо уделить большое внимание, чтобы перевод из комсомола в партию сопровождался достаточно высокими требованиями.

Периодические чистки нужны будут все реже, если все вышеуказанные требования по отношению к членам и кандидатам партии будут проводиться с той настойчивостью, которая диктуется интересами партии, задачами классовой борьбы пролетариата в условиях его диктатуры.

И РАБОЧИЙ КЛАСС ГЕРМАНИИ

А. ПАНКРАТОВА

Свою политическую жизнь германский фашизм начал 14 лет тому назад под вывеской «Немецкой рабочей партии». С ростом антикапиталистических настроений в широчайших массах к этой «рабочей» вывеске была прибавлена «социалистическая», и партия немецкого фашизма получила новое демагогическое название «Национал-социалистической немецкой рабочей партии». Прикрываясь этими популярными вывесками, реакционнейшая партия германской империалистической буржуазии создала целую систему социальной демагогии, с помощью которой она попыталась найти себе опору в массах.

Разгромив по приходе к власти рабочие организации, загнав в подполье революционный авангард рабочего класса, объявив крестовый поход против «марксизма», германский фашизм и в настоящее время не только продолжает, но усиливает свою демагогическую кампанию в массах, все более настойчиво требующих оплаты по ранее выданным векселям фашистской демагогии. Крикливые славословия в честь «национального труда», демагогические призывы к почитанию «немецкого рабочего», официальное празднование 1 мая в качестве «национального» праздника, созыв сфальсифицированного «рабочего конгресса», создание фашистского «рабочего фронта», заменившего ликвидированное профессиональное движение, — такова «парадная» программа «рабочей политики» германского фашизма, пришедшего к власти.

Фашизм выполняет свою политическую задачу уничтожения революционного рабочего движения под флагом «друзей народа» и носителей «немецкого социализма». Буржуазия, отбросившая пока социал-демократию, оказавшуюся неспособной сейчас удержать рабочих от революционной борьбы, выдвинула фашизм как организатора разгрома рабочего класса и как новую форму обмана рабочих масс с целью их подавления.

Приход к власти фашизма принес новый взрыв социальной демагогии, особенно в отношении рабочего класса. Германский фашизм отлично понимает, что устранить опасность пролетарской революции в Германии при помощи одного открытого террора и голого насилия невозможно. Вот почему тема о рабочем стала излюбленной темой всей фашистской прессы. Вот почему «немецкий рабочий», «национальный рабочий» стал наиболее злободневной темой всех выступлений вождей германского фашизма.

Рабочий класс, даже временно ослабленный благодаря преступной политике социал-фашизма, внушает фашистам страх. Именно этот страх заставляет фашистскую власть наряду с террором идти к рабочим с целой системой социальной демагогии. Теперь надо убедить рабочих, что социальная демагогия фашизма представляет якобы реальную «рабочую программу». Фразами об «уважении к рабочему» и о «почитании национального труда» пытаются прикрыть невозможность для фашизма вы-

поднять требования масс, как и прикрыть фашистский террор против рабочего класса.

К чему же сводится «рабочая программа» национал-социалистов? Что обещает и что может дать рабочим фашистская «третья империя»? Имеет ли фашизм в Германии какие-нибудь шансы удержать рабочих от революционной борьбы? Эти вопросы волнуют миллионы рабочих всего мира, с громадным напряжением следящих за героической борьбой германского пролетариата с фашизмом.

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся исторически проследить, как складывались взаимоотношения гитлеровского фашизма и германского пролетариата на различных этапах развития фашистского движения, какие теоретические и тактические принципы лежат в основе фашистской «рабочей партии» и чем грозит германскому пролетариату ее реализация.

1

ПРОГРАММНЫЕ УСТАНОВКИ в ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА на ПЕРВОМ ЭТАПЕ ФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Первый послевоенный период всеобщего кризиса капитализма, отмеченный грандиозным подъемом рабочего движения, не благоприятствовал развитию фашистского движения. В мае 1919 г., когда была основана после падения Баварской советской республики новая «немецкая рабочая партия» Гитлера, в ней не только не было рабочих, но и вообще не было членов: она всего насчитывала не более десятка человек.

Рабочие массы, находившиеся под влиянием Октябрьской революции и руководимые спартаковцами и левыми независимцами (впоследствии вошедшими в коммунистическую партию), создавали повсюду советы рабочих депутатов и организовали на предприятиях фабрично-заводские комитеты. Революция, пробудившая к политической жизни миллионы, толкала эти массы к организованному участию в строительстве новой жизни, которой ждали массы от ноябрьской революции 1918 г. Усиленными темпами стали расти «свободные» социал-демократические профсоюзы. Даже такие отсталые слои, как сельскохозяйственные рабочие или как служащие, стали создавать свои собственные организации. Во всех профсоюзах (различных политических направлений) уже в 1920 г. оказалось организовано около 50 проц. всех рабочих. Рост «свободных» союзов за эти годы революционного подъема выразался в следующих цифрах: в 1918 г. число членов составляло 1.866.012, в 1919 г.—5.779.291 и в 1920 г.—8.025.682.

Но именно этот мощный аппарат рабочей организованности, всецело находившийся в руках реформистских вождей, был направлен против развертывающейся пролетарской революции. На помощь буржуазии, стоявшей перед угрозой потерять окончательно свое господство, пришла социал-демократия. После революционного выступления рабочих масс в пользу социализации промышленности в марте 1919 г. социал-демократ Носке, опираясь на отряды контрреволюционного офицерства, разгромил революционных рабочих. Советы рабочих депутатов были распущены. Закон о фабрично-заводских комитетах, изданный социал-демократическим правительством в январе 1920 г., ликвидировал революционную роль фабзавкомов, превращенных в органы реформистских профсоюзов. При содействии социал-демократического руководства и профсоюзов рабочие были разоружены, а рабочие восстания подавлены.

При непосредственном содействии социал-демократии были в этот период заложены первые ячейки фашизма в Германии.

*Полицейский патруль,
выставленный на крыше
дома для охраны фа-
шистских демонстраций*

*Облавы на коммунистов и революционных рабочих, про-
изводимые полицией и штурмовиками в рабочих районах
Брестлу. 1933 г.*

Застрельщиком а н т и большевистской борьбы и контрреволюционной пропаганды явилась социал-демократия во главе с Каутским, брошюры которого против протетарской диктатуры и против большевизма бесплатно распространялись десятками и сотнями тысяч среди рабочих, солдат и крестьян. «Большевизм идет, он разрушит ваши дома и жизни» — этим лозунгом буржуазия и социал-демократы в согласном хоре изо дня в день пугали мелкобуржуазные массы. Созданные с.-д. палачом Носке контрреволюционные отряды из

«патриотическое воспитание» с картины худ. Шольц

...созданные с.-д. палачом Носке контрреволюционные отряды из бывших офицеров открыли настоящую гражданскую войну в Германии....

бывших офицеров и старых реакционных солдат-монархистов открыли настоящую гражданскую войну в Германии. Столкновения и сражения их с революционными рабочими происходили в целом ряде промышленных центров.

В это время создавались первые фашистские организации, выступавшие против революционного пролетариата. Отряды Пфедфера, Ваттера, Эрхарта, Левенфельда и других, буржуазные организации «защиты» (Оргеш и др.) создавались для подавления пролетариата. Многие из них возникали под флагом защиты социал-демократического правительства, защиты буржуазного порядка, против которого восставали революционные массы. Этот первый этап завершился путчем Каппа, разбившемся о классовое сопротивление пролетариата. Из капповского путча фашизм вынес тот урок, что нельзя опираться на одни штucky, что для целей контрреволюции необходимо захватить в орбиту своего влияния массы, в первую очередь массы мелкой буржуазии. Своей политикой выполнения Версальского договора, своим согласием на репарации социал-демократия создавала почву для недовольства масс и базу для политических успехов фашизма среди мелкой буржуазии.

Во времена министерства Куно (ноябрь 1922 г.—сентябрь 1923 г.), используя тяготы кризиса и инфляции, а также занятие Рура французами, фашизм развернул широкую пропаганду и стал массовым движением. Мелкобуржуазные средние слои города и деревни, которых насчитывалось тогда около 6 млн. городских слоев и около 5½—6 млн. мелких крестьян и арендаторов, выступили против «демократической» системы Куно. Часть из этих колеблющихся элементов перешла к фашизму, другая часть стала группироваться вокруг пролетарского коммунистического авангарда.

Коммунистическая партия, разоблачая социал-демократов, прокладывая путь фашизму, одновременно начала энергичную антифашистскую борьбу, особенно усилившуюся летом 1923 г. Под руководством компартии в конце июня был проведен первый антифашистский день, который, несмотря на запрет, мобилизовал не только рабочие массы, но и значительные средние слои города и часть крестьянства.

Поражение революционного пролетариата осенью 1923 г. явилось результатом целой серии преступлений социал-демократии перед рабочим классом, а также результатом банкротства брандлеровского руководства революцией, привело к новому этапу открытого вооруженного нападения фашизма на рабочий класс — к путчу Гитлера 9 ноября 1923 г.

Потерев снова поражение, фашизм опять меняет тактику и формы борьбы, усугубив социальную демagogию и развивая организационную работу по внедрению фашистских идей в массы мелкой буржуазии и в некоторые прослойки рабочих.

Поскольку фашизм знал, что к массам нельзя подойти с откровенно империалистической буржуазной программой, он выработал еще в 1920 г. программу, в которой попытался ответить на наиболее острые требования и чаяния различных классовых сил. Наиболее туманной и расплывчатой была «рабочая программа» фашизма.

Программа партии, назвавшей себя рабочей и социалистической, однако не заключала в себе ничего, что говорило бы о рабочем классе или социализме. Наоборот, она принципиально отрицала классы и провозглашала приоритет (преимущество) нации. «Общее благо стоит выше блага отдельной личности» — эта туманная формула была объявлена основой «немецкого социализма». Из 25 «неизменных» пунктов программы отнести к «социализму» можно не более 4—5 демagogических пунктов, гласящих:

§ 11. «Мы требуем уничтожения нетрудовых доходов и ликвидации процентного рабства».

§ 13. «Мы требуем огосударствления всех уже обобществленных предприятий (трестов)».

§ 14. «Мы требуем распределения прибылей от крупных предприятий».

§ 15. «Мы требуем обеспечения старости».

Но и эти «социалистические» пункты подверглись после 1920 г. такой обработке путем примечаний и комментариев, что от них ничего не осталось.

Прежде всего все национал-социалистические комментаторы твердо и единодушно подчеркивали, что программа национал-социалистов не требует ликвидации частной собственности, что «обобществление средств производства» и «огосударствление трестов» нельзя понимать в марксистском духе отрицания частной собственности.

«Национал-социализм решительно признает частную собственность и ставит ее под государственную защиту, особенно честно приобретенную, заработанную собственность. Здесь нельзя дать основательного объяснения, но кто правильно понимает «труд», для того не может быть ни на минуту сомнений, что орудия труда должны быть собственностью работающих»¹.

Смысл этой декларации защиты прав собственности ясен. Защита, разумеется, не может относиться к мелкой крестьянской или ремесленной собственности, значение и роль которых в Германии — стране крупного трестированного капитала — меньше, чем в других странах. Защита эта относится целиком к крупной капиталистической собственности. В последние годы фашизм подтвердил это положение в целом ряде книг и выступлений с гораздо большей откровенностью, чем он это делал в начале своей политической деятельности.

В эти же годы и особенно в 1920—1923 гг. программа германского фашизма комментировалась не столько с позиций социальной демagogии, сколько с шовинистической и националистической точки зрения. Это был период разгула послевоенных спекулянтов и ростовщиков, заработавших на инфляции и на нищете масс громадные капиталы. Германскому народу приходилось платить сотни миллионов марок одних про-

¹ Feder, Programm der NSDAP, S. 18.

центов по военным долгам и по репарациям. Борьба с «процентным рабством» была объявлена как главное требование «немецкого социализма». Основным лозунгом и первой задачей национал-социалистов этого периода, как пишет об этом Гитлер в своей программной книге «Моя борьба», была задача «национализации масс», т. е. усиления в массах националистических настроений и перехода их на сторону гитлеровской партии.

Соответственно этой задаче строится и тактика национал-социалистов по завоеванию масс и в частности по усилению влияния национал-социализма в рабочем классе.

Подводя итоги этому периоду в упомянутой выше книге, написанной в 1924 г., Гитлер дает характеристику применявшейся им тогда тактики. Он обосновывает в ней также и свою программу усиленной социал-демагогии, необходимости которой еще не понимали и не разделяли по «близорукой ограниченности» германские капиталисты, не шедшие ни на какие уступки рабочим.

«Чтобы завоевать массы для национального возрождения, — поучал их Гитлер, — никакие социальные жертвы не должны нам казаться слишком тяжелыми». «Если движение намерено вернуть рабочего немецкому народу, — продолжает он, — то должно быть ясно, что экономические жертвы не играют никакой роли, если они не угрожают поддержанию и независимости национального хозяйства»¹.

Чрезвычайно характерно для отношения фашизма к рабочему классу то обстоятельство, что фашизм в тот период представлял себе процесс завоевания рабочих делом крайне длительным и трудным. «Этот процесс приближения и превращения рабочих в национал-социалистов, — писал Гитлер, — закончится не в десять и даже не в двадцать лет, а должен захватить несколько поколений». При этом главным тормозом для «национализации» немецкого рабочего Гитлер считал долготелее воспитание рабочего в духе «марксизма, интернационализма и классовой борьбы». «Наибольшим препятствием для приближения сегодняшнего рабочего к национальному народному обществу (*nationale Volksgemeinschaft*) являются не сословные интересы рабочего, но его интернационалистские, враждебные народу и отечеству, установки и поведение. Те же самые профсоюзы, фанатически-национально руководимые в политической и хозяйственной области, сделали бы миллионы рабочих ценнейшими членами своего народа, несмотря на отдельные битвы, которые имели бы место в чисто экономической области»².

Исходя из теории, что рабочий класс не имеет и не должен иметь самостоятельного места и значения в обществе, что интересы отдельного класса должны раствориться в «нации», фашизм оформлял в этот период и свое принципиальное отношение к профсоюзам. Отвергая классовую борьбу, фашизм отвергал и профсоюзы как инструмент классовой борьбы и стремился доказать возможность их существования как органа сотрудничества классов. Немецкие фашисты однако хорошо понимали, что они не могут добиться серьезных успехов среди рабочих, если не уничтожат организованности и единства рабочего класса. Поэтому с самого начала своей деятельности они пытались дезорганизовать и расколоть его, проникнув в рабочие массы, особенно в мелкие предприятия и мастерские. В результате этой деятельности им удалось во время выборов в фабзавкомы в начале 1923 г. впервые выставить свои списки и провести первых фашистских депутатов в некоторых фабзавкомах Берлина и Верхней Силезии.

Как в отношении программы, так и в отношении организации профсоюзов германский фашизм следовал образцу итальянских. Вопрос об отношении к профсоюзам и о тактике в них остро стал перед германскими национал-социалистами уже в 1922 г.

¹ Hitler, Mein Kampf, S. 369—370 (народное издание 1932 г.).

² Там же, стр. 373.

Гитлер писал об этом:

«Перед национал-социалистами стояли два пути:

1) либо создать собственные профсоюзы, которые могли бы постепенно развернуть борьбу против интернационалистских, против марксистских профсоюзов;

2) либо проникнуть в марксистские профсоюзы, попытаться наполнить их своим новым духом, т. е. преобразовать их в орудие нового мировоззрения».

Сам Гитлер и национал-социалисты стояли за второй путь. Но в общем лагере фашизма в отношении профсоюзов единогласия достигнуто не было. В конце 1922 г. и в начале 1923 г. преимущественно в Берлине начали формироваться фашистские профсоюзы, получившие наименование «народных боевых профсоюзов». Они стояли в отношении руководства ближе к немецким националистам, чем к гитлеровскому движению, но программа у них была общая, и в союзы вступали члены, примыкавшие к обеим партиям.

Руководителем движения был Фаренгорст, разработавший программу движения.

Она содержала следующие основные пункты:

1. «Борьба против интернационального еврейского капитала».

2. «Народные профсоюзы обязаны всюду обеспечить защиту частного капитала».

3. «Борьба против марксистских профсоюзов».

4. «Отказ от совместной работы с международными организациями или с иностранными профсоюзами».

5. «Отказ от всякого рода забастовок, бойкотов и фабзавкомов в предприятиях».

Тогда же в секретном докладе Фаренгорст предлагал воспользоваться опытом итальянских фашистов. Когда движение окрепнет, тогда — по примеру Муссолини — необходимо предпринять полную ликвидацию «марксистских союзов».

Фашистские профсоюзы в Германии однако никаких рабочих масс не собрали. Это первое в истории фашизма проникновение в рабочие массы не удалось. Гитлер в своей политической биографии, подводя печальные итоги этого этапа, требовал не прямой атаки, а обходных путей для завоевания профессионального движения. «Сначала борьба за мировоззрение!» — таков был лозунг фашизма в борьбе его с рабочим классом.

«Действительная польза для движения, как и вообще для нашего народа, из национал-социалистического профдвижения вырастет только тогда, когда оно будет так сильно проникнуто нашими идеями, что не возникнет никакой опасности для профсоюзов снова попасть на марксистский путь. Ибо иметь национал-социалистические профсоюзы, которые видели бы свою миссию в конкуренции с марксистскими, было бы хуже, чем не иметь никаких»¹.

Фашизм отказался от организации собственных профсоюзов. Но сделал он это не только потому, что боялся «конкуренции с марксистскими союзами». Рабочий класс в массе своей оказался невосприимчивым к идеям фашизма. Буржуазии пришлось на время отказаться от активизации фашистской борьбы, сохранив фашизм в качестве своего боевого резерва, тем более, что немецкий капитализм вступил в полосу своей относительной стабилизации. После неудачного фашистского путча национал-социалисты на несколько лет уходят от широкой массовой работы.

Роль защитника и охранителя капиталистической диктатуры продолжали играть социал-демократы, сбрасывающие постепенно последние остатки даже внешней революционной фразеологии.

¹ Hitler. Mein Kampf. S. 681.

Выступая в течение всего периода рождения и развития фашизма сначала в качестве его покровительницы, затем его охранительницы, социал-демократия заключает единый фронт с фашизмом. Еще в этот ранний период развития фашистского движения в Германии ясно, что социал-демократия и фашизм — не противоположности, а близнецы, как впоследствии охарактеризовал их т. Сталин. Разными методами на разных этапах они оба выполняли одну и ту же функцию борьбы с пролетарской революцией в целях сохранения господства буржуазии. С этой именно целью социал-демократия, почти непрерывно находившаяся у власти, двойным образом разоружала пролетариат. Она разоружала его прежде всего физически, запрещая организации самозащиты пролетариата, конфискуя оружие и карая рабочих за его ношение, запрещая коммунистические собрания, закрывая революционную рабочую печать и т. п. Эберт, Зеверинг, Герзинг и другие социал-демократические стражи капитализма разговяли с помощью полиции и рейхсвера антифашистские демонстрации и охраняли демонстрации фашистов. Играв в течение всего послевоенного периода роль главной социальной опоры буржуазии, социал-фашизм дезорганизовал и деморализовал некоторые наименее классово сознательные прослойки пролетариата путем целой системы мероприятий идеологического и организационного порядка.

Благодаря социал-демократии, облегчившей буржуазии новое наступление на рабочий класс, капитализм в Германии получил возможность временной стабилизации на основе капиталистической рационализации и за счет дальнейшего ухудшения положения рабочих. Реформистские профсоюзы превратились в подсобный аппарат хозяйственной системы капитализма. Они даже удостоиваются официальной благодарности правительства «за укрепляющую государственный порядок деятельность» в интересах капиталистического восстановления.

В годы относительной стабилизации социал-демократия особенно интенсивно развертывает свой арсенал идейного разоружения рабочего класса. Никогда ее «теории» не плодотворились с такой производительностью, как в этот период. Теории «государственного капитализма» хозяйственной демократии, различные вариации теорий классового мира с буржуазией и т. п. — все эти социал-фашистские теории, как и вся послевоенная практика социал-демократов, прокладывали путь фашизму. Но с наибольшей наглядностью процессе превращения германской социал-демократии в социал-фашизм протекает в годы обострения всеобщего кризиса капитализма, создавшего особо благоприятные условия для развития фашизма в Германии.

Таким образом в течение почти десятилетнего периода (до последнего обострения кризиса) развития фашизма единственной реальной антифашистской силой в Германии была и остается Германская коммунистическая партия. Здесь нет возможности остановиться на всех этапах ее борьбы с фашизмом, а общий характер этой борьбы мы показали. Несмотря на свою молодость и отсутствие большевистской закалки в прошлом, несмотря на утрату своих лучших вождей, убитых буржуазией и ее социал-демократической агентурой, германская компартия успешно развивала борьбу за массы и особенно за большинство пролетариата. Разочарование социал-демократических рабочих в реформистских профсоюзах и в политике социал-демократической партии связывалось на массовом бегстве из реформистских союзов. Еще в 1920 г. они насчитывали 8 млн., а с середины 1923 г. число членов союза стало быстро падать, уменьшившись в 1928 г. почти вдвое, т. е. до 4.291 тыс. человек. Борьбу за отвоевание пролетарских масс, все еще в своем большинстве шедших за социал-демократами, германская компартия проводила, одновременно преодолевая уклоны и ошибки в своих собственных рядах, ибо как правые брадлеровские, так и ультраевые установки (Рут Фишер) мешали массам понять контрреволюционный характер социал-демократии и ее род-

ственную близость к фашизму. Между тем это разоблачение было тем более необходимо, что социал-демократия, все более превращаясь в социал-фашизм, становилась не плотиной (как определяла свою роль в борьбе с фашизмом сама социал-демократия), а подлинным мостом к фашизму.

2

ФАШИЗМ И РАБОЧИЙ КЛАСС В ГОДЫ КРИЗИСА

Обострение всеобщего кризиса капитализма в Германии поставило германскую буржуазию перед задачей восстановления капиталонакопления при помощи бешеного наступления на рабочий класс. Наряду с массовыми налогами и повышением пошлин буржуазия проводила одно мероприятие за другим, уменьшая зарплату и уничтожая социальное законодательство.

Программа нажима буржуазии на рабочий класс была изложена в знаменитой правительственной декларации Папена:

«Правительства послевоенного периода полагали, что своим все возрастающим государственным социализмом они могут в значительной степени снять материальные заботы работающих и работодателей. Они пытались государство превратить в благотворительное учреждение и тем самым ослабляли моральную силу нации».

Правительство Папена, как до него Брюнингга, как после него Шлейхера, видело свою задачу увеличения «моральной силы нации» в обратном, т. е. в полной ликвидации «социальных мероприятий государства». За счет миллионов трудящихся был провозглашен принцип «государственной экономии».

Этот «принцип» целиком вытекал из задач империалистической буржуазии в годы обострения кризиса, выдвинувшей все эти правительства как пока еще скрытые формы фашистской диктатуры, подготовлявшие открытый фашизм Гитлера. Наступление капитала на рабочий класс, начавшееся при содействии социал-демократии еще ряд лет тому назад, теперь развернулось по всему фронту.

Генеральное наступление буржуазии на рабочий класс с целью выхода из кризиса при помощи пощипывания жизненного уровня трудящихся началось с системы так называемых чрезвычайных декретов, уменьшавших заработную плату и почти ликвидировавших социальное страхование. Декреты Брюнингга от 9 декабря 1931 г. уменьшили доход трудящихся масс на 1½ млрд. марок. Декреты Папена «сэкономили» на снижении пособий по безработице 188 млн. марок и на снижении кризисного пособия — 184 млн. марок.

Поход буржуазии на жизненный уровень рабочего класса отразился и на дальнейшем падении заработной платы. Еще в 1930 г. средняя еженедельная заработная плата промышленного рабочего составляла 44 марки, уже в марте 1931 г. она упала до 39 марок, в мае 1932 г. в результате политики Брюнингга она составляла только 22 марки, а при правительстве Папена она упала до 20 марок. Официальные тарифные ставки понизились с декабря 1930 г. до июня 1932 г. на 28 проц.

Абсолютное и относительное обнищание рабочего класса в Германии росло вширь и вглубь, распространяясь при этом на все слои рабочих. Обнищание захватывало даже наиболее материально устойчивые слои рабочего класса, в том числе и рабочую аристократию.

Резко увеличилась изнашиваемость рабочей силы в результате прогрессивного возрастания интенсивности труда. Рабочие пожилого возраста благодаря непосильной для них интенсификации труда не имели возможности получить работу. Решающим фактором обнищания пролетариата являлась гигантски растущая безработица, принявшая в годы кризиса размеры, еще небывалые в истории рабочего класса Германии. При

этом реальная помощь безработным продолжала уменьшаться. В 1932 г. 40 проц. (из 7 млн.) всех безработных не получали никакой (в том числе и из благотворительных общин) помощи.

Буржуазия ловко использовала обнищание рабочего класса и особенно неравномерный характер этого обнищания для внесения конкуренции и раскола в ряды рабочего класса. Раскол пролетариата — необходимое условие для сохранения господства буржуазии.

Близкий к фашистскому руководству теоретический руководящий орган германского трестированного капитала «Дейче Фюрербрифе» писал об этой задаче буржуазии с полной откровенностью еще в сентябре 1932 г.

«Необходимым условием всякой социальной реконсолидации буржуазного господства, возможной в Германии после войны, является раскол рабочего движения. Всякое сплоченное, вырастающее из низов рабочее движение должно быть революционным, и против такого рабочего движения нельзя было бы надолго удержать господство буржуазии, даже прибегая к средствам военного насилия».

Эту так четко сформулированную буржуазией задачу взялась разрешить германская социал-демократия, расчищавшая, как мы говорили раньше, всей своей послевоенной политикой дорогу фашизму.

Реформисты энергично поддерживали капиталистические монополии в надежде, что из высоких монополистических прибылей перепадут крохи для подкупа отдельных прослоек рабочего класса. Но в годы кризиса эта материальная база для раскола рабочего класса сузилась. В целях капиталонакопления в условиях кризиса германский монополистический капитал наряду с увольнениями систематически проводил всеобщее снижение зарплаты.

Это снижение касалось в такой же, если не в большей мере, квалифицированных рабочих, недавней рабочей аристократии, как и неквалифицированных. Ценность квалификации снизилась. Кризис произвел такое выравнивание (по линии обнищания) между различными группами рабочих, которое делает все эти группы остро недовольными своим положением. Но даже в условиях экономического кризиса буржуазия делает все возможное для внесения раскола в рабочую среду. Буржуазия пыталась внести раскол прежде всего между занятыми рабочими и безработными. Борьба за место у станка между коренными рабочими и вновь пришедшими никогда еще не носила такого ожесточенного характера, как теперь. Предприниматели используют увольнение как средство нажима и создания покорной рабочей силы. Увольняются прежде всего наиболее сознательные и активные рабочие, в первую очередь коммунисты. Раскол далее вносится между рабочими, организованными и неорганизованными в профсоюзы. Однако с усилением кризиса принадлежность к профсоюзу, проповедывавшему необходимость во время кризиса снижения зарплаты, уже не гарантирует членов профсоюзов ни от снижения зарплаты, ни от угрозы увольнения. Рабочий класс больше, чем когда бы то ни было, на собственном опыте убеждается в необходимости единства и революционной классовой борьбы против буржуазии. Влияние компартии в рабочих массах в течение всего этого периода постоянно усиливалось.

Вот почему путь открытой диктатуры против рабочего класса и борьба с революционным марксизмом стали господствующим лозунгом германской буржуазии. Задачу окончательного разгрома рабочего класса взял на себя фашизм, пуская для этого в ход и открытый террор, и социальную демагогию, и организационный аппарат государства, партии и руководимых еще социал-фашистами профсоюзов.

«В сознании, что ворота немецкой свободы откроются лишь тогда, когда марксизм будет побежден, мы ясно ставим своей задачей лишенное иллюзий трезвое изучение и оценку боевых средств противника и твердую, жестокую, лишенную сентиментальности, хладнокровную борьбу» —

так пишет об этой задаче борьбы с рабочим классом имперский верховный руководитель национал-социалистической организации фабрично-заводских ячеек Рейнгольд Мухов в органе НСБО (национал-социалистическая заводская организация) «Арбейтертум» в марте 1930 г.

С наименьшей решительностью характеризовал роль и задачи фашизма в борьбе с революционным пролетариатом и Гитлер в своей известной речи в клубе промышленников в Дюссельдорфе 27 января 1932 г.:

«Без нас в Германии больше не было бы уже буржуазии. Вопрос большевизм или меньшевизм был бы уже давно решен».

Эта речь характерна еще в том отношении, что она ярче, чем все другие высказывания национал-социалистов, вскрывает антипролетарскую, крупнокапиталистическую и империалистическую сущность гитлеровской партии.

Если социальная демагогия является неременным спутником, сопровождающим национал-социалиста, выступающего в рабочей среде или на массовых открытых собраниях, то на закрытом собрании представителей крупного капитала Гитлер мог позволить себе большую свободу речи. Социальная демагогия национал-социалистов, чем более «вплотную» они подходили к власти, тем более отодвигалась на второй план. Программа «немецкого социализма» замещалась короткими агитационными лозунгами для масс: «За хлеб, за труд, за свободу!». Зато гораздо шире и отчетливее раскрывались подлинные цели германского фашизма перед предпринимателями, которые должны были дать фашизму свою санкцию на приход его к власти.

В своей речи в Дюссельдорфе Гитлер развил теорию «заслуг» (Leistung) класса капиталистов как «хозяйственных вождей» и как людей высокой личной ценности, которым по праву (по их «заслугам» или по «вкладу», который они своей личной высокой ценностью вносят в общественное здание) принадлежит руководство и в области экономики и в области политики. Этим самой природой отобраным «гениям арийской расы» противостоят пролетарии — люди, которые «по своему существу фактически состоят в родстве с народами более низкой культурной ступени... духовно блуждающие и разложившиеся».

Исходя из такой оценки, Гитлер в этой же речи требовал уничтожения самых понятий «буржуазный» и «пролетарский», ибо в них «сохраняется немецкое бессилие, а с ним и наш упадок или победа большевизма».

Но именно потому, что эти «люди нижней культуры» (Untermenschen) представляли единственную реальную угрозу для фашизма и задерживали его приход к власти, гитлеровская партия в последние два года резко изменила свою тактику и политику в отношении рабочего класса, направив значительные силы на проникновение в пролетарскую среду.

«1932 год будет решающим годом, и исход его решит наша борьба с заводским марксизмом» — таков был лозунг, данный Гитлером фашистским кадрам.

«Проникайте в предприятия!» (лозунг этот по-немецки сокращенно звучит «Hib!» — «Hinein in die Betriebe»), «Создавайте там заводские ячейки — это специфическое оружие для завоевания рабочих!», «Распространяйте среди рабочих мировоззрение национал-социализма!», «Ни одного предприятия без национал-социалистической заводской ячейки!» — этими и подобными лозунгами, плакатами запестрели фашистские газеты и общественные места. Одновременно было подготовлено огромное множество секретных циркуляров, документов и инструкций, практически указывавших, как нужно организовать заводские ячейки и как проводить борьбу с «заводским марксизмом».

В них давались твердые и точные указания, чтобы национал-социалистические заводские ячейки не увлекались стачками, сведя их

по возможности к нулю. При понижении заработной платы рабочим заводским национал-социалистическим ячейкам предлагалось соответственно обрабатывать своих членов: «Важно указать гг. партийным товарищам предпринимателям, чтобы при неизбежном снижении зарплаты национал-социалистические рабочие по-прежнему понимали хозяйственное положение, чем рабочие, натравленные марксистами».

Национал-социалистическим ячейкам на предприятиях предписывалось проводить систематическую агитацию при помощи стенных газет, не помещать в них критики действий предпринимателей или руководящего персонала, либо допускать ее в очень умеренной форме.

Очень ярко вскрывает террористические планы, прикрывающие ряд маневров, которые фашизм именует «средствами завоевания рабочих», следующий тайный циркуляр, поощряющий шпионаж на предприятии, активными организаторами которого должны являться национал-социалистические ячейки:

«Каждый национал-социалист обязан выяснить в предприятии всех марксистских функционеров (рабочих активистов. --- А. П.) независимо от их политического оттенка, установить их точные адреса и по возможности достать фотографию каждого... Таким образом явится возможность постепенно очистить предприятие от враждебных элементов и найти работу для большего числа наших партийных товарищей. После же нашего прихода к власти этот адресный материал может иметь большое значение для того, чтобы навсегда очиститься от врагов немецкого народа»¹.

Задачи национал-социалистической заводской организации (НСБО) были сформулированы в мае 1932 г. в органе для функционеров гитлеровской партии «Наша воля и путь». Они сводились к трем основным пунктам:

1. НСБО должна, больше чем до сих пор, выдвигаться на передний план всей партийной работы.

2. НСБО должна подготовить генеральное наступление на марксистских противников с точки зрения определенных положительных целей.

3. НСБО должна к 31 августа 1932 г. иметь $\frac{1}{4}$ млн. членов и 80 тыс. новых читателей национал-социалистического органа «Арбейтсрум».

Фашисты повели в это же время агитацию за сужение прав существующих фабрично-заводских комитетов на предприятиях, опасных особенно потому, что в них представляли большую часть наиболее оппозиционные рабочие. Фашистский специалист по экономическим вопросам Федер в своей программной книге «Хозяйственное строительство в третьей империи» предлагает сохранить фабзавкомы и после прихода к власти, но организовать их таким образом, чтобы в них были равно представлены рабочие, служащие и предприниматели. Одновременно всем ячейкам национал-социалистов была дана директива проводить активную кампанию по перевыборам фабзавкомов и выставлять при этом свои собственные списки.

Такая же директива была дана и для завоевания профсоюзов изнутри. В секретном циркуляре от 10 февраля 1932 г. центральное руководство национал-социалистов предлагало: «Наше внимание должно быть обращено на профсоюзы и предприятия. Пропаганда в профсоюзах должна развиваться с усиленной активностью... В каждом профсоюзе должны быть созданы сильные национал-социалистические группы, которые должны быть готовы к выступлению по первому требованию».

¹ Целый ряд этих документов не опубликован и распространялся в виде секретных циркуляров, некоторые из них опубликованы в брошюрах «Geheim! Geheim!» и «Kampf gegen Betriebsfaschismus».

Смысл создания ИСБО рядом с фабзавкомом и профсоюзами заключался в том, чтобы национал-социалисты могли создать против существующих массовых рабочих организаций «здоровый противовес», ибо нынешние профсоюзы в своем теперешнем виде ни в коем случае не могут быть перенесены в странию империи.

Каковы же были результаты этой работы национал-социалистов по завоеванию предприятий и профсоюзов в годы кризиса?

Удалось ли им достигнуть своей «контрольной цифры» — четверти миллиона рабочих на предприятиях? Повысились ли шансы национал-социалистов удержать рабочих от революционной борьбы?

На все эти вопросы может быть дан только один ответ: нет, не удалось!

Какова картина численного состояния фабрично-заводского пролетариата в годы кризиса? По статистике больничных касс общее число промышленных рабочих упало с 18,2 млн. в 1928 г. до 12,4 млн. к началу 1931 г. Падение это большей частью происходит за счет фабрично-заводских рабочих.

К середине 1932 г. в промышленности оставалось 6,8 млн. занятых рабочих, при этом не менее одной трети из них работало лишь частично (неполную неделю и т. п.). На крупных предприятиях (т. е. свыше 1.000 рабочих) было занято летом 1932 г. около 1—1½ млн. рабочих, т. е. на 15 проц. меньше, чем в 1925 г. При постоянных сокращениях и реорганизациях, как и вообще при каждом удобном случае, предприниматели выбрасывают наиболее сознательных и политически активных рабочих. С ростом влияния фашизма среди предпринимателей последние весьма охотно заменяли уволенных революционных рабочих безработными фашистами. И все же при всех этих условиях национал-социалисты до прихода к власти не получили добровольно к ним идущих рабочих. Они не организовали не только четверти миллиона, т. е. 25 проц. рабочего состава крупных предприятий, но даже десятой части намеченной ими цифры. По данным органа христианских профсоюзов «Дер Дейче», в 1.920 обследованных им предприятиях летом 1932 г. гитлеровцы составляли 1,3 проц. рабочего состава, а на 325 крупных предприятиях — 1,5 проц. В течение 1932 г. национал-социалисты организовали в Берлине 1.500 ячеек и получили при их помощи во время выборов в фабзавкомы ½ проц. (по статистике национал-социалистов 1,3 проц.) всех мандатов.

Таким образом германский пролетариат не был захлестнут фашистской националистической волной, захватившей в течение трех последних лет широкие мелкобуржуазные массы. Об этом свидетельствуют и результаты парламентских выборов. Рост национал-социалистов шел в основном за счет ликвидации срединных буржуазных партий и мобилизации новых голосов мелкой буржуазии. Рабочие избиратели голосовали попрежнему за социал-демократов (с уменьшением) и за коммунистов (с увеличением за счет социал-демократов!).

В 1930 г. национал-социалисты получили за счет потерянных другими буржуазными партиями 2.276.130 голосов, а в 1932 г. за счет тех же потерь буржуазных партий еще 6.276.440 голосов.

Таким образом основной прирост национал-социалистов во время выборов шел за счет буржуазных и мелкобуржуазных избирателей.

Еще характернее результаты выборов по отдельным промышленным центрам в ноябре 1932 г. В Берлине, Вестфалии, Галле, Хемнице и др. на первом месте шли коммунисты, на втором — социал-демократы и на третьем — национал-социалисты, получавшие прирост не за счет рабочих. Даже в условиях жесточайшего террора в марте 1933 г., когда фашизм стал у власти, рабочие отдавали свои голоса коммунистам и, поскольку часть рабочих все еще считала социал-демократов антифашистами, социал-демократам. Это значит, что около 12 млн. преимущественно пролетарских избирателей, т. е. абсолютное большинство рабочего клас-

са, голосовало против фашистской диктатуры и почти 5 млн. изъявило свою волю бороться за диктатуру пролетариата.

Естественно, что это стойкое противодействие германского пролетариата фашизму вызывало усиливающийся открытый террор против рабочего класса.

Уже одна (далеко неполная) статистика жертв фашистского террора за период 1930—1932 гг. показывает непрерывное усиление террористической деятельности против рабочего класса.

С октября 1930 г. по май 1932 г. фашистами было убито 68 рабочих, после же снятия 16 июня правительственного запрета фашистских штурмовых отрядов число жертв начинает быстро возрастать. За 26 дней после снятия запрета (с 16 июня по 13 июля) было убито 36 рабочих. Во время июльской предвыборной кампании кровавый террор, поощряемый, а иногда и предпринимаемый по инициативе социал-демократических Цергибелей, принял совершенно чудовищные формы. Тон задавал фашистский вождь Геббельс, заявивший, что наступает «самая кровавая предвыборная кампания, которую Германия когда-либо переживала». Фашистским отрядам был дан приказ: «Не ждите, пока на вас нападут, хватайте и стреляйте!».

Результаты не замедлили сказаться.

Об этом говорит статистика фашистских жертв в течение четырех «кровавых воскресний» июльской предвыборной кампании.

26 июня	5 убитых рабочих,	103 раненых.
3 июля	5 убитых	» 72 раненых.
10 июля	19 убитых	» 189 раненых.
17 июля	21 убитый	» 285 раненых.

Нападения на профсоюзные дома, на рабочие рестораны, на квартиры, нападения на маленькие беззащитные села и городки, известные своим сочувствием коммунистам, зверские убийства коммунистов в их квартирах и при этом полная безнаказанность и даже содействие со стороны полиции, нередко руководимой социал-демократами, — такова была картина действительно самой кровавой предвыборной кампании в июле 1932 г., какую проресектировал фашизм перед приходом к власти.

Этот фашистский террор в отношении рабочего класса был тем более разнузданным, что социал-фашисты несколько против него не боролись, а местами поощряли.

«Закройте окна, очистите улицы!» — таков был единственный лозунг социал-фашистов, призывавших к пассивному принятию наносимых рабочим ударов.

Только коммунистическая партия мобилизовала пролетариат для антифашистской борьбы. Она организовала единый революционный фронт снизу, создала антифашистские комитеты действия и отряды рабочей обороны и вступала в настоящие уличные бои с фашистскими отрядами, как это было в Альтоне 17 июля, где полиция совместно с штурмовиками напала на рабочих и пустила в ход против них слезоточивый газ, гранаты, пулеметы и броневики. Коммунистическая партия Германии была всюду, где были рабочие, руководя их антифашистской борьбой, организуя демонстрации и стачки протеста, расплачиваясь многими кровавыми жертвами и каторжными приговорами.

В ответ на июльское провокационное выступление Геббельса, подстрекавшего фашистских штурмовиков к массовым террористическим актам против революционных рабочих, компартия Германии усилила свою борьбу за «антифашистскую акцию» (действие) масс. Предвыборная кампания в июле 1932 г. открылась организацией антифашистской боевой недели, завершившейся созывом боевого конгресса «антифашистского действия». Собранный 10 июля в Берлине антифашистский конгресс продемонстрировал растущую в массах тягу к созданию единого революционного

фронта. На конгрессе присутствовало 300 делегатов от безработных, 150 делегатов от предприятий и 30 - от профсоюзов.

Почти во всех городах были устроены мощные антифашистские демонстрации, кончавшиеся часто столкновениями рабочих с полицией и штурмовиками. Слабее развивала компартия свою антифашистскую борьбу на предприятиях и в профсоюзах, где ее влияние было благодаря непрерывным репрессиям против революционных рабочих, а также вследствие слабости массовой работы самой компартии значительно ослаблено. На специально созванных летом 1932 г. в ряде промышленных пунктов конференциях фабзавкомов компартия поставила вопрос об усилении антифашистской борьбы, путем сочетания методов уличной борьбы с работой на предприятиях.

Борьба с фашизмом на предприятиях была выдвинута как очередная и боевая задача коммунистов и революционных рабочих. Одним из средств этой борьбы было создание отрядов пролетарской самозащиты. Вместе с тем компартия призвала к подготовке сильнейшего оружия пролетарской борьбы — ко всеобщей политической стачке.

Успехи антифашистского движения явились результатом той энергичной борьбы партии под руководством г. Тельмана, которую она провела с правооппортунистическим и левосектантским (Меркер, Нейман) пониманием задач единого фронта и методов антифашистской борьбы.

В октябре 1932 г. Всегерманская конференция партии могла уже отметить значительные успехи в деле завоевания компартией большинства рабочего класса и организации единого фронта снизу. Несмотря на противодействие социал-фашистских вождей, этот единый фронт коммунистических и социал-демократических рабочих рос и ширился. В Брауншвейте например после убийства фашистами с.-д. рабочего коммунисты организовали массовую стачку протеста, в которой приняли участие и с.-д. рабочие вопреки директивам своих вождей. «Форвертс» писал по этому поводу, призывая рабочих воздерживаться от антифашистской борьбы: «Коммунисты хотят использовать ожесточенное настроение брауншвейтских рабочих против Клаггеса (нац.-соц. министр брауншвейтского правительства, организовавший террористические преследования рабочих в начале 1932 г.—А. П.) в свою пользу и провоцируют стачку. Профсоюзы должны воспрепятствовать этим бессмысленным действиям».

Здесь нет возможности перечислить всю ту сумму преступлений перед рабочим классом, которая составляла сущность всей политики и тактики социал-фашизма в годы кризиса и которая не представляла ничего принципиально нового в сравнении с ее прежней политикой. Нам важно только подчеркнуть, что эти, как и многие другие, выступления социал-фашизма в пору самого тяжелого наступления фашизма на рабочий класс дезорганизовали рабочие ряды, снижали боевую энергию пролетарских масс, усыпляли бдительность и фактически разоружали рабочий класс перед лицом наступавшего врага. Именно эта позиция социал-фашизма наряду с его общей многолетней тактикой и практикой подчинения интересов рабочего класса интересам империалистической буржуазии и подготовила временное поражение рабочего класса.

3

ФАШИЗМ у ВЛАСТИ и его „РАБОЧАЯ ПОЛИТИКА“

Приход к власти фашизма ознаменовался неслыханным террором в отношении рабочего класса и его коммунистического авангарда.

Массовые облавы, аресты, пытки, убийства, чрезвычайные суды, каторжные приговоры, концентрационные лагеря, разгром рабочих квар-

24-летняя мать из тюрингской деревни Дессбах. Голодом она доведена до такого состояния, что выглядит 59-летней старухой. Снимок, опубликованный австрийским журналом, 1933 г.

тир. профсоюзных помещений, ликвидация рабочей печати, рабочих культурных и спортивных организаций, ликвидация профсоюзов — все это слишком хорошо известно, чтобы об этом была нужда здесь писать.

Одновременно с террором рабочий класс Германии переживает тяжелейшую и безысходную нужду, безработицу и голод¹. В первом квартале 1933 г. общая сумма зарплаты рабочих снова упала на 6 проц. по сравнению с предыдущим кварталом. Гитлер обещал голодающим массам хлеб и работу, но до сих пор, если не считать предвыборных подачек хлеба и сала безработным и благотворительного супа за 15 пфеннигов, положение рабочих не улучшилось. Число безработных увеличилось до 9 млн., и только небольшая часть из них получает пособие. В фашистских канцеляриях вырабатываются планы «создания работ» и трудовой повинности, имеющие целью превратить Германию в каторжные казармы. В это время многие из безработных гибнут от голода или кончают с собой, вскрывая вены или открывая газ. В одном Берлине в год насчитывается не менее 20 тыс. самоубийств.

Безработица — самое безысходное зло капиталистической системы. Даже сама буржуазия бьет тревогу по поводу того, что планы «создания работ» для безработных не осуществляются. Орган тяжелой промышленности «Дейче Фюрербрифе» указывает, что политика правительства, если

¹ О положении пролетариата, как и вообще о перспективах фашистской диктатуры, см. первую статью А. Панкратовой о германском фашизме в журнале «Борьба классов» № 5.

оно не приступит немедленно к ликвидации безработицы, ведет к катастрофическим последствиям на внутреннем рынке. Покупательная способность населения продолжает падать. Между тем продолжает сокращаться и внешняя торговля. Цифры ввоза и вывоза уменьшаются. Это постоянно внутреннего и внешнего рынка лишает промышленность стимулов для расширения производства. Программа «создания работ» требовала для своей реализации 2 млрд. кредитов Рейхбанка, на осуществление трудовой повинности было ассигновано 500 млн. (а требовалось 3 млрд. для организации 1 млн. безработных). Но Рейхбанк, испытывающий влияние скрытой инфляции в стране, переживает новые финансовые затруднения и не имеет средств для осуществления гитлеровской первой «четырёхлетки». Вместе с тем все более обостряются внутренние и внешние трудности фашистской диктатуры, также заставляющие усиливать нажим на рабочий класс.

В лагерях, созданных еще по чрезвычайным декретам Брюнинга и Папена, сейчас находится 250 тыс. безработной молодежи, отбывающей трудовую повинность. Эти лагеря являются сейчас почти официальной формой милитаризованного фашистского воспитания безработной молодежи, которая в форме принудительной работы подготавливается в качестве пушечного мяса для целей германского империализма. Подготовка новой войны — такова наиболее конкретная и желательная для германского империализма перспектива, и с нею фашизм связывает все свои ближайшие хозяйственные и политические задачи.

Фашистский лозунг «Работающие должны содержать безработных» реализуется всей рабочей политикой фашизма. Проводятся в жизнь усиленные прямые и косвенные налоги. Повышенные пошлины на хлеб, мясо, сало, фрукты, ограничение ввоза продуктов питания, рост дороговизны — все это снижает жизненный уровень рабочего класса до уровня жизни рабочих колониальных стран.

Фашистское правительство отложило пересмотр тарифных договоров до осени 1933 г. Но это сделано только для того, чтобы на время «нейтрализовать» притихшие под угрозой террора менее активные слои рабочих. На самом деле сейчас фашизмом повсеместно подготавливается разгром тарифной договорной системы, игравшей в послевоенной Германии большую роль. Национал-социалисты — против оплаты труда по тарифу, они — за систему так называемой платы по производительности. Для всех категорий рабочих устанавливается минимум в размере пособия безработных (9 марок вместо нынешнего гарантированного минимума, например в колдоговоре металлистов в 45 марок в неделю), а затем он уже повышается надбавкой по «производительности» рабочего. Рабочий этой системой целиком ставится в зависимость от воли предпринимателя.

22 марта в Кобурге введен первый тарифный договор по производительности, который национал-социалисты объявили шагом, имеющим громадное хозяйственное значение. Несмотря на то, что в целом ряде отраслей промышленности заработная плата за годы кризиса снижена ниже пределов физиологического минимума, все же со стороны предпринимателей делаются попытки дальнейшего снижения тарифных ставок. Официально фашистское правительство подтвердило прежний декрет Папена о снижении зарплаты на 15 проц., продлив действие его до 1 апреля 1934 г. Основная забота фашизма и после прихода его к власти в отношении рабочего класса идет все по той же линии — ликвидации пролетарских классовых организаций, искоренения «марксизма», установления «мира в промышленности».

Министр внутренних дел гитлеровского правительства Геринг, выступая на съезде сельскохозяйственного союза Померании, дал следующую «программу»:

«Правительство национальной концентрации будет железным кулаком принуждать к гармонии интересов между отдельными слоями

В Лейпциге штурмовики заставили политзаключенных смывать с заборов коммунистические лозунги. 1933 г.

народа, которые искусственно раздувались за последние 14 лет. Если предыдущий оратор заявил, что марксизм не должен вновь вернуться, то я скажу на это одно: он не только не вернется, но мы его окончательно искореним. Я буду этих тварей так долго бить кулаком по затылкам, пока они не будут прикончены. Мы не только искореним эту чуму, мы вырвем даже слово марксизм из каждой книги. Через 50 лет ни один человек в Германии не должен вообще знать, что это слово означает» («Берлинер тагеблатт» от 18 марта 1933 г.).

Эта бешеная ненависть к марксизму (под марксистами фашисты понимают прежде всего коммунистов), который «мешает» установить классовое сотрудничество между рабочими и капиталистами, понятна, если вспомнить, что германский рабочий класс рос и кристаллизовался как класс на основе марксовой теории классовой борьбы, хотя в эпоху II интернационала именно эта теория подверглась наибольшему искажению и нападкам со стороны социал-фашистских вождей и «теоретиков». Цитаделью, рассадником революционного марксизма фашизм считает предприятие, и сюда он направляет свой главный удар.

Начавшиеся перевыборы фабзавкомов не дали большинства национал-социалистам. Поэтому правительство постановило отсрочить перевыборы фабзавкомов в Пруссии до 30 сентября 1933 г. Одновременно полицейским органам предписано очистить фабзавкомы от таких элементов, которые имеют «антигосударственные» или «враждебные хозяйству» установки, а на место увольняемых посылать новых членов фабзавкомов — национал-социалистов.

В Саксонии комиссары национал-социалисты лишили всех избранных членов фабзавкомов их полномочий. В Тюрингии запрещены всякие перевыборы. Произведена реформа фабрично-заводского представительства, которая не только привела к исчезновению коммунистических списков как незаконных, но и к полной «аннулизации» самого существа фабзавкомов, превращенных в заводские представительства довоенного типа.

Террор, шпионаж, подкуп и демагогия — все средства пускаются в ход для завоевания рабочих. Фашизм продолжает интенсивную работу по расколу рабочего класса, для чего повсюду создаются ячейки национал-социалистов (НСБО). Для членов этих ячеек объявляется ряд льгот: лучшие условия работы, большие гарантии при сокращении производства и увольнениях; им раздаются ордера на дешевую одежду, продукты питания; среди них распространяются бесплатно газеты и литература и т. п.

Национал-социалисты стремятся укрепить свои позиции на важнейших в стратегическом, военном и политическом отношениях предприятиях и цехах, чтобы в случае борьбы с рабочим классом легче было организовать отпор рабочему восстанию. Например в Эссене у Круппа национал-социалисты концентрировали свои силы в домашнем цехе, который питает все остальные цехи. Почти все места мастеров, старших рабочих в этом цехе заняты национал-социалистами.

Так подготавливает фашизм из захватываемых им предприятий свои «опорные пункты». «Из крепости коммунизма предприятие должно стать крепостью национал-социализма» — такова основная идея этого фашистского «штурма» на предприятиях. Но национал-социалисты чувствуют себя на предприятиях, как в осажденных крепостях, несмотря на террор, ими там установленный.

Второй крепостью, без которой фашизм не может укрепить своего господства в пролетарской Германии, являются профсоюзы. Террором и силой нельзя управлять многомиллионной наемной армией. Вопрос о включении профсоюзов в новый, фашистский государственный аппарат стал важнейшим вопросом политики фашизма, пришедшего к власти. Если бы национал-социалистам удалось взять профсоюзы в свои руки еще до захвата ими власти, социал-демократия была бы буржуазии давно не нужна. Фашизм не сразу занял в отношении профсоюзов определенную позицию. Еще до прихода к власти вожди фашизма заявляли, что профсоюзы должны существовать и в «третьей империи», но что их надо преобразовать в национальные рабочие организации. Придя к власти, фашизм заявил, что предпосылкой существования профсоюзов являются их политический нейтралитет и ограничение их деятельности сферой экономических вопросов под наблюдением государственных органов. Социал-фашистские руководители «свободных» профсоюзов охотно и сразу приняли все эти требования. Но национал-социалисты не могли на этом остановиться. Первоначально среди них фигурировали два проекта фашизации профсоюзов: один требовал немедленной перестройки профсоюзов по образцу итальянских фашистских корпораций, другой предполагал создание центральной организации делового сотрудничества рабочих с предпринимателями с постепенным усилением влияния национал-социалистов. Но профсоюзы как массовые пролетарские организации (даже так обессиленные социал-фашистским руководством) являются постоянным источником угрозы и опасности для фашистского режима. Поэтому задача фашистов заключалась в том, чтобы ликвидировать союзы как массовые организации и превратить их в средство контроля фашистского государства над рабочим классом. Еще 4 апреля 1933 г. в берлинской газете «Ангрифф» в статье «Свободные профсоюзы и национальная революция» автор статьи Генрих Беккер писал, что национал-социалисты должны сохранить «здоровую часть свободных профсоюзов». А уже через несколько дней тот же «Ангрифф» писал более решительно, чем когда-либо, о необходимости взять профсоюзы в свои руки:

«Мы не хотим оставить и тени сомнения в том, что в случае необходимости сами возьмем дело в свои руки, чтобы приспособить рабочие организации к существующему строю».

2 мая после шумно отпразднованного фашистского праздника «национального труда» все профсоюзы были захвачены национал-социалистами. лидеры реформистских союзов арестованы, капиталы профсоюзов

конфискованы. Взамен нескольких политически различных профессиональных объединений была создана единая фашистская организация под названием «Рабочий фронт». Основными организациями «Рабочего фронта» являются «Союз германских рабочих» и «Союз германских служащих». Структура, управление и функции этих союзов скопированы с фашистских профсоюзов в Италии. Процессе фашизации профсоюзов завершился конгрессом «Рабочего фронта», созванным «комитетом защиты труда» во главе с Леем: на конгрессе с программной речью выступил сам Гитлер. Впрочем ни конгресс, ни программная речь не могли обмануть рабочих Германии насчет действительных намерений фашизма в отношении рабочего класса.

Как же случилось, что профсоюзы, объединявшие миллионы наемных рабочих, капитулировали без борьбы и на шестьдесят пятом году своего существования безропотно и бесславно уступили свое место фашизму? Эта капитуляция была подготовлена всей политикой германской социал-демократии. Но никогда социал-фашизм так позорно не пресмыкался перед своими буржуазными господами, как в настоящее время перед фашистской диктатурой Гитлера.

Стремясь во что бы то ни стало сохранить свои посты, профсоюзные вожди не только объявили свою «независимость» от социал-демократической партии, не только ушли из Амстердамского интернационала, но и сделали целый ряд «верноподданнических» заявлений Гитлеру и президенту Гинденбургу, в которых подчеркивали право фашистского «национального» государства диктовать свою волю профсоюзам. Так, в декларации АДГБ от 20 марта, обращенной к Гитлеру, прямо подчеркивалась полная зависимость профсоюзов от фашистского государства.

«Профсоюзы,—гласила декларация,—вошли в жизнь как организация самопомощи пролетариата; в процессе своего развития они все больше и больше срастались с самим государством. Социальные задачи профсоюзов должны выполняться вне зависимости от характера государственного режима». При этом председатель АДГБ произнес в Высшей школе профсоюзов в Бернау большую речь, в которой он развил «национальные задачи» профсоюзов в государстве и хозяйстве, руководимом фашистами.

В том же направлении стали развивать теории приспособления к фашистскому режиму под флагом политической нейтральности и другие социал-фашистские теоретики, проповедуя, как Цвинг, чистейший националистический «экономизм».

Профсоюзные вожди проявили особый энтузиазм в связи с объявлением 1 мая праздничным днем «национального труда»; провозглашая этот новый демагогический маневр фашистской власти «новой эпохой в истории немецкого труда», руководство профсоюзов и социал-демократической партии не только призвало массы участвовать в фашистской демонстрации 1 мая, но и объявило этот день «днем победы немецкого социализма». «1 мая стало символом связи всей нации с рабочим классом», «на место двух классов — буржуазии и пролетариата — национальная революция связала все классы в один народ, объявив труд масштабом ценности общества» — этими и подобными сентенциями пестрела социал-фашистская пресса перед 1 мая.

Когда тем не менее фашисты разгромили реформистские профсоюзы, вожди их не только не оказали сопротивления, но с полной готовностью передали фашистам денежные фонды, даже если они находились на личном счету или в заграничной банке. Капитуляция реформистских профсоюзов перед фашизмом явилась таким образом историческим итогом длинного пути германской социал-демократии от социал-патриотизма к социал-империализму и социал-фашизму. Но теперь конец этого пути ясен. Массы все больше понимают основной источник своих бедствий и причину своих поражений. Бегство рабочих из социал-демократической пар-

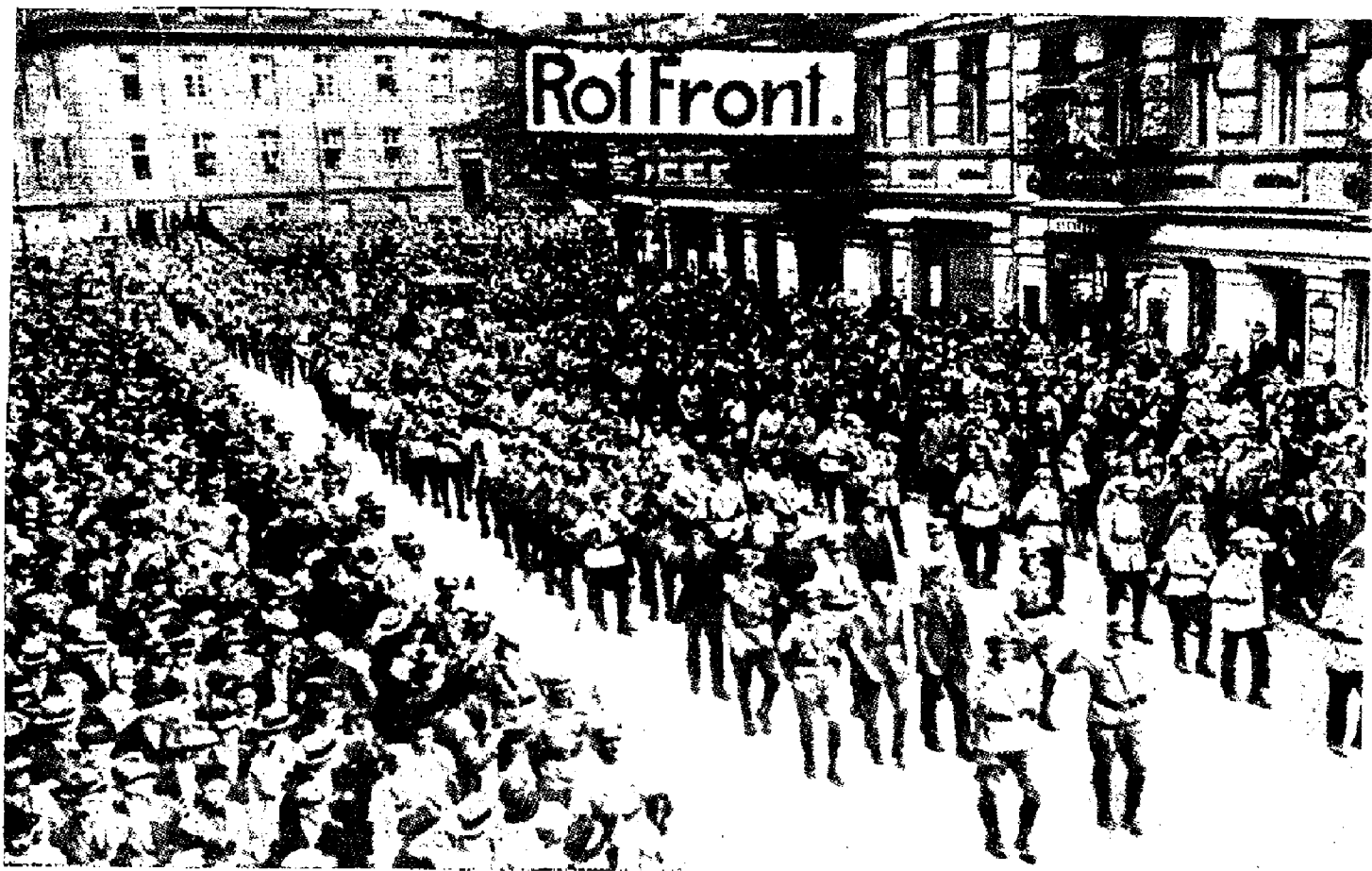
тии, особенно среди активистов реформистского профдвижения, все усиливается; число ушедших из соц.-дем. партии исчисляется тысячами. Германский рабочий класс охвачен глубоким массовым волнением, страшной горечью и злобой.

«В Германии, — пишет буржуазный английский корреспондент газеты «Манчестер гардиан», — возникла такая ненависть, которая никогда еще не существовала раньше... Может быть будущий историк увидит в агонии коричневого террора муки родов германской революции, революции, по сравнению с которой восстание 1918 г. будет казаться мягкой реформой».

Пролетарская революция в Германии — единственный решительный выход для пролетариата из фашистского рабства. Железной когортой пролетарской революции является коммунистическая партия Германии, героически ведущая жестокую борьбу со смертельным врагом рабочего класса. Под ее руководством борьба германского пролетариата против фашизма принимает все более широкие размеры. Антифашистский фронт на фабриках и заводах, на биржах труда и в лагерях трудности, в городе и в деревне ширится и нарастает. Гитлер не имеет ни сил, ни средств, ни времени, чтобы удержать рабочий класс от борьбы за пролетарскую революцию. Ни террор, ни социальная демагогия не могут быть спасительными средствами для укрепления фашизма и для уничтожения рабочего движения. На террор рабочий класс отвечает мужеством сопротивления. На социальную демагогию он отвечает беспощадным ее разоблачением.

Между фашизмом и рабочим классом нет и не может быть «примирения», какое провозглашает сейчас Гитлер, ибо их разделяет историческое единоборство двух смертельно враждующих классов: пролетариата и буржуазии. Победа первого, как и гибель второго, исторически закономерны и неизбежны.

Демонстрация красных фронтовиков на улицах Берлина

...пролетарская революция в Германии — единственный решительный выход для пролетариата из фашистского рабства...

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТЬЕРА

И ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦИИ 18 марта 1871 г.

С. Б. КАИ

Широким слоям трудящихся нашего Союза хорошо известно, какое громадное, исключительное значение имел опыт Парижской коммуны для выработки основных положений стратегии и тактики марксизма-ленинизма. Прошло уже 62 года с того мартовского дня, когда на одной из площадей Парижа при звуках музыки и победном ликовании стотысячной толпы перед украшенной красными знаменами ратушей торжественно провозглашена была Коммуна, и все же краткая 72-дневная ее история продолжает попрежнему волновать миллионные массы трудящихся всего мира и продолжает подымать их на борьбу с капитализмом. Трудящиеся хорошо знают, что дело Коммуны не умерло, что оно продолжает жить в Республике советов, в революционной борьбе всего мирового рабочего класса.

Два основных урока завещала прежде всего, как известно, Парижская коммуна последующим поколениям рабочего класса. Она доказала, что «рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим целям»¹, что рабочий класс, стремящийся покончить с властью буржуазии, должен разбить и сломать эту готовую государственную машину, а не ограничиваться простым захватом ее.

Второй, не менее важный урок Коммуны состоял в том, что она самым фактом своего существования показала, чем заменить эту разбитую государственную машину буржуазии, показала, в какие конкретные формы станет выливаться организация пролетариата как господствующего класса и каким образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии»².

Именно два этих основных урока, а также тот важнейший урок, что без партии пролетариата невозможна победа пролетарской революции, что «партия есть высшая форма классового объединения пролетариата» и были, как известно, восприняты Лениным и партией большевиков, которые уже в эпоху русской революции 1905 г. стремились повторить опыт парижских рабочих и не боялись звать русских рабочих «прибегнуть к тому же способу борьбы, начало которому дала Парижская коммуна, — к гражданской войне».

В 1917 г., в год Октябрьской революции, опыт коммунаров помог Ленину не только теоретически обосновать и углубить стратегию и тактику пролетарской революции, но помог и практическому осуществлению захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Ведь именно «Ленин, как указывает т. Сталин в «Вопросах ленинизма», — открыл советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской коммуны и русской революции»³.

«Республика Советов, — говорит т. Сталин, — является... той искомой и найденной наконец политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зародышем

¹ Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 46, изд. 1931 г.

² Ленин. Государство и революция, т. XXI, стр. 397.

³ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 341, изд. 4-е.

этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»¹.

Хорошо известно, что обострение классовой борьбы в странах капитала в связи с наступлением эпохи войн и пролетарских революций значительно усидило интерес к истории Парижской коммуны со стороны буржуазных и особенно социал-демократических историков. Неудивительно поэтому, что эти последние в своей слепой бешеной ненависти к Советскому союзу всеми силами стремятся дискредитировать вошедший в железный инвентарь большевизма опыт Коммуны.

Еще в 90-х годах прошлого века основоположник ревизионизма Э. Бернштейн в своих получивших затем печальную известность «Предпосылках социализма» открыто отказался видеть в Парижской коммуне то, что видел в ней Маркс, — именно правительство рабочего класса, диктатуру пролетариата. По словам Ленина, Э. Бернштейн в своей книге открыто «обвиняет марксизм в «бланкизме» и решительно отвергает «диктатуру пролетариата», в вопросе же о Парижской коммуне идиотски смешивает с шрудонизмом, жульнически обходит вовсе, абсолютно обходит «разбитие государственной машины»².

В наши дни последователи Э. Бернштейна, идя дальше по стопам своего учителя, прямо заявляют, что взгляды Маркса на Парижскую коммуну «не могут быть приняты всерьез ни одним историком», что Маркс готовил свой труд (о Коммуне) не в качестве обычного научного труда, а обслуживая интересы партии и партийной организации³. Именно поэтому, утверждают современные последователи Э. Бернштейна, Маркс в «Гражданской войне во Франции» «перегнул палку в другую сторону» и, желая защитить своих партийных товарищей от возводимых на них обвинений, «не оставил ни одного целого волоса на голове победителей» — версальцев⁴.

По мнению социал-фашистских историков Конради и Венделя, «Гражданская война во Франции» является грубо тенденциозным произведением, нуждающимся в ряде исправлений. Согласиться с основными выводами Маркса, видите ли, нельзя: Коммуна показала рабочему классу, как не следует делать революцию, она является не образцом для подражания, а только грозным предостережением. Нарушив принципы демократии и сломав аппарат буржуазной государственной власти, Коммуна пошла явно по пути якобинско-бланкистской авантюры и была по существу скорее бунтом, чем революцией⁵.

«Бланкистско-якобинские делатели революции, — пишет например Конради, прямо возражая Марксу, — овладели городской ратушей вовсе не в самом ходе борьбы против нападения реакционеров»⁶. «Бланкистско-коммунистические и якобинские политэки путча»⁷ сами, наоборот, были 18 марта 1871 г. нападающей стороной, сами заставили правительство Национального собрания Тьера и его генералов принять необходимые меры самообороны.

Последние только защищали республику от нападения заговорщико-авантюристов. Конради возмущается тем, что Маркс «без достаточного основания» чернит Тьера, Фавра и других деятелей буржуазного правительства. Он считает совершенно недоказанной продажность отдельных тьеровских министров и генералов и берет под свою защиту расстрелянных в день 18 марта генералов — Леконта и Клемана-Тома. По его мнению, эти генералы не совершили никакого преступления: они только

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 114, изд. 4-е.

² Лен. сборник XIV, стр. 381.

³ Conrady, Reichsgründung und Kommune, стр. 219, изд. 1920 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 280.

⁶ «Neue Zeit», г. XXXIX, ч. 2-я, стр. 10; статья Conrady «Die Pariser Kommune».

⁷ Conrady, Reichsgründung und Kommune, стр. 223.

защищались от нападения толпы и, отдавая приказание стрелять, только выполняли свой долг по службе.

Нет надобности, думаем мы, подробно излагать все шальные измышления, встречающиеся на страницах социал-фашистских книг о Коммуне. Конради, Венцели и другие сознательно фальсифицируют историю, изображая события 18 марта 1871 г. заранее подготовленной якобинско-бланкистской авантюрой: социал-фашистские историки не могут не знать, что как раз недостаточная подготовка к отпору реакционерам была слабой стороной революции 18 марта 1871 г., что события этого дня были хорошо подготовлены не там, где помещался ЦК национальной гвардии — не на улице Кордери в Париже, а в лагере реакционеров — в типичных министерских кабинетах и в кулуарах Национального собрания в Бордо.)

Новейшие исследования и публикации документов ни в чем не опровергли тех бессмертных страниц «Гражданской войны во Франции», где Маркс разоблачает преступную политику правительства Тьера накануне Коммуны. Наоборот, они полностью подтвердили выдвинутое Марксом обвинение. В частности подтвердили они вполне и брошенное Марксом в лицо «представителям поземельной собственности и капитала» Франции обвинение в организации против рабочего Парижа «контрреволюционного заговора», в попытке «открыто завершить внешнюю войну, под высоким покровительством чужеземного завоевателя и на глазах у него, гражданскою войною, бунтом рабовладельцев»¹. Обратимся теперь к тем фактам, которые подтверждают это выдвинутое Марксом обвинение.

28 января 1871 г. прогремели, как известно, в последний раз под Парижем немецкие пушки, и торжествующие победители — пруссаки после 4-месячной осады добились наконец капитуляции французской столицы. В результате войны буржуазная Франция была разгромлена прусскими войсками и должна была теперь огромной 5-миллиардной контрибуцией расплачиваться за грехи Второй империи, за седанскую катастрофу и преступно бездарную политику так называемого правительства национальной обороны.

Хозяйственная жизнь страны была совершенно подорвана неудачной войной и длительной осадой столицы. Созванное в Бордо в середине февраля реакционное Национальное собрание констатировало не только полный развал в области сельского хозяйства, торговли и промышленности, но и резкое ухудшение состояния финансов Франции. Достаточно сказать, что к концу этого месяца курс трехпроцентной государственной ренты, равнявшийся к началу войны 75 фр., упал до 50. «Банкноты местных банков вместо золота, серебра и ценностей Французского банка, неоплаченные векселя и всеобщее банкротство в перспективе»² — вот то, что, по словам одного современника, действительно унаследовало от правительства национальной обороны сменившее его у власти новое, выдвинутое национальным собранием, правительство Адольфа Тьера.

Разумеется, расплата за преступную проигранную войну вовсе не входила в планы французских капиталистов, и именно поэтому «свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей богатства»³, по словам К. Маркса, в данной исторической обстановке не могло не стать основной классовой задачей буржуазии.

Разрешение этой задачи, как известно, смело взяло на себя правительство Адольфа Тьера, приступившее после своего прихода к власти.

¹ Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 37.

² Magé. L'Assemblée Nationale, т. I, стр. 69, Париж, 1904 г.

³ Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 37.

немедля ни одной минуты, к проведению в жизнь в интересах крупной буржуазии в целом, и особенно в интересах ее слоев, стоящих за спиной у богатейшего Французского банка, определенной экономической программы.

Смысл намеченных правительством Тьера мероприятий заключался в безжалостном выжимании путем усиления налогового гнета последних грошей у трудового населения страны, в безмерном сокращении и без того ничтожного фонда заработной платы и наконец в вырывании обратно с кровью и мясом тех денежных сумм, которые успела задолжать магнатам капитала задыхавшаяся в тисках конкурентной борьбы мелкая буржуазия Франции. Уничтожение жалования национальным гвардейцам Парижа, уничтожение отсрочек платежей по векселям и квартирной плате — вот с каких мероприятий предполагало правительство Тьера начать разрешение поставленной перед ним буржуазией задачи.

Однако проведение в жизнь этой экономической программы буржуазии наталкивалось на значительные трудности, поскольку в результате вызванного войной и революцией 4 сентября 1870 г. кризиса придавленные восемнадцатью годами императорского режима массы явно выходили из повиновения и отказывались безропотно и послушно сносить дальше ярмо капиталистической эксплуатации. Успеху замысла буржуазии, по словам Маркса, «мешало одно громадное препятствие — Париж».

Известно, что уже классовые бои последних лет империи, массовые политические стачки и деятельность I интернационала значительно повысили активность пролетариата Франции и особенно Парижа. Тяжелые дни осады и особенно преступная классовая политика правительства национальной обороны в свою очередь способствовали росту сознательности пролетарских масс, которые сумели использовать тяжелые военные затруднения правительственной власти буржуазии для того, чтобы созданием своих массовых организаций — клубов, комитетов бдительности, союзов — значительно укрепить свои классовые позиции.

В то же время к февралю—марту 1871 г. окончательно упрочился и укрепился уже давно намечавшийся союз между начавшим осознавать свои классовые интересы пролетариатом и широкими непролетарскими слоями трудящихся Парижа, страдавшими от классовой политики «деревенщины» и стремившимися вырваться из цепких лап парижских банкиров-капиталистов.

Капитуляция Парижа, как известно, не вырвала из рук рабочих и ремесленников города захваченные ими во время осады ружья и пушки. В руках трудящихся столицы продолжали находиться не только тысячи винтовок — шаспо, но и значительное количество легких и тяжелых орудий, а также разнообразное военное снаряжение. Уже одно это не могло не составлять огромной, смертельной опасности для «законной» буржуазной власти, рядом с которой к концу февраля все отчетливее и отчетливее вырисовывались очертания новой, создаваемой по инициативе и по инициативе самих масс трудящихся власти Центрального комитета национальной гвардии Парижа.

Стремление обуздать выпешшие из повиновения массы, стремление «подчинить Париж» и обезоружить его наталкивалось на ряд других серьезных препятствий, ослаблявших силы буржуазии и делавших ее подчас совершенно беспомощной и пассивной: тяжелый внутренний кризис самих господствующих классов, начавшийся еще в разгар военных действий и не прекратившийся после заключения мира с Пруссией, мешал сосредоточению сил буржуазии и отвлекал ее внимание от насущных классовых задач. Вместе с тем развал и распад старой императорской армии и явно недостаточное количество в Париже регулярных воинских частей, разложение государственного аппарата, вынужденное разделение на две

части — парижскую и бордосскую — самого нового правительства Тьера довершали безобразную для господствующих классов картину.

Вот в этой-то исключительно сложной обстановке и приходилось Тьеру приступать к практическому осуществлению своей экономической программы; его маленькую, но жесткую руку должны были скоро почувствовать трудящиеся классы Франции и Парижа.

К началу 1871 г. Адольф Тьер, крупный капиталист и владелец богатейших угольных копей в Анзене, мог бы уже вполне подводить итоги своей больше чем 70-летней жизни. В течение 40 лет своей политической деятельности он всегда неизменно принимал самое активное участие в борьбе буржуазии против поднимающегося рабочего класса. И в 1831 г., и в 1834 г., и позже, в 1848 г., он словом и делом помогал буржуазии подавлять рабочие восстания и поэтому хорошо знал силу расправлявшего свои плечи пролетариата и не мог обманываться относительно смысла происходящих теперь в Париже событий.

Этот маленький злой человек хорошо знал, знал лучше, чем кто-либо другой в буржуазной Франции, что предположенные правительством и «деревенщиной» мероприятия могут быть проведены в жизнь исключительно силой, вернее насильем.

И именно поэтому перед ним не могли не стоять с самого первого дня его прихода к власти вполне определенные политические задачи, являющиеся неизбежным продолжением и дополнением указанных выше хозяйственных, экономических задач.

Объединить разрозненные и распыленные силы правительственной власти; создать недалеко от очага революции — Парижа — центр для перехода в наступление на врагов буржуазии; реорганизовать в послушную буржуазии силу разбитую и деморализованную императорскую армию — вот те политические задачи, без разрешения которых конечно нечего было и думать «свалить тяжесть войны... на плечи производителей богатства».

Разрешить эти политические задачи и означало для Адольфа Тьера и пославшей его к власти кучки финансовой олигархии подготовить насильственное разоружение революционного Парижа; подготовить же тайне это разоружение — разве не означало это создать тот «контрреволюционный заговор» господствующих классов против пролетариата, о котором говорит Маркс в своем «Адресе о гражданской войне»?

||

Ближайшей исходной точкой событий, в дальнейшем приведших к восстанию 18 марта и переходу власти в руки пролетариата, вне всякого сомнения были начавшиеся еще 24 февраля, в день годовщины февральской революции, и продолжавшиеся вплоть до 4—5 марта народные волнения в Париже.

Волнения эти, начавшиеся в связи с ожидавшимся 1 марта вступлением немецких войск в Париж и возможной оккупацией рабочих районов, в действительности были следствием невыносимого положения рабочих масс. Посредством вооруженных демонстраций выражали теперь эти массы свое стремление сохранить и укрепить республику и свое недоверие и презрение правительству буржуазии.

Красные знамена на статуе Республики, непрерывающиеся день и ночь демонстрации на площади Бастилии, массовое вооружение народа — вот с чем пришлось столкнуться в конце февраля беспомощному, не имевшему в своем распоряжении достаточных военных и полицейских сил правительству Тьера.

Уже в воскресенье 26 февраля «положение», по словам министра иностранных дел Жюль Фавра, «было весьма критическое, и поэтому не-

обходимо было считаться с возможностью прямого революционного выступления масс». Тьер, в связи с этим, рассказывает Жюль Фавр, в ночь на 27 февраля «не дожидаясь спать. Он принимал меры для защиты с активностью и хладнокровием, присущим решительному и твердому человеку». «Подобно всем нам, и Тьер слушал раскаты набата, смешанные с шумом, который производили бродившие по городу массы вооруженных людей»¹.

Уезжая на утро 27 февраля в Бордо и покидая Париж, Тьер таким образом уносил в ушах эти раскаты набата, этот шум подымающегося на борьбу за новую жизнь города.

Вдогонку ему летели телеграммы, целый дождь телеграмм, как об этом рассказывает нам Фавр.

«Агитация продолжается и выражается в определенных опасных симптомах,—уже 28-го пишет Тьеру этот последний, возглавивший правительственную власть в Париже. — Солдаты, матросы и особенно мобили Сенского департамента присоединились к манифестациям, продолжавшимся часть ночи, пушки были с триумфом вывезены, оружейные магазины разграблены и, что особенно горестно, захвачены патроны»...

«Национальная гвардия абсолютно деморализована, и ее батальоны, принимающие участие в беспорядках, слушаются только комитета, который можно назвать инсurreкционным»... «Положение, как видите, далеко не завидное, я боюсь еще ухудшения» — продолжает Фавр, умоляя Тьера сделать «все, что будет возможно, чтобы освободить нас в наиболее короткий срок»...².

К 3 марта, т. е. ко дню вывода немецких войск из Парижа, где они согласно условиям мирного договора находились с 1 марта и ко дню новых серьезных беспорядков в Гренелле, тревога оставшихся в Париже властей достигает своей наивысшей точки. Все увеличивающийся размах революционного движения заставляет Фавра прямо взывать о помощи и подавать в Бордо сигналы о бедствии «подобно,— как он сам об этом пишет Тьеру, — евангельским апостолам, взывавшим: господи, спаси нас, мы погибаем»³.

Тьер разумеется с тревогой следит за развертыванием событий в Париже. Сигналы о бедствии не могли не доходить до него, тем более, что уже во время своего пребывания в Париже он сам мог наблюдать огромный, невиданный раньше размах движения. «Сейчас же после подписания мирного договора, — рассказывает он сам, давая показания следственной комиссии Национального собрания, — я увидел, что мы должны будем выдержать ожесточенную борьбу с этими людьми»⁴. Политический опыт человека, активно подавлявшего ранее ряд рабочих восстаний, подсказывает ему необходимые решения:

«В то время как мы в Бордо заняты были обсуждением мирного договора (т. е. 28 февраля и 1 марта. — С. К.), генерал Ле-Фло получил приказание направить войска в столицу»⁵.

Сохранившиеся и опубликованные в различных изданиях письма Тьера в Париж Жюлю Фавру и представителю военного министра генералу Сюзанну, а также отдельные распоряжения самого военного министра генерала Ле-Фло позволяют нам глубже проникнуть в скрытые намерения правительства и вместе с тем дают возможность более детально выяснить характер того предательского удара из-за угла, который с самых первых дней марта готовили в Бордо трудящимся Парижа Тьер и его ближайшие помощники.

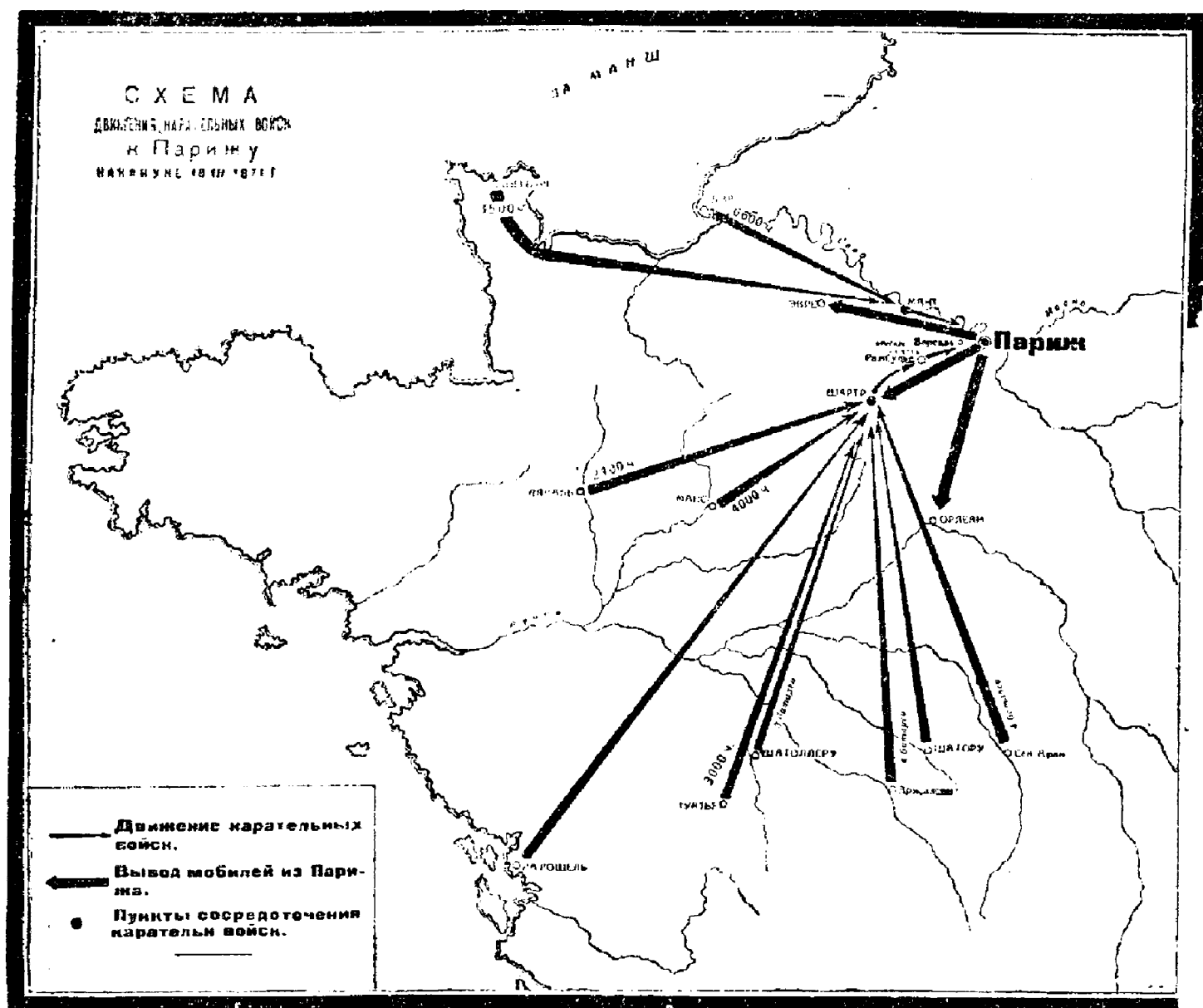
¹ J. Favre, Le Gouvernement de la Défense Nationale, т. III, стр. 124.

² Письмо Фавра Тьеру от 28 II 1871 г. См. «Revue des deux mondes», т. XXXIV, 1916 г.

³ Письмо Фавра Тьеру от 3/III 1871 г. См. там же.

⁴ «Enquête parl. sur l'insurrection de 18 mars», изд. в одном томе, стр. 175 и дальше.

⁵ Там же.

Войска, предназначенные военным министром для участия в карательной экспедиции, должны были быть выделены из состава Луарской и Северной армий.

В том, с каким исключительным вниманием отнеслись правительство и военное командование к задаче «отделить хорошее» и к формированию из отобранного таким образом, как бы «à la fourchette»¹ — это слова самого Тьера, — людского материала, годных для подавления восставшего Парижа бригад и дивизий, можно убедиться из письма Тьера директору Французского банка Рулану. По словам генерала Винуа, в Париж была направлена тогда «l'élite», т. е. лучшая часть провинциальных армий².

Основные распоряжения по армиям о движении войск специального назначения из Парижа были отданы генералу Ле-Фло, как это следует из письма Тьера Жюлю Фавру от 5 марта, еще 3 марта под непосредственным впечатлением сообщений из Парижа о волнениях в Гренелле и отчаянной телеграммы генерала Винуа о присылке на помощь хотя бы одной дивизии; 4 марта эти распоряжения были «уточнены с особенной силой»³.

Части, предназначенные для участия в карательной экспедиции, в основном были выделены из войсковых соединений, расположенных в самых различных городах северо-западной Франции: из Гавра, Шербур-

¹ Письмо Тьера Фавру от 5/III 1871 г. См. Bouniola, «Thiers au pouvoir», стр. 25.

² Vינוא, L'Armistice et Commune, стр. 183.

³ Письмо Тьера Фавру от 5/III 1871 г.

га, Лавалья, Пуатье, Шатору, Ларошели и Сен-Амана. Они должны были составить в целом три пехотных дивизии, одну дивизию кавалерии и 9 артиллерийских батарей с общей численностью в 29.700 чел. Несколько позднее кроме того должны были быть двинуты к Парижу и полки бретонских добровольцев, находившихся под командой реакционнейшего генерала Шаретта. Из письма Тьера этому генералу видно, что правительство рассчитывало 10 марта сосредоточить этих бретонцев в Рамбульсе, недалеко от Версаля¹.

«Войска, которые должны будут прибыть к Вам, будут состоять из двух колонн: одна из этих колонн должна будет прибыть из Шербурга и Гавра в Мант, другая из Пуатье и Манса в Шартр» — сообщал Тьер Жюлю Фавру 5 марта, указывая на необходимость всячески приготовиться к приему и размещению этих войск².

Действительно, Мант и Шартр, две крупные железнодорожные станции, лежащие на Северной и Западной железных дорогах сравнительно недалеко от Парижа, были избраны военным командованием в качестве пунктов сосредоточения движущихся к столице армий; для приема и дальнейшего направления воинских частей на Париж в оба эти пункта были командированы одновременно с отдачей распоряжений о движении войск два высших штабных офицера — адъютант генерала Ле-Фло капитан Дю-Ло в Мант и офицер Бегмон в Шартр³.

Особое, исключительное внимание уделяет Тьер, и этого конечно следовало ожидать, политическому состоянию посылаемых в Париж воинских частей. В письмах Тьера генералу Сюзанну мы находим поэтому целый ряд интереснейших указаний относительно методов поддержания в войсках воинского духа и дисциплины. «Количество войск достаточное, — пишет Тьер 7 марта, — остается их настроение. Вот что особенно меня занимает. Верность войск — главная наша задача, и она должна быть поэтому предметом всех наших забот»⁴.

Используя опыт 1848 г., опыт подготовки подвижной гвардии для роли палача парижских рабочих, Тьер прежде всего предлагает своим генералам особенно внимательно следить за снабжением войск продовольствием, за санитарным состоянием лагерей и казарм и удобством расквартирования. «Чтобы солдаты были в хорошем настроении, надо, чтобы они были довольны» — указывает он. «Обслуживайте войска самым лучшим образом, сколько бы это ни стоило, — настаивает он в другом письме, — если войскам чего-либо не будет хватать, не оставляйте этого без внимания. Делайте необходимые расходы, хотя бы они и выходили несколько за пределы обычных мерок»⁵.

Тьер однако хорошо знает, что одного хорошего, улучшенного довольствия войск еще далеко недостаточно: необходимо всеми силами стараться уберечь их в пути и по прибытии на место, в столицу, от революционной заразы, а для этого — принять меры для изоляции солдат от населения.

Уже в письме от 3 марта Тьер предлагает генералу Сюзанну спешно приступить к подготовке только что покинутых немцами фортов левого берега Сены, и особенно Мон-Валериана, к приему ожидающейся в Париже армии. «Ничего не может быть естественнее, чем это занятие, — хитро пишет он, — тем более, что мы тем самым будем иметь преимущество не

¹ *Voyniols, Thiers au pouvoir*, стр. 48 — 49.

² Там же, стр. 25.

³ *Vinoy, L'Armistice et Commune*, стр. 185. См. также письмо Тьера генералу Сюзанну от 5, III 1871 г. (*Dathé, La résistance*, стр. 258).

⁴ *Voyniols, Thiers au pouvoir*, стр. 41.

⁵ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 6, III 1871 г. (*Dathé, La résistance*, стр. 259) и письмо Тьера генералу Сюзанну же от 7, III 1871 г. (*Voyniols, Thiers au pouvoir*, стр. 42).

оставлять солдат в слишком интимном контакте с возбужденным населением Парижа»¹.

Кроме того самая работа по приведению оставленных немцами фортов в надлежащий порядок должна будет, по мнению Тьера, иметь определенное «двойное преимущество». — «она займет людей и даст возможность использовать их рабочие руки»².

В письме от 5 марта он снова напоминает генералу Сюзанну о необходимости «не бросать войска в самую гущу населения» и расквартировать их частично в Сед-Жермене, частично в самом Париже, в менее населенных районах или местах, допускающих отделение войск от остального населения, — в Военной школе, на Марсовом поле, во Дворце инвалидов, в хорошо запертом Тюильри. «Я попрежнему рекомендую, — повторяет Тьер Жюлю Фавру, — не рисковать расположением вновь прибывающих в гуще населения, расквартирование надо произвести таким образом, чтобы гарантировать вновь прибывших от плохих влияний»³.

Отдельные части из числа предназначенных для умирения Парижа войск, внушающие хотя бы тень подозрения, необходимо немедленно отделять от остальных. По мнению Тьера, оставленные немцами небольшие форты левого берега Сены (Ванв, Исси и другие) могут служить местом для расквартирования этих внушающих подозрение воинских частей, «нуждающихся в том, чтобы быть занятыми»⁴.

Особенные заботы со стороны Тьера и генерала Ле-Фло вызывает к себе вопрос о командном составе карательной экспедиции. «Я умоляю Вас и генерала Винуа, — пишет Тьер генералу Сюзанну, — собственными глазами осмотреть прибывающие войска, обратив особое внимание на офицеров, убедиться в настроении этих последних и, если будет необходимо, произвести изменения в командном составе»⁵. Генерал Ле-Фло еще 3 марта, сообщая генералу Винуа о предполагаемом составе экспедиции, указывает, что ему стоило большого труда подобрать командный состав и что он потому остановил свой выбор на генералах Модюи, Сюзбиелле, Барри и Рессайре, что последние «уже великолепно знают Париж и командовали во время осады отдельными частями парижского гарнизона»⁶.

Легко понять, какое «знание» Парижа ценит Ле-Фло: речь идет о предстоящем бое с мятежниками, и заботливый генерал стремится поставить во главе отдельных отрядов командиров, хорошо знающих предстоящее поле битвы и хорошо знакомых с самим «врагом»!

Для того, чтобы протолкнуть в Париж столь большое количество бригад и дивизий, необходимо было конечно добиться согласия немецкого верховного командования.

Уже 4 марта Жюль Фавр по поручению Тьера обращается к Бисмарку с просьбой значительно увеличить контингент парижского гарнизона и разрешить дополнительно ввести в столицу для присоединения к оставленной уже в Париже дивизии генерала Фарона еще 20 тыс. солдат:

«Париж находится под угрозой серьезного столкновения»... «беспорядки... продолжают ян усиливаются»... «генерал Винуа беспомощен, имея только одну дивизию в своем распоряжении, — пишет Жюль Фавр Бисмарку, — я прошу Ваше превосходительство отдать распоряжение о том, чтобы не было отказано в пропуске везущим войска поездам»⁷.

Разумеется, ни Фавр, ни тем более Тьер не ожидают отказа от железного канцлера, который открыто предлагал уже раньше свою помощь

¹ *Voynois, Thiers au pouvoir*, стр. 16 — 17.

² Там же.

³ Там же, стр. 26, 42.

⁴ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 6/III 1871 г.

⁵ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 7/III 1871 г.

⁶ *Vinoy, L'Armistice et Commune*, стр. 386 (письмо Ле-Фло).

⁷ «*Archives diplomatiques*», т. I, стр. 46. 1871 г.

для подавления восстания в Париже. И действительно Бисмарк не заставляет долго ждать соответствующего разрешения.

«Принимая во внимание создавшееся в Париже положение и необходимость предотвратить беспорядки, — гласит его ответ, — главное командование дает свое согласие на проход французских войск, упомянутых Вашим превосходительством»¹.

В тот же день в Версале подписывается военная конвенция об эвакуации фортов левого берега Сены: § 9 этой конвенции предусматривает увеличение гарнизона до 40 тыс. чел. и введение в столицу новых частей, следующих из Гаэра, Шербурга, Лавалья и т. д. В приказе немецкого верховного командования от 12 марта, т. е. за целых шесть дней до революции в Париже, говорится о том, что «в ближайшие дни предстоят операции французских войск против мятежных национальных гвардейцев Парижа. Ходатайство генерала Винуа — разрешить прохождение его частей через нейтральную зону — подлежит удовлетворению»².

Таким образом нельзя сомневаться в том, что тот единый фронт господствующих классов Франции и Германии против революции и рабочего класса, о котором позднее говорил Маркс на заседании Генерального совета I интернационала, начал складываться фактически еще задолго до 18 марта: немецкое командование, как мы видим, не только готово пропустить в Париж карательные отряды и быстро возвращать во Францию военнопленных, но и готово передать в распоряжение французского правительства 12 тыс. шашпо, доставшихся Германии в результате капитуляции Парижа. О необходимости срочно договориться с немцами о покупке у них этих ружей заботливый Тьер еще 6 марта пишет генералу Сюзанну: «Позаботьтесь о качестве и цене этих ружей»³.

Несмотря на достаточно высокий численный состав двинутых к Парижу отрядов, правительство стремится обеспечить себе необходимые резервы и поэтому с самого начала с нетерпением ожидает прибытия первых эшелонов б. военнопленных. По сведениям, идущим из Германии, прибывающие в своем большинстве бывшие императорские солдаты настроены далеко нереволюционно. И именно поэтому озабоченный сохранением среди б. военнопленных реакционных настроений Тьер стремится пресечь самую возможность соприкосновения б. военнопленных с мятежниками Парижа: прибывающие, согласно распоряжению, о котором Тьер сообщает 11 марта генералу Сюзанну, должны с пограничных пунктов направляться в соответствующие части, обязательно минуя зараженный революцией город!⁴

Нельзя не заметить, что в эти первые дни практического осуществления плана покорения Парижа Тьер и его ближайшие помощники проявляют в Бордо совершенно исключительную энергию. Об огромной активности Тьера свидетельствуют хотя бы только одни многочисленные его письма; и при этом надо еще иметь в виду, что до нас дошла только самая малая часть его переписки, что отдельные наиболее важные и секретные телеграммы и письма просто уничтожались и что многое и сейчас еще слишком хорошо упрятано в архивах буржуазной Третьей республики и, к сожалению, пока еще неизвестно, когда дождется опубликования. Бесследно пропали также и те сильно компрометирующие Тьера депешы, которые были найдены в дни Коммуны одним из помощников П. Груссе журналистом О. Пэном в письменном столе министра внутренних дел Э. Пикара. На основании этих депеш, как об этом сообщает читавший их и далеко недружелюбно настроенный к Коммуне очевидец, можно было

¹ «Archives diplomatiques», т. I, стр. 46, 1871 г.

² См. статью А. Молока «Бисмарк и Коммуна» в сб. «Парижская коммуна», изд. 1932 г.

³ См. указ. статью А. Молока, а также письмо Тьера генералу Сюзанну от 6/III 1871 г.

⁴ Voupiols, Thiers au pouvoir, стр. 49.

легко «установить совершенно точно, что эти господа (т. е. Тьер и Пикар) с самых первых дней месяца трудились над созданием того конфликта, который разразился в день 18 марта»¹.

Не меньшую энергию и активность, чем члены правительства в Бордо, проявляли в первые дни марта в самом Париже оставшиеся там министры Фавр и Пикар, а также представители военного ведомства генералы Сюзани и Винуа.

Особенно кипучую деятельность конечно проявляли последние: им приходилось не только брать на себя заботы по размещению и приему прибывающих из провинции войск, но одновременно также проводить очень сложную технически операцию демобилизации батальонов подвижной гвардии (мобилей), начавших еще 24—26 февраля брататься с парижанами, принимавших активное участие в манифестациях и уже вполне подпавших под влияние и руководство Центрального комитета национальной гвардии.

Без удаления из Парижа этих совершенно деморализованных частей нечего было и думать об успехе так тонко задуманного плана разоружения и подчинения мятежного Парижа.

Генералу Винуа только к 15 марта удается справиться с этой задачей и вывезти из Парижа в походном порядке и по железным дорогам десятки тысяч мобилей; это конечно крупный успех, так как мобили должны были обязательно стать союзниками революционной национальной гвардии Парижа в предстоящем в недалеком будущем бою.

Так в первые 10—15 дней марта совершается это двойное движение войск,—и в то время как из Парижа постепенно удаляются ненадежные и захваченные революционным вихрем части, в Париж все больше и больше просачиваются новые провинциальные батальоны—надежда и упование господствующих классов Франции.

III

Сведения относительно фактического хода операций по продвижению войск к Парижу мы находим в известной книге генерала Винуа «Перемирие и Коммуна». На основании сообщенных им сведений можно судить о том, что отдельные воинские части были, по приказу военного министра, двинуты в путь немедленно вслед за получением на местах соответствующего приказа, т. е. еще 4 марта; другие части двинулись в путь 5, 6 и 7 марта и прибыли в Париж через Маит, Шартр и Сен-Жермен 8-го и 9-го. Между 10-м и 15-м постепенно подвезена была к столице и большая часть остальных, предназначенных для участия в карательной экспедиции, частей, а главное — прибыла целиком вся артиллерия. Таким образом сложная операция по продвижению к Парижу значительного количества воинских сил была проведена военным командованием, особенно принимая во внимание трудность снабжения, ненадежность транспорта и необходимость прохода через немецкое расположение, весьма удачно: всего в Париже прибыли к 15—17 марта из общего числа отобранных генералом Ле-Фло войск полностью 1-я дивизия генерала Модюи, почти полностью 2-я дивизия генерала Сюзбиселля, одна бригада 3-й дивизии генерала Барри и вся артиллерия. Не успели добраться до Парижа в срок только одни кавалерийские части да отдельные немногие пехотные полки².

К сожалению, существующая литература совершенно не знакомит нас с теми условиями, при которых совершались все эти военные перевозки. Мы ничего не знаем также и о тех настроениях, которые господ-

¹ V i n o u y. L'Armistice et Commune, стр. 187 и дальше.

² Hérisson. Nouveau journal d'un officier d'ordonnance. La Commune, стр. 73, изд. 14-е.

ставовали в товарных вагонах, везших в столицу отдельные отряды карательных войск.

Нам удалось только натолкнуться на отдельные, скудные, правда, сведения в специально посвященной истории Гавра книге. Там говорится о полках, направленных в Париж из этого города. Среди этих полков, и это придает особенный интерес сообщению, находился тот самый 88-й пехотный полк, который, как известно, через несколько дней почти целиком перешел на сторону революции и значительно способствовал тем самым успеху пролетарского восстания.

Согласно сообщенным историком г. Гавра Бриндо сведениям, полки гаврского гарнизона получили от Ле-Фло еще 4 марта следующий лаконический приказ:

«Немедленно отправьте в Париж под командой генерала Берта 78-й, 88-й и 89-й маршевые полки; 90 патронов и продовольствие на три дня; предупредите генерала Винуа об отправлении»¹.

Согласно полученному приказанию, часть 76-го полка тронулась в путь еще 4-го; 89-й полк двинулся на следующий день; 88-й, находившийся в лагерях Совика, отправился в путь только 6 марта.

Разумеется, правительство держало в тайне ход и характер задуманной военной операции и принимало предупредительные меры, чтобы сведения о количестве войск и истинной цели их переброски в столицу не проникали на страницы периодической печати.

Так, Фавр еще в марте предложил Тьеру срочно перейти на шифр, так как иначе нельзя было рассчитывать сохранить «в секрете то, что содержится в депешах»²; так, 7 марта по распоряжению, идущему из Бордо, было запрещено пользоваться телеграфом всем частным лицам³. Тем не менее «шила в мешке» утаить не было, разумеется, никакой возможности, и поэтому почти одновременно с началом переброски войск в Париж о намерениях правительства узнали оба стоящие друг против друга в Париже лагеря — и буржуазия и пролетариат.

IV

Созданный еще в середине февраля ЦК национальной гвардии к первым дням марта представлял собою уже определенную, опиравшуюся на сотни тысяч рабочих и ремесленников, силу: до 200 батальонов национальной гвардии (из 254) к этому времени совершенно открыто признавали ЦК национальной гвардии единственным своим авторитетом и отказывались выполнять приказания генерала Орелля де-Паладина, назначенного 3 марта Тьером командующим национальной гвардией Парижа. Во всяком случае к 4 марта ЦК национальной гвардии мог уже вполне положиться на целый ряд батальонов, причем в 79-м, 99-м, 107-м, 129-м, 153-м, 168-м и 202-м батальонах, которые были набраны в рабочих округах Парижа, весь состав целиком состоял из его ярых приверженцев. Полицейские посты на улицах Гобеленов и Жерсона к этому времени также находились в его руках⁴.

Разумеется, движение войск Тьера к Парижу не могло остаться незамеченным в революционном лагере и не вызвать волнения среди членов ЦК национальной гвардии. Последние не могли не замечать, что реакция подымает голову и, готовясь нанести удар революционному движению, проводит ряд подготовительных мероприятий. Мероприятия правительства Тьера — переброска новых войск в Париж, назначение генерала Орелля, закрытие революционных газет в Париже по приказу генерала

¹ Brindeau, Les événements de 1870 — 71 au Havre, т. II, стр. 189.

² Письмо Фавра Тьеру от 6/III 1871 г.

³ Газета «Vengeur» № 31 от 7/III 1871 г.

⁴ Bourgin, La Commune et le Comité centrale, «Revue historique», т. CL, стр. 34, 1925 г.

рала Виллуа, смертный приговор, вынесенный по делу восстания 31 октября 1870 г. Бланки и Флурансу, и наконец неоднократные попытки военного командования овладеть пушками национальной гвардии — должны были бы привести к усилению классовой бдительности ЦК национальной гвардии и открыть глаза его членам на то, что гражданская война не за горами и что в связи с этим вопрос о власти скоро будет решаться на улицах Парижа.

Тем не менее, несмотря на все эти явные признаки приближения решительного, переломного момента, ни ЦК национальной гвардии, ни Парижский федеральный совет Интернационала не отдавали себе ясного отчета в создавшемся положении и поэтому не предпринимали достаточных шагов для подготовки масс к неизбежному уже теперь решительному столкновению. Патристические иллюзии, с одной стороны, и иллюзии возможности классового мира — с другой, делали свое дело, мешая этим организациям видеть действительность в ее подлинном, обнаженном виде.

10 марта на делегатском собрании представителей национальной гвардии член ЦК Арнольд в своем докладе подчеркивал от имени ЦК национальной гвардии, что ЦК национальной гвардии «меньше всего желательны кровавые столкновения граждан между собою»¹. Стараясь снять с ЦК национальной гвардии обвинения в подстрекательстве к гражданской войне, Арнольд говорил далее: «Мы протягиваем свои братские руки всем нашим согражданам, всем народам, которые также являются нашими братьями», и закончил свое выступление характерным лозунгом: «Довольно насилия, рабства и какой бы то ни было диктатуры. Да будет установлен суверенитет наций и свободные граждане да управляют собой сами»².

На том же самом собрании выработана была особая прокламация «К армии», в которой говорилось, что, «несмотря на то, что в Париже находятся 300 тыс. национальных гвардейцев, в город вводятся войска, которых хотят обмануть относительно настроения парижского населения». ЦК национальной гвардии призывал эти войска брататься с парижскими рабочими и ремесленниками.

Еще до 10 марта, т. е. до выпуска в свет прокламации ЦК национальной гвардии, революционные газеты обратили внимание на предпринятую правительством перегруппировку войск. Тем не менее, несмотря на наличие в революционном лагере определенного беспечности и волнения, нельзя сомневаться в том, что революционная печать, а также стоявшие за нее партии прудонистов, бланкистов и якобинцев, подобно ЦК национальной гвардии, недостаточно оценивали степень таившейся в этих войсковых перевозках опасности и потому совершенно недостаточно готовили массы к предстоящей в недалеком будущем схватке.

Мы не ошибемся, если скажем, что преобладающими здесь были оптимистические настроения, хорошим примером которых может служить одна из статей газеты «Пароль», посвященная почти целиком вопросу о продвижении правительственных войск к Парижу. Автор статьи убежден, что дело не может дойти до открытого столкновения и что правительство обманется в своих ожиданиях, так как направленные в Париж солдаты «ближе к тому, чтобы подать руку своим парижским братьям, чем к тому, чтобы служить преторианцами генералу Ореллю»³. И хотя ближайшие события действительно как будто бы оправдали эти надежды, разве не чувствуется здесь, в этих словах, первого проявления того вреднейшего оптимизма, который так тяжело потом отражался на ходе всех военных операций армий Коммуны?

¹ Лукки, Парижская коммуна 1871 г., стр. 191, изд. 4-е.

² Bourgin, La Commune et le Comité centrale. «Revue historique», т. CL, стр. 35—37, 1925 г.

³ «Mot d'Ordre» № 31 от 7/III 1871 г.

Конечно вся крупная буржуазия Франции и вся буржуазная пресса, затаив дыхание, следили за ходом предпринятой правительством операции. По вполне понятным причинам и «Temps» и «Journal des débats» — главнейшие органы буржуазии — уклонялись от дачи сколько-нибудь обстоятельной информации о близком прибытии в Париж умиротворителей. Скорее наоборот — в интересах буржуазии было скрывать от масс петлистые цели экспедиции и изобразить самый факт переброски войск в Париж простым увеличением с 12 тыс. до 40 тыс. чел. гарнизона столицы. Только в отделах «хроники», как правило, случайно попадаются набранные нехитом мелкие заметки то о прибытии в Париж батареи митральез, то о прибытии батальона тюркочесов, то наконец о назначении генерала Модюи командиром вновь сформированной 1-й дивизии.

Зато значительно более откровенны парижские корреспонденты больших иностранных газет буржуазии. Сотрудник «Times» например день за днем знакомит английскую буржуазию с продвижением военных отрядов из провинции к Парижу и недвусмысленно указывает, что в случае успешного окончания операций правительство и военное командование сейчас же резко изменят свою тактику по отношению к мятежным Монмартру и Бельвилю.

«Теперешние правители Франции снова вооружают те полки, которые были разоружены в момент перемирия, и усиливают их отрядами из Луарской и других армий» — указывает корреспондент «Times» в номере от 7 марта. «Сейчас все — вопрос времени, — продолжает он в следующем номере, — так как войска ожидаются со дня на день... Согласно вычислениям хорошо информированных лиц... около 15 тыс. готовы присоединиться к войскам правительства, если дело дойдет до настоящего сражения».

10 марта, сообщив о том, что на завтра ожидается прибытие в Париж последних из числа ожидавшихся частей и что «сильная артиллерия уже прибыла», тот же корреспондент указывает, что «правительство находится теперь в состоянии отстаивать себя теми способами, которые были невозможны в течение последнего месяца». А 16 марта, предугадывая дальнейшее развитие событий, он прямо говорит, что «с Собранием в Версале и 40 тыс. хорошо обученных солдат в Париже... Тьер сможет отказаться от выжидательной тактики».

Состояние прибывающих в Париж частей внушает корреспонденту «Times» достаточное доверие. Он сам лично осматривал расположенные у Трокадеро части и нашел, что они вполне готовы к бою. «Марсово поле, — пишет он, — похоже на полотняный город и напоминает одну из тех картин, которые хорошо знакомы тем, кто участвовал в походах и видел дурбары в Индии». «Как воинственно и по-деловому выглядит теперь все, теперь, когда неприятеля уже больше нет!» — восклицает в заключение этот не очень проникательный и наблюдательный англичанин¹.

Итак, можно считать вполне установленным, что к 15—17 марта генерал Визюа мог, по самому осторожному подсчету, операться, не считая дивизии генерала Фарона и жандармов, еще на 15—20 тыс. штыков и сабель. С количественной стороны дело таким образом обстояло вполне благополучно, и это заставляло буржуазию и ее правительство надеяться на удачное и быстрое разрешение стоящей перед нею задачи. Под вопросом оставалось однако качество прибывших и прибывающих в Париж полков. Как отнесутся эти полки к революционной столице? Хотят ли снова, как раньше в июне 1848 г. и декабре 1851 г., послушно выполнять кровавое и грязное дело, навязанное им капиталом? Остаются ли они глухи или нет к тем пламенным революционным речам, которые в эти мартовские дни бросали в мир передовые пролетарии Парижа?

¹ «Times» от 16 III 1871 г.

Действительно, от верности Национальному собранию направленных в столицу полков в полной мере зависел успех задуманного Тьером в столь широком стиле плана военного покорения Парижа. «Подчинить Париж» — вот в чем заключалась задача, поставленная правящей в стране крупной буржуазией перед военным командованием. Стремление во что бы то ни стало лучше разрешить эту задачу заставляло теперь военное командование поспешно гнать в Париж все новые и новые военные части.

Мы ошибемся однако, предположив, что в намерения тех, кто посылал солдат в столицу, входило немедленно лобовым, открытым ударом положить конец двоевластию в Париже.

С одной стороны, то обстоятельство, что основные союзники пролетариата, и прежде всего беднейшие слои городской мелкой буржуазии, начали втягиваться в активную борьбу лишь с относительно большим опозданием и окончательно связали свою судьбу с рабочим классом не ранее 10 марта, т. е. дня издания дюфоровского закона об отмене отсрочки платежей по векселям, и с другой стороны, то обстоятельство, что недостаточная зрелость пролетариата и отсутствие единой пролетарской партии обусловили определенную пассивность ЦК национальной гвардии, дало возможность правительству Тьера выиграть время для окончания сосредоточения войск и приведения их в состояние полной боевой готовности, позволило ему на некоторое время оттянуть момент открытия военных действий против революции.

В тактические планы Тьера вовсе не входило немедленное объявление войны поднявшему красные знамена Парижу: в данной обстановке казалось более выгодным для буржуазии не открывать сейчас же противнику своих карт, продолжать вести до известного момента хитрую закрытую игру и попытаться покончить с врагами собственности и порядка именно ударом из-за угла, «контрреволюционным заговором», своеобразной «корниловщиной» в скрытой и замаскированной форме. Именно вследствие этого Тьер вовсе не предполагал, отдавая приказания о движении воинских частей к столице, немедленно в открытом бою заставить трудовой народ столицы признать волю Национального собрания. «С 48 тыс. вы сможете мало-помалу восстановить порядок, если сражение не будет иметь места, и восстановить его немедленно, если оно будет дано» — указывает он Жюлю Фавру 5 марта, набрасывая широкими мазками план задуманной им и генералом Ле-Фло военной операции. «Я полагаю, — прибавляет Тьер, — что, когда войска придут на место, буяны станут оглядываться по сторонам раньше чем подымать головы»¹.

Тьер советует Фавру и Визуа придерживаться временно выжидательной тактики и не переходить сейчас же в наступление:

«Я рекомендую попрежнему не рисковать располагать вновь прибывающие войска в гуще населения. Для них можно освободить место в Военной школе, в Инвалидах, в Тюильри, направляя войска генерала Визуа дальше занять оставленные посты или казармы принца Евгения (Шато д'О). Таким образом Париж будет захвачен мало-помалу, и порядок сам собой восстановится» («la police se fera toute seule»)².

По мнению Тьера, необходимо следовательно по возможности избегать столкновения с силами ЦК национальной гвардии, но тем не менее в случае вызова с его стороны дать бой со всей решительностью. «Не следует начинать наступления на мятеж, — еще раз подчеркивает он все

¹ Bonniols, Thiers au pouvoir, стр. 25 — 26.

² Там же.

в том же письме Жюлю Фавру, — имея в своем распоряжении большую военную силу, крепкую позицию и немного терпения, имеешь большие шансы покончить с мятежом без боя. Если бой надо будет дать, его следует дать, но в этом случае со всей решительностью».

Сходные мысли развивает Тьер и в своих письмах генералу Сюзанну. «Занимая постепенно при помощи старых войск генерала Винуа оставленные ранее посты, можно будет мало-помалу захватить Париж» — пишет он 5 марта, указывая, что после прибытия вспомогательных отрядов «можно будет покончить с беспорядком без единого удара». «Я совершенно согласен с тактикой генерала Винуа, — прибавляет Тьер, — состоящей в том, чтобы не распылать войска и не торопиться с применением силы. Буяны рассорятся между собой, устанут, а за это время придут наши подкрепления»¹.

В письме, отправленном из Бордо 6 марта, снова говорится о том, что «каждый истекший день за нас и против них» и что поэтому не следует сейчас же давать сражения². 7 марта Тьер пишет в Париж, что «мы придем к концу беспорядка путем применения соединенных осторожности и силы», одновременно предлагая военному командованию в случае революционного выступления масс «раздавить негодяев, которые хотят присоединить к внешней войне войну гражданскую». «Если Вас не будут провоцировать, подождите морального воздействия от концентрации сил на виновников беспорядка» — указывает Тьер, советуя при этом о с о б е н н о е в н и м а н и е у д е л и т ь охране Французского банка («Il faut avoir l'œil sur la Banque»). Нападение на банк «будет одним из тех выступлений, которое нельзя будет терпеть ни в коем случае»³.

Еще 10 и даже 11 марта, т. е. почти накануне своего отъезда в Париж, Тьер в письмах Фавру и Пикару предписывает ту же тактику выжидания и накопления сил, предлагая «не торопиться» с переходом в наступление⁴.

Таким образом нельзя сомневаться в том, что до своего возвращения в Париж, т. е. до 15 марта, Тьер считал необходимым придерживаться по отношению к мятежному Парижу выжидательной тактики и стремился, накапливая постепенно войска в Париже, добиться столь решительного перевеса сил, что ликвидация мятежа стала бы возможной одними полицейскими мерами, без уличного боя. Он боится преждевременным выступлением испортить дело и, пользуясь относительной пассивностью ЦК национальной гвардии, надеется раздавить врага раньше, чем этот последний осознает нависшую над ним смертельную угрозу. В то же время однако он спокойно учитывает возможность и длительной борьбы за Париж. Мы можем судить об этом по тем мотивам, которые заставили его в столь категорической форме требовать в Национальном собрании перевода правительства из Бордо именно в Версаль, а не в другой какой-либо город Франции. «Из Версаля было бы легко прийти на помощь армии, если бы этой последней пришлось отступать: она нашла бы здесь опорный пункт — не очень далекий и солидный. — пишет Тьер в своих «Воспоминаниях», — поэтому-то я и предлагал Версаль, не раз'ясняя, разумеется, мотивов моего предпочтения этому городу»⁵.

Эта тактика по отношению к революционному красному Парижу

¹ Там же. La resistance, стр. 258.

² Там же, стр. 260.

³ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 7/III 1871 г. (Bouïniols, Thiers au pouvoir, стр. 41—42).

⁴ См. письмо Тьера Пикару (Reclus «Picard», стр. 274) от 11/III 1871 г., к генералу Сюзанну от 11/III 1871 г. (Bouïniols, Thiers au pouvoir, стр. 49) и Фавру от 10/III 1871 г. (Bouïniols, Thiers au pouvoir, стр. 43).

⁵ Thiers, Notes et souvenirs, стр. 136.

при желании и главное при известном умении легко дает возможность представить хитрые и достаточно подлые планы Тьера исполненным терпением и свиходительностью стремлением отыскать мирный, бескровный выход из создавшегося положения и прийти к безболезненному окончанию конфликта. В Бордо Тьер не хотел взять на себя инициативу атаки, предпочитая мирное разрешение вопроса» (une solution pacifique) — пишет например новейший биограф Тьера Анри Мало, стремящийся всеми силами доказать государственную мудрость «маленького великого человека... будто бы только 15 марта, по приезде из Бордо в Париж, пришедшего в мысли о необходимости применить репрессии. «На месте он изменяет свое мнение, надо будет подчинить Париж и прежде всего его обезоружить» — утверждает Мало¹.

Нет, разумеется, ничего похожего на правду в этом характерном для современного французского буржуа желании обелить своего героя и смыть кровь с его грязных рук: нельзя ни минуты сомневаться в том, что Тьер с самого прихода своего к власти не думает о возможности того «мирного разрешения вопроса», о которой рассказывает нам его биограф. Наоборот, считая необходимым до поры до времени из чисто тактических соображений воздерживаться от прямого перехода в наступление, Тьер хорошо отдаст себе отчет в том, что только одни жесточайшие репрессии могут привести к восстановлению желанного для буржуазии «порядка» и «спокойствия» в Париже. Анри Мало, приписывающий Тьеру из вполне определенных, далеких от какой-либо научности, побуждений «мирные» устремления, забывает, что человек, направлявший в марте 1871 г. свои войска против поднявшего красные знамена города, еще в 1834 г. призывал лионского префекта не колебаться в борьбе с восставшими ткачами «при применении средств разрушения»².

То обстоятельство, что Тьер в своих письмах Фавру, Сюзанну и Пижару не касается вопроса репрессий и ничего не говорит о том, как конкретно будет проведено разоружение национальной гвардии, позволяет не одному только А. Мало указывать на его стремление найти путь к примирению с Парижем и вообще мирному исходу борьбы. Но, во-первых, нельзя забывать, что мы не располагаем всеми письмами Тьера, что все наиболее компрометирующее и секретное, либо уничтожено, либо схоронено в шкафах современных французских архивов. Во-вторых, и это тоже надо иметь в виду, Тьеру вовсе не надо было толковать в своих письмах в Париж о том, какими методами следует приступать к искоренению в городе революционной заразы. В вопросе о необходимости самых жестоких репрессий в лагере буржуазии не могло быть двух мнений, и Тьер мог поэтому вполне положиться на своих помощников: о намерениях возглавлявших карательные отряды бонапартистских генералов он узнавал конечно из докладов генерала Ле-Фло, поддерживавшего постоянную телеграфную связь с военным командованием в Париже и хорошо осведомленного о том, какими методами думали разные Винья, Сюзанны и Сюзбиелли раздавить ненавистную им «сволочь» Монмартра и Белльвилля. Все эти участники подавления июньского восстания 1848 г. только и думали тогда о методах генерала Казеньяка, только и мечтали о повальных обысках, избиениях и казнях!

Об их настроениях позволяет судить опубликованное еще во времена Коммуны на страницах «Официальной газеты» письмо, отправленное в начале марта из Парижа генералу Ле-Фло его другом генералом Клермон-Тоннером. Последний — один из высших чинов военного министерства — без всякого стеснения договаривает до конца то, о чем молчат письма самого Тьера.

¹ Мало Н., M. Thiers, стр. 497, Париж, 1932 г.

² Halévy D., Le courrier de M. Thiers, стр. 56.

«...Я начинаю надеяться и даже верить, что мы избавимся благодаря той роли, которую играет состояние наших сил, несчастный столкновение, — пишет в Бордо генерал Клермон-Тоннер. — Через пару дней мы начнем по мере прибытия новых войск незаметное отступление Парижа: когда мы будем иметь в южных фортах, в Мон-Валериане, в бараках и казармах хороших кварталов, включая сюда и казармы принца Евгения, силу в 40 тыс. незараженных парижанами людей, вопрос будет казаться мне разрешенным в несколько дней. Как раз эти-то несколько дней и будут необходимо употребить на то, чтобы провести разоружение национальной гвардии»...

Внимательный читатель, мы полагаем, уже заметил, что «планы» генерала Клермон-Тоннера, тождественные конечно планам военного командования вообще, даже в деталях совпадают со знакомыми уже нам планами Тьера. Глава исполнительной власти в своих письмах упоминает даже о тех же самых казармах принца Евгения, о которых пишет в Бордо военному министру генерал Клермон-Тоннер! Но в то время как Тьер ничего не говорит о том, как конкретно должно быть проведено разоружение, генерал Клермон-Тоннер открыто взывает к памятным тогда для всех опыту июньских казней и ссылок.

«Цвет парижской сволочи, — продолжает генерал, — сосредоточен на Монмартре и конкурирует с бельвильцами своими баррикадами, пушками, военным паролем и пр... Я считаю, что когда у нас будет достаточно сил, следовало бы изолировать один из укрепленных пунктов инсurreкции, чтобы взять его голодом, и в то же время крепко занять другой, наводнив все кварталы войсками и обыскав все дома (мера, которая была применена в июньские дни). После этой работы взяться за чистку населения Парижа: двадцать пять тысяч уголовных преступников, имеющих в рядах национальной гвардии, будут иметь удовольствие предстать перед судами правительства после того, как они будут обезоружены»...¹

И этот-то несущий парижским пролетариям кровь и страдания «план» тьеровских генералов историк Мало осмеливается называть «мирным разрешением вопроса»!

VI

Все сказанное, нам кажется, с достаточной определенностью доказывает наличие определенного контрреволюционного заговора господствующих классов против революционного Парижа, хитро и тонко задуманного в Бордо еще задолго до событий 18 марта.

Заговор этот, сохранившийся в тайне, должен был привести к сосредоточению в Париже и под Парижем достаточных для победоносной борьбы с трудящимися столицы воинских сил. В первые две недели марта этот заговор и получил практическое осуществление, поскольку ко времени переезда Тьера из Бордо в Париж генерал Винуа мог уже располагать значительными прибывшими резервами. Под командой этого генерала ко времени восстания 18 марта сосредоточено было, не считая сильных артиллерийских батарей, 25—30 тыс. солдат, которые и должны были теперь открыто бросить вызов возглавлявшему революционное движение в Париже ЦК национальной гвардии.

Ряд обстоятельств однако, как известно, вскоре привел к позорному краху столь тонко задуманную операцию. Несмотря на разработанный заранее план, несмотря на удачное преодоление ряда препятствий, «корниловская» затея Тьера позорно провалилась: 18 марта 1871 г. победоносное восстание масс привело к созданию рабочей власти в столице и к вынужденному трусливому бегству правительства и военного командования из Парижа. Мы не имеем, к сожалению, возможности сколько-нибудь под-

¹ «Journal officiel de la Commune» от 19/IV 1871 г. Часть письма цитирована А. Молоком в его издании «Гражданской войны» Маркса.

робно рассказывать здесь о том, как росла классовая сознательность французских рабочих, среди которых, по словам Ленина, «в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу», и о том, как подымались накануне событий 18 марта в Париже волны рабочего движения. Этому важнейшему и интереснейшему вопросу мы думаем посвятить отдельную статью в одном из ближайших номеров журнала.

Возвратившийся из Бордо 15 марта Тьер застал в столице столь резко изменившуюся обстановку, что счел необходимым, не дожидаясь окончательной реорганизации создаваемой в Париже армии, отказаться от выжидательной тактики и отдать 17 марта приказ о наступлении на Монмартрские высоты и аресте членов ЦК национальной гвардии.

Крутой поворот в тактике правительства, стремление Тьера теперь любой ценою, во что бы то ни стало восстановить немедленно «порядок» в столице продиктованы были ему рядом обстоятельств, о которых мы не можем здесь говорить сколько-нибудь подробно: весть о принятии Собранием закона об уничтожении отсрочек платежей по векселям и квартплате окончательно привязывала к пролетарскому авангарду колебавшиеся до этого широкие слои мелкой буржуазии и вместе с тем в некоторой степени восстанавливала против политики правительства значительную часть средней буржуазии. Несмотря на немедленное, вслед за изданием закона Дюфора, прекращение по приказу генерала Виуа выхода в свет ряда революционных органов печати, волна революции, поднявшаяся высоко уже ко времени годовщины Февральской революции, теперь, с 10—11 марта, грозила непосредственно обрушиться на истинных виновников народных бедствий и грозила смыть в Париже последние жалкие уже остатки «законной» власти.

Вместе с тем под'ем революционных настроений в Париже сильно отражался и на развитии революционного движения в провинции, где, начиная с первых дней марта, в ряде городов широко разлилось стачечное движение. С 9 по 15 марта например волнения рабочих имели место в текстильных округах Рубе и Туркоинга, причем бастующие текстильщики встречали жандармов и войска камнями. Стачки и волнения среди рабочих и докеров Марселя заставили префекта департамента Конье уже 15 марта потребовать возвращения на рейд города бронированного фрегата «Корона». Отдельные выступления и забастовки наблюдались повсеместно.

Заметное возрастание влияния ЦК национальной гвардии, становившегося в середине марта уже в полной мере хозяином столицы, невозможность открыть заседания Собрания в Версале при наличии новой, народной власти в Париже и, главное, усиливающееся давление со стороны банковских, деловых кругов заставили Тьера открыть свои карты раньше, чем ему этого в действительности хотелось.

О том, что эти круги крупной буржуазии действительно были недовольны кажущейся пассивностью и нерешительностью правительства и настойчиво требовали энергичных карательных мер, мы узнаем из целого ряда источников. Отметим например, что еще 3 марта директор Французского банка Рулан в своем письме Тьеру жаловался на то, что *«еще не чувствуется руки, которая управляет, не чувствуется единства, которое сплачивает, смелости, которая разрешает все сомнения»*¹.

6 марта один из меров 4-го буржуазного округа Парижа, Вотрэн, выступая на заседании у министра внутренних дел Пикара, в свою очередь потребовал принятия быстрых, решительных мер против мятежников. «Опасность заключается не столько в пушках, сколько в Центральном комитете, силы которого втайне растут и могущественная рука которого дает себя чувствовать во всей национальной гвардии» — заявил Вотрэн. «Надо взять быка за рога, если хочешь его укротить» — прибавил он.

¹ «Revue des deux mondes», т. 34. 1916 г.

«Если вы хотите покончить с готовящимся движением, начните с ареста членов Центрального комитета, который противопоставляет себя вам в качестве тайной власти»¹.

Сам Тьер в своих «показаниях следственной комиссии по делу о восстании 18 марта» впоследствии рассказывал, что накануне выступления парижские банкиры настойчиво требовали принятия энергичных мер против Монмартра и Бельвиля, грозя в противном случае отказать правительству в необходимых ему кредитах. «Вам никогда не удастся осуществить финансовых операций, если Вы не покончите с этой преступной шайкой» — кричали они.

Несмотря на все старания военного командования послать в Париж действительно надежные, лучшие части, несмотря на все старания изолировать солдат от населения, насыщенный революцией воздух Парижа делал свое дело: прибывшие в Париж специальными поездами солдаты останавливались перед большими красными афишами, расклеенными еще 10 марта по распоряжению ЦК национальной гвардии, и читали в них о том, что Тьер и его генералы «провоцируют гражданскую войну» и рассчитывают сделать солдат «послушным орудием замышляемого ими преступления». «Граждане-солдаты!» — обращались к прибывшим делегаты ЦК национальной гвардии. — *Неужели Вы будете повиноваться незаконному приказу и проливать ту же кровь, которая течет в Ваших жилах? Нет, Вы не согласитесь стать отцеубийцами и братоубийцами!*».

Революционная пропаганда и неизбежные встречи с трудовым народом Парижа, несмотря на все противодействия контрреволюционного офицерства, способствовали быстрому падению дисциплины в армии и разлагали присланные из провинции части. Недаром генерал Винуа называл красную афишу «пространным возбуждением к бунту и дерзирству»².

Авторитет ЦК национальной гвардии вместе с тем начал заметно падать и среди регулярных воинских частей. В этом отношении, мы полагаем, достаточно указать здесь только на один имевший место в Париже 8 марта случай. В этот день солдаты 10-го батальона подвижной гвардии, возмущенные уменьшением их обычного жалования до 40 сантимов, чуть не повесили своего капитана на фонаре против его собственного дома. Несмотря на противодействие бывших на месте офицеров, капитан был схвачен своими солдатами, которые толпой направились вместе с ним к мэрии 11-го округа. «Не дойдя однако до церкви св. Амбруаза, — сообщает об этом случае буржуазная газета, — батальон изменил свое намерение и решил отвести арестованного в Центральный республиканский комитет, который заседает на улице Кордери»³.

Если бы привыкшие к слепому повиновению серой солдатской массы «рабовладельцы» лучше умели оценивать положение, они могли бы за много дней до рокового дня 18 марта заметить опасные симптомы: уже 7—8 марта инспектировавшие прибывшие полки генералы констатировали признаки начавшегося разложения. «Они все были в плачевном состоянии, — рассказывает генерал Винуа, — кадры были недостаточны; иной раз имелся только один офицер на роту, в других случаях — два, никогда три... и к тому же это были офицеры новой формации, не знавшие еще своих людей»⁴.

Генералу Винуа и его помощникам с огромным трудом удавалось поддерживать хоть какой-нибудь порядок и дисциплину в разлагающейся не по дням, а по часам массе; 16 марта в приказе по парижскому гарнизону говорится о том, что часовые перестали отдавать честь проходящим

¹ D a m é, La résistance, стр. 28.

² V i n o u. L'Armistice et Commune, стр. 200.

³ «Temps» от 9 III 1871 г.

⁴ Enquête parl. sur l'insurrection de 18 mars. См. показания генерала Винуа, стр. 219.

мимо офицерам, что солдаты слоняются без дела по Парижу, что они не соблюдают правила ношения форменной одежды и подчас одеты во что попало. В другом случае говорится о том, что командующему 2-й дивизией генералу Сюзбеллю 16 марта пришлось целый день собирать своих людей по городу!¹

Слабость и бессилие военного командования, столкнувшегося со стихийным пробуждением сознательности в безмолвной ранес солдатской массе, особенно ярко проявились в том, что оно не могло задержать в рядах войск хотя бы на самое короткое время тех солдат, которые подлежали демобилизации. Оно принуждено было на ходу, в самый разгар операции волей-неволей отпускать по домам часть присланных в Париж солдат. Уходящих в бессрочный отпуск спешили заменить солдатами разоруженных при капитуляции Парижа полков старого гарнизона, и это конечно способствовало еще сильнейшему проникновению в полки революционной заразы.

В ночь на 18 марта закупленные у немцев по дорогой цене шашки отказались стрелять по рабочим и трудящимся Парижа. Два генерала — Клеман-Тома и Леконт — были расстреляны солдатами одного из только что присланных в Париж полков. *Первый этап «корниловщины 1871 г.» окончился полной и позорной неудачей.*

VII

Эта неудача контрреволюционного заговора Тьера была следствием того исключительного героизма, который был проявлен трудящимися Парижа в день 18 марта. Рабочие и руководимые ими ремесленники не дали классовому врагу захватить пушки национальной гвардии, отбили атаку на Монмартр, а затем в ходе борьбы изгнали из Парижа Тьера и его продажных министров.

«Коммуна возникла стихийно — ее никто сознательно и планомерно не подготовлял» — писал по этому поводу Ленин, подчеркивая известную уже нам пассивность ЦК национальной гвардии, не проявлявшего в деле захвата власти и отпора врагу достаточной энергии и решительности. Накануне 18 марта мы видели, что ЦК национальной гвардии, возникший по прямому почину самих масс и призванный руководить ими, не только не ставил практически вопроса о захвате власти, но и сеял «своими лозунгами и воззваниями иллюзии о возможности классового мира.

Уже накануне 18 марта и перехода власти в руки рабочего класса Парижа ЦК национальной гвардии начал проявлять то «благодушие», о котором как об определенной грубой политической ошибке писал несколько позднее Маркс.

«Если парижане терпят поражение, — указывал он например 6 апреля 1871 г. в письме В. Либкнехту, — то это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной честности. Центральный комитет, а затем и Коммуна дали злополучному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы... потому что они по глупости не хотели начинать гражданскую войну, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа»².

По мысли К. Маркса, главные ошибки ЦК национальной гвардии допущенные им и до событий 18 марта и непосредственно после них, состояли в том, что недостаточно политически опытные его члены, к тому же лишённые единого партийного руководства, выпустили из своих рук инициативу, не проявили достаточной решительности и дали тем самым клас-

¹ Vinoy, L'Armistice et Commune, стр. 389.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 10.

новому врагу полную возможность маневрировать и собирать силы для нанесения пролетариату сокрушительного удара. И это тогда, когда перед лицом общего врага не только все собственники Франции сейчас же забыли свои распри, но и когда на помощь буржуазной Франции поспешили прийти господствующие классы Германии и вся международная буржуазия.

В 1917 г. русским рабочим удалось избежать ошибок, допущенных в мартовские дни 1871 г. ЦК национальной гвардии. Они учли эти ошибки и под гениальным руководством Ленина и партии большевиков смело вырвали из рук русских Тьерсов и Винуа не только инициативу в борьбе, но и конечную победу.

«Восстание, как и война, есть искусство» — писал Маркс. Исторический опыт восстания 18 марта 1871 г. и последовавших за ним коротких дней Парижской коммуны доказывает вполне, что без овладения этим искусством нельзя рассчитывать сколько-нибудь прочно и крепко завладеть властью и довести до конца победоносно начатую пролетарскую революцию.

ПРОЛЕТАРИАТ И БУРЖУАЗИЯ

В ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С. ЛОТТЕ

1

Особая в ряду ранних революционных движений поучительность Великой французской революции состоит в том, что в ходе ее впервые в истории «нижние» слои общества «на миг» пришли к власти. Вот почему Маркс говорит о «мимолетной... победе пролетариата», Энгельс — о господстве неимущих масс», Ленин — о «краткосрочной диктатуре трудящихся», «диктатуре общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии».

Маркс, изучая Великую революцию, извлекая революционный опыт из ее наиболее героического периода, никогда не упускал случая подчеркнуть, что многое из того, что было революционно на заре капитализма в эпоху борьбы с феодализмом, стало реакционным в эпоху зрелости капитализма, в эпоху борьбы пролетариата с капитализмом за социализм. Это же всегда подчеркивал и Ленин.

«Национальные» традиции 1792 г. останутся может быть навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 г. в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи» (Ленин).

Когда в недрах феодализма вызревает капитализм в своей первой мануфактурной стадии, тогда на смену раздробленной сословно-феодальной монархии выступает феодальная абсолютистская монархия. «Объявляя народ своей частной собственностью, король выражает лишь ту мысль, что частный собственник есть король» (Маркс). Но в генезисе капитализма наступает момент, когда феодальный абсолютистский король становится помехой для капиталистических королей.

Крепнущие мануфактуры, усиливающаяся внешняя торговля, лихорадка строительства городов, проникновение в деревню капитализма через развитие товарно-денежных отношений — все это стояло в решительном противоречии с сохранением феодальной зависимости в деревне, цехов в городах, с бесчисленными внутренними пошлинами, препятствовавшими товарообороту.

Крестьянство, составлявшее 90 с лишним проц. населения страны, изнывало под игом феодальной зависимости, страдало от малоземелья (в некоторых местах оно осваивало не больше 20 проц. пахотной земли), впадало в крайнее нищенство (перед революцией Франция насчитывала 11 млн. остро нуждающихся в помощи).

«Будь крестьянин из стали, а феодалы из соломы — все равно в их тяжбе победит феодал». Этой пословицей народная мудрость оплакивала крестьянскую неволю, помещичий произвол. В силу проникавшего в деревню капитализма происходило расслоение крестьянства под единой феодальной оболочкой. В некоторых районах (например Бретани) число поденщиков и батраков, работавших у кулаков, на немногих капиталистических фермах и у помещиков, доходило до 45 проц. Кроме того крестьянство втягивалось в работу капиталистической мануфактуры, оставаясь по видимости самостоятельным на клочке «своей», но принадлежав-

шей помещику, земли, а фактически превращаясь в «осложненного рабочего».

Капиталистическая промышленность бежала от цехов в деревни и превращала нуждающихся крестьян в работников «рассеянной» мануфактуры. На небольшую централизованную мастерскую, находившуюся в городе, работали армии деревенских работников. 25 предпринимателей Седана закупают свыше 10.000 крестьян окружающих деревень и просят в 1744 г. правительство, чтобы оно прекратило мобилизацию «рабочих окружающих деревень» на укрепительные работы в город. Крестьянство страдало под двойным гнетом феодализма и капитализма. Оно жаждало превратить землю, которую оно веками обрабатывало, но которая принадлежала помещику, в свою собственность; расширяться за счет часто втуне лежавшей господской земли; избавиться от господских голубей, имевших привилегию уничтожать урожай крестьянских полей; получить право бесплатно зажигать огонь в избе, иметь возможность выходить на рынок по своему усмотрению, а не тогда, когда это заблагорассудится разрешить барину, после того как на крестьянских лошадях будет отвезен на рынок господский урожай.

Феодальная зависимость влияла на расслоение деревни, замедляя его. Между тем это расслоение необходимо капитализму, ибо оно является не только залогом создания «резервной армии труда», но и необходимым условием создания внутреннего рынка, без которого капитализм развиваться не может. Основным вопросом революции будет вопрос аграрный, и «крестьянство поставит армии для битв» (Энгельс).

Рабочий класс только еще формировался, вербуясь из недр мелкой буржуазии города и деревни. Одним из больших отрядов концентрированных рабочих были рабочие-строители. Париж, Лион, все крупные города переживали перед революцией настоящий строительный пафос. В течение 30 предреволюционных лет Париж заново отстроился на одну треть. Парижские рабочие-каменщики зарабатывали в среднем 18 су в день, а 5-фунтовый хлеб в феврале 1789 г. стоил 15 су, фунт хорошего мяса — свыше 17 су.

В централизованных мастерских рассеянных мануфактур и в централизованных мануфактурах рабочие жили на казарменном положении. Заработанные гроши еще задерживались, и не одиноки были рабочие мануфактуры Бовэ, не получавшие однажды в течение 20 недель заработной платы. Но «пролетариат рождается с криком протеста на устах». И в течение всего мануфактурного периода Франция периодически сталкивалась с рабочим движением.

Городом наиболее обнаженных противоречий был Лион. Восставан в 1572 г. против хозяев, лионские типографские подмастерья заявляют, что «они ежедневно доставляют хозяевам большие богатства ценой своего пота... и даже чаще — своей крови». Они сообщают, что бодрствуют с 2 часов ночи до 8 - 9 вечера, что, за вычетом времени на обед, рабочий день составляет 15 - 16 часов.

В ответ на подробный мемуар рабочих хозяева ограничиваются кратким указанием, что «большинство (!) рабочих покорно», а непокорных надо «арестовать... нескольких пристрастных и доносчиков, ведущих всех на поводу»...

К этому времени лионские типографы имели уже опыт большой удачно проведенной стачки 1539 — 1541 гг.

Цехи костенели. Подмастерье превращался в пожизненного подмастерья, т. е. фактически в наемного рабочего. Небольшая часть мастеров выбивалась в «люди», в предприниматели, низводя остальную часть мастеров на положение «осложненных рабочих».

Любопытна в этом отношении грандиозная стачка, граничившая с восстанием, лионских шелкоткачей 1744 г., в которой видную роль иг-

рали также «мастера-рабочие», попавшие в полную зависимость от «мастеров-купцов».

Рабочий класс, только еще формирующийся, не будучи еще классом для себя, страдал в этот период не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма, не позволявшего ему спланиваться, от полного бесправия и был поэтому в высшей степени и притом активно заинтересован в революции.

«Революция 1789 г. во Франции, 1848 г. в Германии и других странах была буржуазной революцией, потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала. Но, само собой разумеется, такая революция самым настоятельным образом требовалась интересами рабочего класса. И даже «беспартийные», неорганизованные в класс, рабочие 1789 г. и 1848 г. были передовыми борцами французской и немецкой революций» (Ленин).

В XVII и XVIII вв. происходит не только все больший охват мелкого производства «рассеянной» мануфактурой, но и вырастают крупные централизованные мануфактуры. В Лиможе централизованная мануфактура насчитывает 1.800 рабочих, в Пью в одном предприятии работает 1.500 чел. С конца XVI в. в торгово-промышленных городах создаются торговые палаты, эти центры объединения капиталистической деятельности. Пухнут торговые книги, «эти вывески собственности» (Маркс).

В 80-х годах XVIII в. Франция — в голодных бунтах деревни, в растерянном мотовстве «обезумевшего» двора; Франция дерзких философских салонов и тайных рабочих коалиций; Франция абсолютистского короля и Франция капиталистических королей стояла на пороге схватки. Надвигался кризисный 1789 год.

«...Роль освободителя в драматическом движении переходит последовательно к различным классам французского народа...» (Маркс и Энгельс, т. I, стр. 411).

«Великая французская революция была революцией, происходившей в эпоху мануфактурного периода капитализма» (Сталин). Капитализм далеко еще не достиг своего полного господства. Рабочий класс еще только складывался. Не было еще ни объективного, ни субъективного фактора для перерастания в революцию пролетарскую, когда по условиям исторического развития революция могла быть и должна была остаться только буржуазной революцией. Но сама буржуазия не могла радикально завершить революцию. Это могли сделать только народные массы, ибо «буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми» (Сталин).

Чем больше развязывается революционная энергия масс, тем больше буржуазия отталкивается от революции, пока на краткий миг не наступает эпоха диктатуры «общественных низов, мелкой буржуазии и пролетариата» (Ленин). Только такая диктатура «низов» могла «железной метлой вымести весь сор старого здания, с чем буржуазия с ее тревожной осмотрительностью не справилась бы в течение веков» (Маркс).

1789 — 1794 годы — таковы хронологические рамки той шкалы, по которой подымается вверх барометр Великой революции. Этот период имел свои сечения прилива и отлива, но средняя кривая шла неуклонно вверх.

2

5 — 6 октября 1789 г. женщины парижских предместий осаждали Версаль. «Поменьше речей, побольше хлеба» — с таким мало конституционным возгласом улица, народ вторгся в святая святых, в Учредитель-

ное собрание. Эти же самые женщины принуждают короля утвердить принятую Национальным собранием «Декларацию прав» и некоторые параграфы конституции. А 6 октября парижский народ перевез короля «к себе» в Париж. Отныне король — пленник народа. Отныне и все верховные собрания революционной Франции будут восседать под непосредственным воздействием парижских масс. А стены, отделяющие парламент от улицы, во времена революции колеблются, как домики во время землетрясения.

Переломным годом был 1791 год.

1791 год ознаменован законом Ле-Шателье, запретившим рабочие организации и квалифицированным Марксом как «буржуазный государственный переворот». Этим Маркс фиксирует наше внимание на том, что буржуазия, подавив феодализм, но не имея решимости круто расправиться с ним, достаточно решительно расправляется с рабочим классом и начинает свое утверждение с установления вполне «свободных» отношений между трудом и капиталом. Вся меткость марксова определения ясна при беглом взгляде на перипетии рабочего движения и рабочего законодательства в 1790 и 1791 гг.

Благотворительные мастерские были ненавистны буржуазии и в силу того, что они концентрировали рабочих, и в силу того, что начинаясь в 1790 г. оживлении промышленной деятельности они понижали резервную армию труда. Вождь жирондистов Бриссо называл рабочих благотворительных мастерских «дикой ордой, стоящей у ворот цивилизованного города». Осенью 1789 г. центральные мастерские были разбиты на ряд районных мастерских, а 31 августа 1790 г. был издан декрет, чрезвычайно интересный тем, что он откровенно предписывал устанавливать заработную плату в мастерских всегда ниже средней цены труда в данной местности.

Весной 1791 г. бастовали рабочие ряда профессий: плотники, столяры, портные, сапожники, кузнечные подмастерья и т. д. Хозяева кузниц, подавшие петицию в Национальное собрание, говорят о коалиции в 80 тыс. Хотя эта цифра была преувеличена в целях устрашения членов Национального собрания и быстрой победы предпринимательской «справедливости», но несомненно плотники подмастерья, наиболее активно бастовавшие, не были одиноки.

Рабочие кузниц обращаются в июне 1791 г. к мэру, прося его быть посредником в их делах. Они жалуются на низкую зарплату, на невыносимо длительный рабочий день: от 4 часов утра до 7 часов вечера. Кузнечные подмастерья просят начала рабочего дня с 5 часов утра и повышения зарплаты. В ответ на их петицию хозяева кузниц обращаются к муниципалитету с высокоавторитетным разъяснением, что «разврат и распутство в этой профессии, как и во всех других», разрушают здоровье рабочих «больше, чем работа». Хозяева жалуются, что рабочие организовали коалицию, «которая является настоящей инквизицией» и во всяком случае должна быть запрещена в «момент всеобщей свободы». Бальи, мэр коммуны, по приказанию которого через месяц был расстрелян народ на Марсовом поле, ответил рабочим, что он не имеет права влезать в карман предпринимателей.

Рабочие-плотники, организовавшись, заседают, выработывают петицию, требуют установления минимума дневной зарплаты в 50 су. Хозяева декларируют, что «рабочие не должны быть рабами», но «закон и общественная сила должны быть употреблены, чтобы привести их к исполнению обязанностей». Они восхваляют свободную конкуренцию как регулятор взаимоотношений между предпринимателями и рабочими. Рабочие понимают свободу иначе — как право борьбы за улучшение своего положения. 2 июня 1791 г. бастовавшие рабочие-плотники заявляют, что предпринимателям легче собираться; 5-6 человек, собравшись за чашкой чая, способны определить голодный минимум рабочих. Рабочие заявляют,

что без организации они ничего не могут поделать с «этими мошенниками».

14 июня 1791 г. был принят закон Ле-Шапелье. В том же духе «буржуазного государственного переворота» был издан закон о лишении пассивных граждан права ношения оружия (апрель 1791 г.) и закон, запрещавший подачу коллективных петиций (10 мая 1791 г.).

16 июня были распущены благотворительные мастерские. 21 июня бежал король. «Да здравствует король» — провозгласила буржуазия и, не надолго отрешив его от исполнения обязанностей, вновь преклонила свои колени перед ним — живым утверждением того, что боги создаются людьми. Иначе думал народ. Организованный своим действительно народным клубом кордильеров, народ пошел на Марсово поле демонстрировать свою волю к завоеванию республики, пошел под пули «нечаянного героя многих громких дел», «красного маркиза» Лафайета, начальника национальной гвардии, стрелявшего по приказу старика-ученого Балли, буржуазного мэра буржуазной коммуны. Якобинский клуб остался в стороне. После Марсового поля фельяне, составлявшие фракцию верхов буржуазии, стали внутренними эмигрантами, а вскоре и внешними. Фельяне вышли из якобинского клуба, но в его составе наряду с собственно якобинцами остались еще жирондисты, представители последней наиболее прогрессивной фракции буржуазии.

Но и жирондисты, наиболее прогрессивная фракция буржуазии, не могли разрешить аграрного вопроса. Они боялись покушения на собственность, они, с другой стороны, стали сами господами распродававшейся национальной земли. Например в 78 приходах Нижнего Лимузина от 1789 до 1791 г. буржуазия приобрела 69,3 проц. всех проданных земель, крестьяне — около 15 проц., поденщики — около 8 проц. В Версальском округе буржуазия приобрела $\frac{6}{7}$ земли, а крестьяне — $\frac{1}{7}$.

В своих руках буржуазия теперь держала аристократические привилегии.

Жирондисты также не были способны на решительные действия против монарха, без чего нельзя было наладить революционную оборону, нельзя было ускорить ход революции.

Будучи наиболее радикальной фракцией буржуазии, жирондисты показывают меру сил, на которую способна буржуазия в революции.

4 августа 1792 г., т. е. за 6 дней до революции, испровергнутой короля, вождь жирондистов Верньо предложил «отвергнуть и признать неконституционными все резолюции и петиции, клонящиеся к низвержению короля», и после этого «те, на ком лежало спасенье отечества, удвоили свое рвение» (Шометт).

И поэтому, когда «рука невидимой и презираемой добродетели метнула молнию в королевский дворец», Жиронде, в лице одного из ее вождей Верньо, осталось «лишь скорбным тоном» (Шометт) прочесть декреты об отстранении короля, о выборе Конвента на основе всеобщего избирательного права и т. д., декреты, продиктованные народом при свете еще не затихшего пожара Тюильрийского дворца.

3

Вопрос об утверждении собственности буржуазной против собственности феодальной был актуальным вопросом Французской революции, но буржуазия сама его разрешить не могла.

«... Буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция не была вполне последовательна, не дошла до конца. Не была решительная и беспощадная» (Ленин).

Вождь крупной буржуазии первого периода Мирабо говорил: «Я знаю только три способа существования в обществе: надо быть нищим.

AUX MANS DE NOS PERES SACRIFIES PAR LE TRAITÉ

ECCE CUSTINE

Seul le peuple abaisse nos drapeaux

AINSI PERISE LES LIBERTES A LA PAIX

«L'Américain. L'oeil de la République...»

«Так погибают измен-
ники партии»

вором или наемным работником. Собственник сам является только первым из наемных работников. То, что мы обычно называли его собственностью, является не чем иным, как ценой, которую ему платит общество за распределение, которое ему поручено производить среди других индивидов своим исполнением и своими расходами; собственники являются агентами, экономами социального организма».

Борьба разгорается, на сцену активно выступает «партия» парижских рабочих масс, «бешеные». Когда не без колебания мелкая буржуазия соединяется с рабоче-ремесленной массой, тогда ее борьба с Жирондой переходит в борьбу левого блока с Жирондой. Революция переходит на новую, высшую ступень.

Марат писал 25 августа 1793 г.:

«...Законодательные меры совершенно бесполезны. Мы никогда не видали, чтобы они приводили к результатам. Помощь дадут только революционные средства... Еще немного терпенья, и поймет, наконец, народ ту истину, что только сам он может освободить себя».

Контрреволюционный лионский памфлетист писал во время лионской контрреволюции в июле 1793 года:

«Их отвратительная фракция (речь идет о клубах)... изгоняет из Франции всякий внутренний мир, распространяя наиболее горькую неблагоприятность вокруг священного имени собственности, вооружая неимущего против богатого... Обычные наименования аристократа и патриота

были заменены более выразительными наименованиями «санкюлотов и собственников».

Это определение хорошо выражает произошедший сдвиг.

Буржуа могли быть патриотами и бороться против аристократов, но буржуа никак не могли быть санкюлотами и ни в какой мере не могли бороться против собственников. Центр руководства резко переместился. Власть перешла в руки «общественных низов — пролетариата и мелкой буржуазии» (Ленин). Маркс писал, что «против буржуазии» выступали «пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения», которые «либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельного, развитого класса или части класса».

Второе «либо» относится к рабочему классу и указывает на то, что рабочий класс еще не был классом для себя. Первое «либо» относится к мелкой буржуазии. Жирондисты, мелкобуржуазные робеспьеристы и «левые» с «бешеными» по-разному относились к частной собственности и к соотношению социально-экономического и политического равенства. Жирондисты четко ставили вопрос об исключительности равенства перед законом.

Во время лионского восстания жирондист (деятель лионской контрреволюции) Жильбер, описывая в газете аллегорический памятник, посвященный равенству, восторженно пояснял:

«Равенство... размещает всех французов на том же уровне перед законом, чтобы выразить, что они равны только перед ним». Тот же автор заявлял, что «без уважения к собственности (автор, разумеется, подразумевал крупную собственность—С. Л.) нет ни республики, ни вообще какого-либо правительства».

Но революционная мелкая буржуазия иначе смотрела на вопрос собственности. «Равенство, — говорил Сен-Жюст, — состоит не в том, чтобы все были высокомерны, оно состоит в том, чтобы все были скромны».

Робеспьеристы — вожди революционной мелкой буржуазии — стояли за мелкую частную собственность. «Робеспьер в великой нищете и огромных богатствах видел лишь препятствие для чистой демократии» (Маркс).

Не добиться общего равенства, а выравнять слишком большое неравенство, угрожающее демократии, — такова была программа якобинцев. Демократия лучше всего может быть сохранена в замкнутом государстве, в котором основную роль играют мелкие свободные товаропроизводители, — такова была теза, завещанная якобинцам их идеологом Руссо. Якобинцы в революции хотели обновить мир «евангелием Руссо. Путем вантозовских декретов (вантозовские декреты—законы о конфискации имущества врагов революции и разделе его среди неимущих граждан) они хотели создать слой мелких собственников, который был бы целиком обязан революции, но вместе с тем они отнюдь не собирались подавить свободу оборота, а следовательно капитализма. Свобода оборота, с одной стороны, ограничение капиталовложения — с другой, — такова противоречивая экономическая программа, которая легла в основу стремления к «чистой демократии». Они не понимали ни обреченности своего идеала, ни его плодотворности для развития капитализма. Но субъективная трагедия якобинцев стала объективным триумфом истории. Вера в возможность общества, хребтом которого были бы мелкие собственники, дала якобинцам силу для расправы со старым обществом. Стремление к недопущению слишком большого неравенства состояний дало им возможность отнюдь не церемониться с собственностью, когда этого требовали интересы революции. Стремление к идеалу чистой демократии дало им силу расправы с контрреволюцией.

Утопическая идеология капитализма не может конкретизироваться

в реальной жизни. Но — такова диалектика истории — идеология эгалитаризма в борьбе с феодализмом является революционной именно потому, что она осуществляет не то, чего хотели ее сторонники, ибо она идет не против развития капитализма, а, наоборот, является ускорителем процесса капиталистического развития.

Указание Маркса, что мелкая буржуазия «еще не имеет отдельных от буржуазии интересов», означает, во-первых, что в отличие от пролетариата, который может и станет классом для себя, мелкая буржуазия классом для себя стать не может, и, во-вторых, что мелкая буржуазия только под гегемонией пролетариата может со всей силой выжить «отдельные от буржуазии интересы». Следовательно Маркс здесь во всю ширь выдвигает проблему союзников, которая всегда была и остается одной из важнейших проблем большевизма.

Если жирондисты стремились только к политическому равенству, если якобинцы стремились к чистой демократии как к цели и во имя этого к экономическому уравниванию, то группы, стоявшие левее якобинцев, стремились к экономическому уравниванию как к цели, а к политическому как к средству.

В эпоху Великой французской революции сам пролетариат еще находится в плену у мелкобуржуазной идеологии, хотя и выдвигал уже свои отдельные конкретные требования, которыми он демонстрировал свое выступление на арену истории. Эти требования идеологически скольконибудь четко не отграничены от мелкой буржуазии, и именно этим объясняется, что в великий «эбертистский день» — 5 сентября, когда были сделаны заключительные выводы из революции 31 мая — 2 июня, мелкобуржуазная Гора смогла воспринять их, и тем самым открыла новую, величественную «страницу революции». Но вместе с тем пролетариат в практике революционных лет рождает зародыши своей коммунистической идеи.

Организовавшийся в конце 1790 г. социальный кружок, или «Всеобщая конфедерация друзей правды», вождем которого был аббат Фоме, а одним из членов — Кондорсе, ставил своей целью организацию «Союза всех народов и всех индивидов, которые живут на земле, в единую семью братьев, связанных стремлением всякого ко всеобщему благу». Союз был не политической организацией, а лишь идейным течением, имевшим программу умеренно уравнилельного характера. Вожди кружка наравне с призывом к всеобщей любви довольно явственно выставляли идеи аграрного закона. И параллельно с ученой аудиторией, собиравшейся на проповеди-доклады аббата Фоме, к нему шли многочисленные письма бедных, затерянных сельских священников, нередко являвшихся стихийными выразителями чаяний деревенской бедноты. Так с самого начала наметились два ответвления, две тенденции объективной реализации пропаганды социального кружка: одна шла по линии аграрного закона, т. е. крайних уравнилельных выводов, другая — по линии пропаганды всеобщей любви как пути к всеобщему благу. Одна тенденция вела к гражданской войне, другая — к гражданскому миру. Но гражданский мир в эпоху развертывания буржуазной революции может означать лишь мир с классами реакционными, войну с народом. Аббат Фоме впоследствии был казнен как жирондист.

Ставя в начале пути революционного движения социальный кружок, а в заключение — Бабефа, Маркс тем самым подчеркивает роль требований крайнего уравнилельства в ранних движениях пролетариата¹.

¹ «Первые попытки пролетариата доставить непосредственное торжество своим классовым интересам во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазной эпохи. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему идейному содержанию необходима является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнилельность» («Коммунистический манифест»)

Если социальный кружок способствовал пропаганде «грубого уравниательства», то «бешеные» (Жак Ру, Леклерк), на которых Маркс также указывает как на предшественников Бабефа, своей деятельностью сыграли важнейшую роль в смысле фактического выдвижения самой проблемы рабочего класса. Если аграрный закон черпал силы из наименее еще подготовленных к борьбе групп распада — деревенской бедноты, то вождь «бешеных», Жак Ру, неустанно повсюду выдвигал первенствующую революционную роль рабочего класса. Интересно, что идеи аграрного закона, т. е. крайнего «грубого уравниательства», находили иной раз сочувствие и в городах, а именно там, где пользовались влиянием левые — «бешеные и эбертисты». Нельзя также не отметить, что идеи «грубого уравниательства» в этих случаях иной раз соприкасались с робким, но гениальным прозрением будущей роли рабочего класса как хозяина общественного производства. Бабувизму, предшественниками которого на пути революционного движения Маркс называет социальный кружок и «бешеных», было свойственно еще и «грубое уравниательство», пропагандировавшееся в виде аграрного закона социальным кружком, и вместе с тем понимание роли рабочего класса как основной и самой ценной пружины революционного развития, намеченное «бешеными».

Аграрный закон, не являясь программой какой-либо оформленной политической группы, тем не менее жил в сознании деревенской бедноты и имел на местах своих апостолов.

Одним из них был священнослужитель коммуны Эпиной дистрикта Сен-Аманс, департамента Шер, 52-летний, но очень подвижной и темпераментный священник Пти-Жан. Пти-Жан сжался со своими прихожанами, большей частью бедняками, ненависть которых он направлял на эксплуатировавших их господ Дебюз, Клеймон и Борзенрандфон, сумевших стать во главе Коммуны. Согласно протоколу Генерального совета коммуны Эпиной Пти-Жан «ежедневно говорил им (крестьянам), что блага должны быть общими. Он старался убедить их наиболее инсинуаторскими предложениями, говоря о том, что будет только один погреб и только одна житница, где всякий возьмет все то, что ему будет необходимо». Таким образом отпадает нужда в деньгах.

1 сентября 1792 г. Пти-Жан возвестил о себе дистрикту, департаменту и самому Законодательному собранию приглашением «граждан последовать его советам, свободно отказаться от прав на все свои имущества и согласиться на общий раздел всех их благ». Интересно, что тогда же, т. е. непосредственно вслед за революцией 10 августа, бывшей победой тех, «кого кружевные аристократы прозвали санюлотами и которые с гордостью носили свой новый титул» (Шометт), священник заявил, что дома богачей «раньше месяца будут разрушены» и что вообще вскоре «потечет много крови».

О том же характере речей Пти-Жана говорит доклад начальника национальной гвардии: «Пти-Жан держал речи наиболее неконституционные, проповедуя по своему обыкновению аграрный закон». Недовольный повидимому мягкостью формулировок предыдущего оратора, представитель дистрикта добавляет: «Казалось... что он сделался сумасшедшим, опасным сумасшедшим, который сеял раз'единение и несогласие в недра своего прихода, проповедуя насилие над собственностью и угрожая нанести удар личной безопасности». Но мятежный священник не унимался. Будучи в числе выборщиков в Конвент и оставшись недовольным умеренностью избранных, он, вернувшись в Эпиной, повел кампанию против мэра в своих своеобразных «стенновках», т. е. попросту надписями на стенах домов. Скоро изнемогающим в «неравной» борьбе властям предстояли новые потрясения.

В воскресенье 23 сентября Пти-Жан после мессы собрал крестьян и предложил им петицию, требовавшую от Генерального совета коммуны

Печати секций Коммуны

непрерывности и публичности заседаний в часы, когда граждане свободны от работы, а также собрания всего прихода в ближайшее воскресенье — 30 сентября. Во время обсуждения петиции ворвались ненавистные Пти-Жану мэр и богач Клермон в сопровождении пяти национальных гвардейцев. В погоне за убегающим священником сын богача Дебиз ранил его. Наспех вооружившиеся крестьяне напали на растерявшихся гвардейцев, разгромили дом Дебиза, направились во главе с Пти-Жаном к мэру и неплохо оттузили его. Разделавшись с этим «аристократом» и «животным», священник приступил к претворению в жизнь давно взлелеянной мечты: крестьянскую бедноту своего прихода повел он к землям богача Клермона, землям, издавна составлявшим зависть крестьян: повел их для того, чтобы совершить символический акт уничтожения изгородей. И так как в это время стало известно, что из дистрикта идет вооруженная сила, то по распоряжению Пти-Жана над Эшином разнесся протяжный гул церковного колокола. Коммуна Эшиной была малонаселенной и отрезанной от других коммун. В вооруженной схватке один гвардеец был ранен и один крестьянин убит. Арестованными кроме Пти-Жана в качестве главных зачинщиков оказались слуга Пти-Жана, мясник, два крестьянина и один бродяга, часто застревавший в Эшином.

Другим пропагандистом аграрного закона был санкюлот коммуны Левиньен, сапожник Ренье, который зимой 1793—94 г. проповедывал равный раздел земли между всеми. Он предупреждал своих сограждан о ненужности покупки земель из национального фонда, так как «вскоре всякий будет иметь свою часть». Будучи сторонником пятидневной работы, он приглашал с.-х. рабочих бросать работу дважды в декаду. Он пользовался большим влиянием среди рабочих своей округи. Такую же примерно роль играли два «негодяя»-крестьянина коммуны Гоголан, арестованные в 1795 г. как сторонники дотермидоровской анархической системы. Они объединяли бедных и говорили, что «богатые не хотят настоящего равенства».

Ограничиваясь этими примерами, нельзя не указать на крайнюю бедность и неразработанность этого вопроса в литературе. Провинциальные архивы несомненно хранят огромные богатства для специального исследования на эту тему.

Лионские якобинцы заходили очень далеко в своем требовании равенства, обгоняя робеспьеристов и сильно приближаясь к постановке вопроса о фактическом равенстве левых. Лионские якобинцы считали, что «должен быть фиксирован максимум земли» и что «кусочек земли должен быть дан каждому санкюлоту».

Но наряду с этим они в декабре 1793 г. письмом в редакцию газеты «Освобожденный город» требовали «закона, который фиксировал бы максимум индивидуальных состояний». Лионские якобинцы считали, что «республика должна быть ульем пчелок; мы все будем работать, мы устроим трутней, которые захотят, не работая, пользоваться трудом наших работ. Если бы какой-нибудь индивид вздумал бы захотеть перешагнуть уровень равенства, его постигла бы судьба Икара». Любопытно отметить, что стремление, в частности Лионского клуба, к фактическому равенству незаметными путями было связано с предвидением обобществления производства.

27 октября представитель Конвента в «Освобожденном городе» обещает организацию национальных мастерских, «чтобы избавить бедняка от жизненной зависимости от миллионеров». В ноябре 1793 г. якобинцы Гренобля потребовали национализации предприятий, закрытых хозяевами, а также того, чтобы хозяева были поставлены в качестве рядовых рабочих на службу нации.

Почти во всех якобинских клубах фактически господствовало настроение левых.

Итак: никакой или почти никакой принципиальной идеологической разницы между якобинцами и левыми не было, все дело заключалось в различной акцентировке, обуславливавшейся различным социальным базисом. И если Парижская коммуна при руководстве левых свирепствовала в выполнении товарно-продуктового максимума и сквозь пальцы смотрела на максимум заработной платы, то при руководстве робеспьеристов она вела прямо противоположную политику. Если робеспьеристы, скрепя сердце, воспринимали максимум, объявляя его впоследствии плодом «происков Питта», а клуб Бона восторженно приветствовал декрет о всеобщем максимуме, который он считал «хорошим хотя бы уж потому, что богатые клеветают на него», то мы не можем в этой цепи фактов не видеть грани между робеспьеристами и левыми якобинцами.

Робеспьеристы отдавали классовое предпочтение крестьянам перед рабочими. В своем докладе об организации национальной благотворительности от 22 флотеаля Барер говорил: «В порядке национальной благотворительности деревни должны пойти раньше городов. Деревни являются благодарными и плодовитыми кормилицами; города часто являются неблагодарными и бесплодными детьми... Мы перенесем наши утешающие взоры на этот интересный и полезный класс городских ремесленников; но предпочтение для крестьян, пастухов и деревенских ремесленников слишком справедливо, слишком неотложно, чтобы быть оспариваемо».

«Бешеные» в отличие от робеспьеристов всегда ставили на первое место рабочих. «Враги во вне и внутри, ажитаж, скупка, обесценение денег; дворянство мантии и дворянство шпаги, буржуа скупали имущества церкви и национальные земли, они захватили торговлю, и благодаря им революция не дала беднякам и рабочим того, что они вправе были от нее ожидать» — писал Ру летом 1793 г. И еще: «Пруссаки, стоящие у наших ворот, менее опасны, чем те, которые своими монополиями, скупками и ажитажом лишают нищизны рабочих и мастеровых».

Жак Ру вновь и вновь выдвигает вопрос о недостаточности политического уравнения и политической борьбы: «Не всегда уничтожено королевство возведением короля на эшафот. Не всегда раздавлена тирания уничтожением контрреволюционной группы» — пишет он, требуя законодательной борьбы со скупкой и ажитажом. Жак Ру изобличает всех «лицемеров, которым общественное уравнение кажется химерой... всех... эгоистов, банкиров, скупщиков, тех, кто имеет революцию в уме и контрреволюцию в сердце». Жак Ру подчеркивает, что богатые венчались с революцией по расчету, а бедные — по любви, что богатые в лучшем случае ее терпят, извлекая попутно и временные выгоды (спекуляции), но мечтая

о скорейшей ее стабилизации, бедные же заинтересованы во всемерном углублении ее.

В петиции от 25 июня Жак Ру вновь подчеркивает неудовлетворительность равенства по закону и необходимость фактического равенства.

«Свобода — пустой призрак, если один класс может безнаказанно подвергать другой мукам голода. Равенство — пустой мираж, если богатый, пользуясь монополией, получает власть над жизнью и смертью тех, кто в правовом отношении должен быть равен ему... Или состояние мещанина в самом деле священнее, чем жизнь человека?.. Законодатель имеет право объявлять войну, т. е. объявлять приказание убивать людей. Почему же нет у него права воспрепятствовать тому, чтобы их эксплуатировали и подвергали мукам голода, и защищать их очаг?»

На местах в якобинских клубах выявлялись все наиболее революционные элементы. И подчас мы находим местные клубы, в которых весьма явственно чувствуется влияние идей эбертистов. Например клуб Ош не принимает раньше трехлетнего срока испытания ни одного интеллигента, а санкюлотов принимает попрежнему для того, чтобы «устранить всех тех, кто мог бы опасным образом влиять на мнения». Разве это постановление не перекликается с робкой попыткой «бешеных» в революции 21 мая — 2 июня потребовать сохранения права голоса только за санкюлотами?

Клуб Монпазье (Дордонь) размежевывал санкюлотерию «на санкюлотов, рожденных, и санкюлотов, сделавшихся таковыми». В основу такого деления ставился признак социальный, а не моральный («хорошие и дурные граждане»), как это сделали весной 1794 г. робеспьеристы, захотев уравновесить классовые противоречия в лоне единой добродетельной нации. Классовые тенденции левых вызвали особое озлобление буржуазии. Некий люонский современник писал, что санкюлоты обладают «кастовым духом, напоминающим дух старого порядка, и следовательно вредным для республик».

«Кастовый дух» был духом революционного напряжения, революционной решимости. Хотя мелкая буржуазия сумела воспринять программу эбертистского дня 5 сентября, тем не менее она не без тревоги оглядывалась на своего союзника слева. Создав в Париже концентрированные предприятия по изготовлению оружия для армии, власти боялись, как бы «рабочие не попытались воспользоваться своим числом и своей силой, чтобы диктовать свои желания».

4

Робеспьер, видевший «в великой нищете и огромных богатствах препятствие для чистой демократии», отвергавший в отличие от великого Марата в теории борьбу классов, с весны 1794 г. стал усиленно пропагандировать идею единой трудолюбивой нации, идею национальных жертв. «Есть хорошие и дурные граждане» — рабочие попадали в разряд последних во всех случаях, когда они восставали против установленного для них максимума заработной платы. «Даже правительство террора оставило неприкосновенным декрет от 14 июня 1791 г., объявивший все рабочие коалиции преступлением против свободы и Декларации прав человека» (Маркс).

На разрешении рабочего вопроса не могло не сказаться особое положение рабочего класса. Он был социальной силой, определявшей мощь якобинской диктатуры. У власти стоял однако не рабочий класс, а мелкая буржуазия в союзе с ним. К тому же мелкая буржуазия, с весны 1794 г. твердо взявшая курс на построение добродетельной республики мелких товаропроизводителей, где «богатство было бы ограничено, а бедность уважаема», разгромила рабочие организации. Ибо в ту эпоху, когда

еще шла борьба с феодализмом, уравнительство было объективно революционно и следовательно объективно революционны были и эгалитаристские тенденции якобинцев. Но рабочий города и деревни, наиболее последовательно-революционный представитель якобинской диктатуры, оказался с весны 1794 г. в неизбежном конфликте с властью.

Это положение можно проиллюстрировать хотя бы ходом дел на копях Литри. 7 января 1794 г. возчики тачек с рудой на копях в Литри отказались спускаться в копи, так как они имели только полчетверти хлеба. По той же причине 8 марта они прекратили работу на целых 4 дня. 24 марта дистрикт обещал сам доставлять рабочим хлеб из расчета $1\frac{1}{2}$ ливров на рабочего. Но семьи рабочих дистрикт хлебом не обеспечил, и 11 мая рабочие уходят с работы в окрестности, на расстоянии 5 — 10 лье, поискать зерна для своих семей. 13 мая они на той же почве угрожают стачкой. Таким образом продовольственный максимум, бывший безусловно решительной санкюлотской мерой, обеспечившей возможность революционной борьбы тыла и фронта, не мог полностью обеспечить рабочих. Копи Литри находились в руках частной компании, работавшей под контролем якобинской диктатуры. Несмотря на все затруднения, копи при поддержке мероприятий революционной власти на втором году республики сильно увеличили свою добычу, что было необходимо для нужд военной обороны. При этом компания отнюдь не уменьшала своей прибыли. Причиной этого являлся максимум зарплаты, который предпринимателей обеспечивал полностью.

Правительство, требуя выполнения товарно-продовольственного максимума, требовало жесткого выполнения максимума зарплаты, и на этой почве весной 1794 г. рабочие города и деревни весьма громко выражали свое недовольство.

Очень важным и сконцентрированным отрядом рабочего класса в эпоху якобинской диктатуры были рабочие энергично создаваемой военной промышленности.

На военных предприятиях царила жесткая дисциплина. Рабочие не имели права не только уходить на частные предприятия, но и переходить из одного государственного предприятия на другое. Однако никакого установленного социального страхования не было. Поэтому благоустройство рабочих зависело от местных условий. Представитель Конвента монтаньяр Ром сам обещал сохранение полной зарплаты за всеми заболевшими или ранеными на производстве.

Но законодательства по охране труда не было. Якобинская диктатура считала принципиально необходимым заботиться о законодательной помощи крестьянам в первую очередь.

3 марта 1794 г. Барер жалуется, что рабочие площади Неделимости были 3 дня «в состоянии инсURREКЦИИ». Произведено 2 ареста, но необходимы дальнейшие мероприятия, ибо есть основания подозревать происки эбертистов. 27 марта рабочие оружейных мастерских в монастыре капуцинов отказываются работать, как раньше, от 4 утра до 8 вечера и жалуются Конвенту, что администрация «хочет практиковать над ними тиранию и несправедливость». К концу июня и началу июля усиливается рабочее движение.

Военные власти докладывают 24 мессидора о происходящих на предприятиях волынках с требованием повышения зарплаты, хотя... «рабочие может быть одни не испытывают тех затруднений, которые испытывают другие классы граждан... Они, которые под властью тирании довольствовались заработком скромным и едва ли достаточным, жалуются сегодня с высокомерием, которое обнаруживает опасную коалицию»... Самое время «обуздать это неповиновение, являющееся предвестником близкого восстания».

Якобинская деревня весной 1794 г. также была охвачена движением сельскохозяйственных рабочих. Движение сельскохозяйственных ра-

бочих против мобилизации рабочей силы и максимум зарплат, естественно, тесным образом увязывалось со всей гражданской войной в деревне.

Классовая борьба в якобинской деревне дает нагляднейшие уроки правильности большевистских положений о взаимоотношении с различными группами крестьянства. Великая французская революция была буржуазной революцией ранней эпохи. Крестьянство благодаря якобинской диктатуре получило землю. Внутри деревни происходит расслоение крестьянства. Но основная масса крестьянства попрежнему оставалась активной, движущей силой революции.

Во время осады Лиона 20 сентября 1793 г. представитель Конвента Шатонейф-Рондон сообщает, что с тех пор, как поднялись все жители окружающих город деревень, составила «великолепная армия из 30 тысяч человек», благодаря чему удалось «забить все горы и ущелья таким образом, чтобы помешать большому оттоку мяскаденов во внутрь страны и прекратить доставку снабжения в Лион, очень большую часть которого мы задержали, а также прервать сообщение с Лионом».

Отметим попутно, что навстречу энтузиазму крестьян, осаждавших предавшийся контрреволюции Лион, шел энтузиазм рабочих. Лионские рабочие были активнейшими лазутчиками осаждавшей город революционной армии.

То, что крестьянство получило в начале якобинской диктатуры землю, отнюдь не отшатнуло основные массы крестьянства, а привязало их к революции. Крестьянская армия одерживает победу за победой во внутренней и внешней контрреволюции. Но кулак, как правило, становится по ту сторону баррикады.

Представитель Конвента пишет из Сент-Этьена, что призыв августа 1793 г. переполнил оружейные предприятия «большим числом молодых буржуа и зажиточных крестьян, которых защита границ мало одушевляла».

Пользуясь отсутствием организованного движения бедноты, кулачество подчас переманивает на свою сторону середняка в деле сопротивления реквизициям зерна и товарно-продуктовому максимуму. Кулачество организует саботаж хлебосдачи, зачастую привлекая к этому широкие слои деревни. Применяются и активные меры вредительства: хлеб сдается, но в испорченном виде. Иногда дело доходит до открытого восстания. При этом надо помнить, что большинством муниципалитетов управляли представители зажиточного крестьянства.

Саботаж максимума многими местными администраторами очень ярко выразил мэр Понт-Сент-Массань, сказав: «Когда нам из Парижа пришлют сахар, тогда мы еще посмотрим, переправим ли мы им наши яйца и наше масло».

В Северном департаменте пришлось арестовать 23 мэра коммун, чтобы добиться вывоза хлеба.

Иногда представители Конвента, особенно левые, вели политику поощрения деревенской бедноты и опоры на нее в проведении революции в деревне, но определенной партии, которая занималась бы активизацией и организацией бедноты и объединением вокруг нее середняка, не было.

В деревнях, в тех случаях, когда у власти стояли неимущие, строго следили за соблюдением максимума, возлагая ответственность за нарушение его на богатых продавцов, этих присвоителей «преступной и скандальной наживы», а не на неимущих покупателей. Но если в отношении товарно-продуктового максимума центральная власть постоянно нажимала на места, заставляя их повиноваться, ломая местное сопротивление, то в отношении рабочей политики места охотно проводили центральное законодательство, ограничивавшее права рабочих.

7 мая 1794 г. представитель Конвента в Шаренте издал постановление, в силу которого все «бездельники и праздные люди», т. е. все жи-

тели моложе 50 лет, за исключением больных и регулярно занятых какой-либо полезной профессией, объявлялись под реквизицией. Нуждающийся в рабочей силе землевладелец мог получить наряд на любого из них. Работать мобилизованный должен был по таксе.

В Блиньи рабочие объединились и отказались работать по таксе. Работы продолжались только у хозяев, соглашавшихся на понижение зарплаты. В одном месте национальный агент арестовал двух ячвинщиков забастовки, после чего все остальные рабочие покинули работу. Национальная гвардия большей частью стояла на стороне рабочих, ибо состояла из широких кругов менее влиятельного крестьянства. Поэтому ее нельзя было пускать в ход для усмирения.

В Барбери дистрикта Сенле жнецы объединились. Посланному арбитру один рабочий ответил, что лучше было бы ему оставаться там, где он был, и что он теперь хорошо видит, «что не жнецы господствуют в директории дистрикта». Заявивший это работал у крестьянина, бывшего членом совета дистрикта.

В некоторых коммунах муниципальные чиновники являлись выходцами из сельскохозяйственных рабочих и бедноты. Нередко они сами покрывали преследуемых рабочих (например коммуна Рарей покровительствовала бастовавшим жнецам). Но такие случаи представляли собой редчайшие исключения. Как правило, местные власти рьяно выполняют законы центра о мобилизации и таксации рабочей силы. В мае 1794 г. дистрикт Мюре даже запретил рабочим обсуждать трудовое законодательство. Петиция сельскохозяйственных рабочих Лэньи-Лесек говорит: «Богатый рассматривает бедного, как собаку, перебегавшую через дорогу».

Таким образом весной 1794 г. рабочие города и деревни, эта наиболее решительная часть якобинской диктатуры, оказались в конфликте с руководящей фракцией якобинской диктатуры — робеспьеристами. Революционная мелкая буржуазия в самое героическое время оказалась штабом революции. Но комиссарами этого штаба были рабочие и отчасти деревенская беднота, хотя и менее подготовленные к руководству, но глубоко преданные революции. Они были наиболее зоркими глазами якобинской диктатуры¹. Но так как на повестке дня истории могла стать лишь буржуазная революция, то весь героический порыв якобинской диктатуры мог служить только задачам этой революции. Между тем сознание носителей диктатуры находилось в некотором разрыве с объективной обстановкой и объективными задачами истории. Впервые в истории массы «низов мелкой буржуазии и пролетариата» оказались у власти. Понять объективную несамостоятельность своей героической роли они не могли, и тогда каждый по-своему, каждый на своих особых путях стал сознавать перспективы, к которым он стремился. Тогда выявлялась программа якобинцев с сильными эгалитаристическими тенденциями, программа, полная утопии и проникнутая сильнейшим национализмом. Будучи субъективно реакционной, она пока что практически играла революционную роль, ибо вопреки замыслу авторов не только не могла наложить узду на капиталистическое развитие, но, служа наилучшей расправой с феодализмом, подготавливала почву для наибольшего расцвета капитализма.

«Только при Директории со всей силой вырвалась наружу жизнь буржуазного общества» (Маркс). Буржуазному обществу, утвержденному героическим порывом миллионов, настолько не терпелось с реализацией победы над феодализмом, что жажда наживы оказалась сильнее боязни гильотины. Известно, что якобинцы с ужасом и удивлением останавливались перед невозможностью победить процессы спекулятивного накопления. Непонимание разрыва между субъективными устремлениями и объективными возможностями заставляло их удивляться стоголовости той все

¹ Неслучайной эмблемой Кордильерского клуба было дремлющее око.

возникавшей гитры, головы которой они ежедневно подрубали ножом гильотины.

Программа якобинцев, программа построения добродетельной республики на эгалитаристических началах, была мечтой о «чистой демократии», мечтой о том, что фигура мелкого буржуа может угодиться неразмываемой морским прибоем скале, о которую должны разбиваться все волны классовой борьбы. Поскольку фигура мелкого буржуа должна была стать молотом гавани мелкобуржуазной республики, постольку итиль был объявлен законом ее.

Решив уравновесить классы единой нации фигурой мелкого собственника, робеспьеристы неизбежно должны были вступать в конфликт с теми группами, которые являлись живым, ежедневным подтверждением реально существовавшей классовой борьбы. Вот почему Маркс говорит, что (и это одно из чрезвычайно важных и обычно мало учитываемых указаний Маркса) «фанатизм религии Робеспьера служил лишь опорой его фанатизму национальности». В единой, охраняемой «высшим существом», нации не может быть социально плохих купцов, а могут быть только хорошие и плохие купцы, как не могут быть социально хорошие рабочие, а могут быть только плохие и хорошие рабочие. При этом в разряд плохих рабочих, естественно, попадали наиболее сознательные.

Но вот оказывается, что и «хорошие» купцы тоже не по вкусу рабочим. Эбер заявляет, что он благоволит мелкому лавочнику не больше, чем крупному купцу, и что он видит в их лице единый фронт, наступающий против маломощного потребителя, т. е. против рабочего. Не должно ли это было казаться Робеспьеру святотатственным покушением на умиротворяющие заветы «верховного существа», могло ли это не показаться ему прямым ударом по его идее национальности? Конфликт на этой почве был неизбежен, и, как известно, он разразился, ослабив силу сопротивления якобинской диктатуры сколачивавшейся термидорианской группировке. «Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе собрания 1789 г. считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжают сохранять свою силу» (Маркс).

Антирабочая политика робеспьеристов весны 1794 г. была лишь логическим выводом из их попытки продумать свою программу. Только желание найти подтверждения своим чаяниям сегодняшнего дня в истории привело контрреволюционный троцкизм к разговорам о перерождении, якобы постигнувшем мелкобуржуазную диктатуру конца XVIII в., чтобы оклеветать пролетарскую диктатуру XX в.

Если у мелкой буржуазии была хоть и утопичная, хоть и стоявшая в противоречии с объективной действительностью и со своей собственной объективной ролью программа, то у пролетариата не могло быть сколько-нибудь ясного противопоставления себя буржуазии. Однако практика революционного строительства стихийно выдвигала зародыши мысли о перерождении, о перманентности революции. Не только вожди рабочих, но даже силовик Дантон, тонко улавливавший настроения, высказывал мысли о необходимости вслед за совершением вместе с богатыми революции против дворянства приступить к революции против богатых. Несомненно об этом говорит великий революционер Марат. «Законы, — указывал он, — обладают силой лишь до тех пор, пока народы согласны подчиняться. И если они сбросили ярмо дворянства, то могут сбросить и то иго, под которым их держит богатство... Беднота может обратиться к началам свободы и равенства, чтобы положить конец привилегиям и грабительству богатых: точно так же, как к этим началам обратилось третье сословие, уничтожая привилегии дворян» (разрядка моя. — С. Л.).

Отнюдь неслучайной обмолвкой является следующий отзыв Эн-

гельса о Марате: «Я увидел, что мы бессознательно подражали во многих отношениях великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) Друга народа и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, искажившая на целых 100 лет истинный облик Марата, объясняются тем, что он безжалостно совлекал покрывало с тогдашних кумиров — Лафайета, Бальи и др., разоблачая в них уже готовых изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию законченной, а хотел сделать ее перманентной».

Вожди рабочего класса, не имея еще своей программы, однако всегда были проникнуты верой в будущее.

Оставленный как будто всеми, атакованный самим Маратом, Жак Ру, отвечая на нападки Марата, одновременно объявляет об издании им республиканского альманаха «на 1794 год, 3-й год республики». В начале 1794 г. не стало Ру, и на месте республики сантюлотской утвердилась республика буржуазная. Но все руководители рабочего класса всегда подчеркивали свою революционную решимость независимо от складывавшихся обстоятельств, свою надежду на победу будущих поколений. Этим различием объясняется усталая инертность робеспьеристов во всех случаях, когда они были разединены с рабочими массами.

8 термидора Робеспьер, указав на то, что его хотят лишить жизни, говорил в Конвенте: «Я уступлю ее им без сожаления. Я имею опыт прошлого, и я вижу будущее. Какой друг родины может хотеть живым вступить в тот период, когда более не позволено будет ей служить и защищать угнетенную невинность»... А Марат в самые глухие времена реакции уходил в подполье, и оттуда раздавался его голос, голос учителя в борьбе и пророка побед. В эпоху «комиссии двенадцати» Марат откровенно заявил Конвенту: «...я не совершу такой глупости, чтобы отдать себя в руки бешеных своих врагов» и ушел в подполье.

На данной стадии развития диктатура «самого угнетенного класса» могла осуществиться только как диктатура мелкой буржуазии и рабочего класса. Союз этот стал самой героической и самой поучительной главой в истории Великой революции. Ленин, находившийся в борьбе русской Горы и Жиронды всегда на самой вершине Горы, всегда подчеркивал значение революционных уроков якобинизма Великой французской революции. Однако Ленин всегда вслед за Марксом подчеркивал глубокое различие условий XVIII и XX вв., абсолютнейшую реакционность гоголого перенесения лозунгов Великой революции в практику рабочего движения XX в. Ленин всегда подчеркивал в якобинцах их революционную действительность, но никогда не забывал, что они были мелкобуржуазными революционерами XVIII в. Поэтому он говорил, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящихся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист».

Однако коллизия между неоднородными носителями якобинской диктатуры на известном этапе привела к ограничению активности масс. Достаточно упомянуть о разгоне парижских секционных обществ, которые особенно размножились после отменившего перманентность секционных собраний закона 9 сентября и которые теперь стали неприятным напоминанием об эбертистском хозяйничании в столице. И все же якобинство было самым народным, самым революционным правлением эпохи досозревания пролетариата. Недаром Маркс говорит о «плебейском способе» расправы якобинской диктатуры с врагами буржуазии.

Робеспьеристы сумели на самое горячее время революции, если не в теории, то на практике, отречься от фетиша парламентаризма.

Широкая база якобинской диктатуры зиждилась на самостоятельности масс, организованных в клубы и секции муниципалитетов. Клубы

MARCHE DES MARSEILLOIS

CH. INTÉE SUR DIVERSES THEATRES

Chez Frère Passage du Saumon

Allons, en face de la Patrie et le génie de gloire est avec nous de la patrie.
 Le bon d'art sanglant est le bon d'art sanglant est le bon d'art sanglant
 dans les combats nous qui se sont fait dans le moment jusqu'à dans vos bras
 que vos fils ont combattu dans les combats dans les combats dans les combats
 dans les combats dans les combats dans les combats dans les combats
 dans les combats dans les combats dans les combats dans les combats

Пити одною из первых выпусков „Марсельезы“

уже имели свою историю и отнюдь не были безучастны к происходившей классовой борьбе. По мере того, как крепла классовая борьба, обострялась борьба в клубах, росла их бдительность.

В период решительной борьбы с жирондистами усжились чистки якобинских клубов, ибо многие народные общества были «народными только по имени», как писал представитель Конвента из Тулузы, и были наводнены обывательским элементом — «колпаками из новой материи», как их называл Лебон. В результате в эпоху якобинской диктатуры после многочисленных чисток, которые Малларме называл «общественной рвотой», якобинские клубы стали значительно более санкюлотскими. Но все же в них рабочие не преобладали (клуб коммуны Кюньо — департамент Верхняя Гаронна, в котором на 49 членов приходилось 33 с.-х. рабочих, и лишь 1 торговец составлял не правило, а скорее исключение).

Якобинские клубы были очагами общественного мнения, конденсаторами революционной энергии. Не было той существенной отрасли революционной деятельности, в практике которой они ни принимали бы участия руководством и примером. Клуб Туль исключает из своей среды всякого нарушителя максимума. Клуб якобинцев в Безансоне предлагал, чтобы городские торговцы имели право продавать деревенским жителям

товары только в тех случаях, когда последние смогут доказать, что привезли в город продукты сельского хозяйства.

Клуб Нанси предлагает Конвенту национализировать снабжение хлебом и мясом, превратив булочников и мясников из торговцев в рабочих, распределяющих среди граждан то, что они получили.

Клубы принимают самое всестороннее участие в организации революционной обороны. Клуб Бордо посылает 24 комиссара по деревням для разъяснительной и пропагандистской работы по набору. В Лярошель весной 1793 г. всякий член клуба один рабочий день недели отдавал на работы по укреплению города. В Каркассоне клуб назначает делегатов для наблюдения над военным госпиталем. Клубы принимают деятельное участие в гражданском революционном воспитании солдат.

Армия, которая несла освобождение в завоеванные страны, должна была составлять единое целое с революционным народом. Представитель Конвента Изоре с горечью жалуется на клуб Дуэ: «В этой стране взяли за правило говорить, что народные общества должны быть составлены из граждан, а не из военных, как будто военные не являются гражданами».

Одна из парижских секций — секция инвалидов, узнав о непатриотическом поведении батальона, в формировании которого она участвовала, посылает в батальон специальных депутатов, которые, вернувшись, докладывают (24/1 1794 г.), что отряды, сформированные секцией, оказались ни в чем неповинными и вполне благонадежными. «Собрание. — говорит протокол, — того и ожидало от своих детей и покрыло доклад аплодисментами».

Комитет общественного спасения, поручая депутатам в командировке четку революционного аппарата, рекомендует им в этом деле опереться на клубы. Те же клубы приглашают заниматься «выдвиженчеством» в революционный административный аппарат. Комитет общественного спасения поручает клубам наблюдать за проведением отдельных декретов, приглашает их сообщать в центр о всяких непорядках. Так, 13 сентября 1793 г. народным обществам предлагается составить списки «подозрительных» в армии и направить их Комитету общественного спасения. Все массовые политические кампании правительство проводило при теснейшем участии клубов. При казни жирондистов Комитет общественного спасения отпечатал обвинительный акт в 505 тысячах экземпляров и разослал его муниципалитетам и народным обществам.

Однако диктатура якобинцев была революционной диктатурой мелкой буржуазии и тогдашнего пролетариата города и деревни, причем руководство в основном находилось в руках мелкой буржуазии. Рабочего класса как «самостоятельного класса» не было. Следовательно тогда не могло быть рабочей партии. Величие революционной диктатуры состояло в том, что она фактически преодолела парламентский фетишизм, но нельзя забывать, что, давая великолепные образцы революционной практики, якобинцы вместе с тем в теории не преодолели мелкобуржуазного преклонения перед легальностью, перед «суверенитетом» верховного собрания. Эта разединенность теории и практики не могла не сказаться на всем строе мелкобуржуазной диктатуры. И в этом выразилось отсутствие пролетариата как политически самостоятельного класса.

Коллизии и противоречия внутри самой якобинской диктатуры были неизбежны. Но буржуазия была в конечном счете тем классом, который должен был по объективным условиям эпохи стать гегемоном революции. В ходе классовой борьбы, в размахе революции буржуазия была лишь на время отодвинута в сторону «диктатурой самого угнетенного класса» (Ленин). Постановка вопроса о буржуазии как общем руководителе революции, о пролетариате, еще не ставшем самостоятельным классом, и мелкой буржуазии, еще не приобретшей отдельные интересы, не случайно дана Марксом в одной сжатой и яркой формулировке. В обе-

их революциях (Великой английской и Великой французской. — С. Л.) буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо еще не имели никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельного развитого класса или части класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии — абсолютизмом и филистерством» (Маркс и Фр. Энгельс в эпоху немецкой революции. 1848—1850, Гиз, 1926 г., стр. 221—222).

По условиям эпохи буржуазия была единственным классом для себя и поэтому стояла во главе исторического движения. В силу тех же исторических условий пролетариат еще не мог составить «самостоятельного класса» и мелкая буржуазия еще не могла со всей силой выявить «отдельные от буржуазии интересы». В связи с марксовой постановкой этого вопроса нельзя не обратить внимания на указание т. Сталина о роли данной расстановки сил для крестьянского вопроса, т. е. о том, что в результате такого характера буржуазной революции крестьянство на Западе не оказалось обязанным пролетариату за землю, как это произошло в России, что отнюдь конечно не меняет, а в известном смысле даже усиливает значение марксистско-ленинского положения о союзниках пролетариата.

Перед революцией французская буржуазия, идеологически возглавлявшая третье сословие, чувствовала себя призванной обновить общество. «Лишь во имя прав всего общества отдельный класс может требовать себе всеобщего господства» (Маркс). И пафосом обновителей мира звучат сказанные по поводу Конституции слова «льва революции» Мирабо: «Мы начинаем историю человечества».

Первой печальной ноткой разочарования раздается голос мечтательного дантоинста Демулена: «Я мечтал о республике, которую обожали бы все». Между тем Великая революция, во главе которой объективно стояла буржуазия, но которая была конкретно завершена в борьбе с буржуазией и вопреки ей, стала действительным наглядным уроком по вопросам классовой борьбы. В ходе ее нарождающийся рабочий класс обрел первых достойных себя представителей. Один из них, выражая радостный пафос класса, которому принадлежит будущее, сказал: «Пусть головы наши падут от пуль убийц, это нам неважно, но пусть наши потомки начертят на наших черепах: этот пример достоин подражания» (Шометт).

Мировой пролетариат имеет свою историю. Шометт действовал в самом начале ее, в Великую французскую революцию, когда, еще не будучи классом для себя, рабочий впервые пришел к власти. Он не был еще пролетарием в современном смысле слова, его юношеским псевдонимом был санкюлот. В 1848 г. знамя марксизма еще не стало знаменем пролетариата, хотя программный привет марксизма — лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — уже горел в крови июньских инсургентов. Парижская коммуна пролетаризовала диктатуру пролетариата. Октябрьская революция ввела ее в обиход истории.

Восхищаясь образцами революционной действительности якобинцев, Ленин соглашался с Шометтом, что «этот пример достоин подражания». Однако он всегда подчеркивал, что единственным наследником действительно революционных традиций якобинства XVIII в. является пролетариат.

«Якобинство в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке, — писал Ленин, — было бы господством революционного класса пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, нескорошемое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII в., но и повести во всемирном масштабе к прочной победе трудящихся».

К ВОСПОМИНАНИЯМ

ЭЛЕОНОРЫ МАРКС-ЭВЕЛИНГ

О МАРКСЕ

Л. ПЕРЧИК

Воспоминания младшей дочери Карла Маркса Элеоноры об ее отце были написаны в 1894 г. и помещены в «Австрийском рабочем календаре» на 1895 г. С тех пор они не переиздавались, а на русском языке появляются впервые только теперь.

Элеонора Маркс родилась в 1855 г., в первые годы лондонской эмиграции. Это были самые тяжелые для Маркса годы, годы крайней материальной нужды. Эта нужда была мстью буржуазии гениальнейшему мыслителю человечества, беспощадно разоблачавшему все гнусности капиталистической эксплуатации и вскрывшему весь сложный механизм наемного рабства вплоть до самых неизведанных тайников его. Так пытался расправиться класс эксплуататоров с могучим революционером, отдавшим пролетариату все свои силы и всю свою жизнь без остатка.

Детство Элеоноры протекало в обстановке нужды, в которой долгие годы билась семья Маркса. На ее долю не выпало того сравнительно сносного существования, которое знали в раннем детстве ее старшие сестры — Женни и Лаура. Те были старше ее на 11 и 10 лет, и первые годы их жизни не были еще омрачены этими крайними лишениями послереволюционной эмиграции. И все же Элеонора провела счастливое детство, так как нужда и лишения не только не сломили, но еще больше закалили ее отца, ни на минуту не впадавшего в отчаяние перед трудностями. В самые черные дни Маркс и его героически стойкая жена Женни фон-Вестфален не теряли бодрости и этой бодрости и стойкости в борьбе учили и своих детей.

В переписке Маркса и Энгельса Элеоноре, ее детскому лепету, ее играм и забавам, позже ее занятиям и чтению уделяется очень много внимания. Элеонора была любимицей как Маркса, так и Энгельса. Ласкательные имена — Бэби, Туссенька, Малышка, Кво-кво — китайский принц Карлик Альберих и другие — так и мелькают в письмах Маркса и Энгельса.

10 апреля 1868 г. Энгельс пишет Марксу: «Мне приходится, к сожалению, огорчить Тусси сообщением об одной смерти. Бедный еж разгрыз свое одеяло, сунул туда голову через круглую дыру и так запутался, что вчера утром его нашли задушенным. Мир его праху!» (Соч., т. XXIV, стр. 37).

26 апреля 1869 г. Маркс пишет длинное письмо 14-летней Элеоноре, в котором подробно отчитывается о состоянии ее «зверинца»: «Милая моя маленькая Кво-кво! Ты, право, должна простить мне мое долгое молчание. Я сейчас ушел по уши в работу. Прежде всего о твоих зверях. Чтобы так или иначе вознаградить себя за отсутствие верховного своего существа (т. е. Элеоноры. — Л. П.), Самбо стал со мной почти неразлучен. Блекли ведет себя, как всегда, по-джентльменски, но и скучно же! Томми опять сделала все от нее зависящее, чтобы доказать истинность теории Мальтуса. Я полагаю, что Ленхен (домашняя работница семьи Маркса. — Л. П.) прикончит сегодня новое потомство этой старой ведьмы. Вискей, это громадное и доброе существо, вначале был безутешен, как Калипсо, по поводу твоего отъезда... Дикки оказался великолепным певцом...» В таком же духе составлен весь этот своеобразный отчет.

Летом 1869 г. Тусси гостит у Энгельса в Манчестере, и тот в письме к Марксу от 6 июля пишет, что Тусси «читает сербские народные песни в немецком переводе, которые ей, повидимому, очень нравятся».

а 27 июля он сообщает, что «Тусси читает «Гецца фон-Берлихингена» и что следующая книга, которую он хочет ей дать, это «Эгмонт» Гете.

В доме Энгельса 14-летняя Элеонора близко соприкасается с ирландцами (жена Энгельса была ирландской работницей), и за ее пылкое сочувствие освободительному движению фениев (ирландских революционеров) ее в шутку прозывают «маленькой угнетенной нацией». 4 декабря 1869 г. Энгельс пишет Марксу: «Я хотел сегодня вечером заставить почтенного Дидо (собаку) ответить Тусси на ее письмо, которое только сегодня получилось, но эта каналья выбежала в дождь и снег, чтобы улизнуть от этой обязанности. Теперь уже почта закрыта, так что Тусси придется терпеливо ждать до завтра. Однако она, наверное, больше думает о находящемся в чатамской тюрьме О'Доноване Росса (вождь фениев.— Л. П.), чем о своем старом псе, который вот входит мокрый и грязный и тоже осужден к заключению в погреб» (Соч., т. XXIV, стр. 264).

Позже друзья сообщают друг другу об успехах Элеоноры на сцене, которой та сильно увлеклась, и о ее дальнейшем развитии. Но Элеонора недолго увлекалась сценой. Другая арена привлекла ее внимание, и этой арене — революционной борьбе английского пролетариата — она отдала весь остаток своей такой короткой жизни, трагически закончившейся в 1896 г. Она была активнейшим работником английской социалистической партии, талантливым агитатором и журналистом и вела большую работу непосредственно в массах лондонских рабочих, главным образом в пролетарских районах восточной части Лондона.

Очень живо и ярко написанные воспоминания Элеоноры об ее отце, об этом «самом живом и веселом из всех когда-либо живших людей, с бьющими через край юмором и жизнерадостностью», дают новые весьма ценные данные о личности Маркса. Как только ни извращали наемные писаки буржуазии великий образ гениального вождя пролетариата! Но все клевета на Маркса, на его якобы оторванность от живой жизни, кабинетную замкнутость, черствость, личную нетерпимость к людям, эгоизм и т. д. — как беспомощны они перед лицом фактов, перед действительным образом Маркса!

Элеонора приводит только несколько «странных рассказней» о Марксе. о его якобы «миллионах», полученных им от Бисмарка, против которого Маркс боролся со всей беспощадностью пролетарского революционера. Число этих рассказней можно было бы увеличить во много раз. Вспомним хотя бы знаменитого Фогта, получавшего тайно субсидии от Наполеона III и выпустившего в 1859 г. книгу, полную грубейших инсинуаций против Маркса. После поражения Парижской коммуны, когда имя Маркса стало особенно ненавистно всей мировой буржуазии, в один и тот же день, 7 января 1872 г., появляются две фальшивки — одна в Германии в лассальянском «Neuer Social-Demokrat» и другая в Англии, в «National Reformer». В первой Маркс обвиняется некими Шенком и Винандом в растрате денег, собранных Немецким коммунистическим рабочим союзом в Лондоне в пользу бастовавших портных, во второй английский радикал Чарльз Бредло обвиняет Маркса... в шпионаже в пользу германского правительства. Как видим, русская буржуазия и ее меньшевистско-эсеровские лакеи не проявили особой оригинальности, когда в 1917 г. соорудили против Ленина и большевиков обвинение в шпионаже в пользу Германии.

В воспоминаниях Элеоноры особенно интересно сообщение о Марксе как о рассказчике сказок и как о воспитателе детей вообще. «Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок» — пишет Элеонора. И сказка о Гансе Рекле, особенно врезавшаяся в память Элеоноры и так ярко воспроизведенная ею, несмотря на то, что эти воспоминания о раннем детстве писались уже сорокалетней женщиной, заслуживает и нашего внимания.

Эту сказку Маркс рассказывал в течение многих месяцев, и представляла она собой целую серию сказок. Сюжет ее очень интересен: у Ганса игрушечная лавка, но денежные дела его всегда запутаны. Его лавка полна чудесных вещей. Несмотря на то, что он волшебник, он все же никогда не в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому вынужден — совершенно против своего желания — постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Но после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращаются в лавку Ганса Рекле.

Из воспоминаний Элеоноры мы не узнаем, закончил ли Маркс эту сказку о Гансе Рекле. Может быть Элеонора забыла конец сказки? Или может быть Маркс предоставил ей самой ее закончить когда-нибудь? Как бы там ни было, нам кажется весьма заманчивой задача использования этого сюжета марксовой сказки для нашей детворы. Не возьмутся ли за эту работу наши лучшие детские авторы?

Маркс как воспитатель прекрасно показан в воспоминаниях Элеоноры. Когда маленькая девочка, увлекаемая рассказами Мариетта, хочет стать капитаном и советуется с отцом, как ей сбежать из дому и наняться на судно, тот уверяет ее, что «это конечно вполне возможно, но не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне». Серьезно относясь к детским увлечениям, Маркс приучает ребенка к серьезному и самостоятельному обдумыванию своих планов. Он же учит детей находить в книгах «самое красивое и лучшее», но делает он это так, чтобы дети не думали, что он им навязывает свое мнение.

Воспоминания Элеоноры о жизнерадостности и юморе Маркса подтверждаются воспоминаниями Лафарга и других людей, близко знавших Маркса. Лафарг также подчеркивает, что Маркс был «самым приятным собеседником — остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души». Об отношении Маркса к детям Лафарг пишет: «Отец он был нежный, кроткий, снисходительный. «Дети должны воспитывать своих родителей» — говорил он обычно. Не было и тени отцовской власти в его отношениях к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны... В глазах детей он был другом, и они обходились с ним как с товарищем».

Лафарг также подтверждает, вероятно со слов своей жены, второй дочери Маркса — Лауры, что «Маркс рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца, сам по дороге сочиняя их, растягивал или, наоборот, ускорял события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости».

Воспоминания Элеоноры показывают нам такие черты характера Маркса, которые очень напоминают образ другого вождя международного пролетариата. Жизнерадостность и юмор, внимательное и чуткое отношение к людям, любовь к детям и умелый подход в воспитании — все это такие черты характера Маркса, которые роднят его с гениальным учеником и великим продолжателем его дела — Лениным. Эти воспоминания лишней раз показывают нам, как подло искажают насмешные перья современных рабовладельцев не только учение гениальных мыслителей и учителей угнетенных классов, но и их образ как великих революционеров. Сознательные рабочие знают цену всем этим подлостям буржуазии, мстящей вождям восставших, и с тем большей любовью спланиваются под знаменами коммунистической партии вокруг своего вождя т. Сталина.

КАРЛ МАРКС

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ

Мои австрийские друзья хотят получить от меня воспоминания о моем отце. Более трудной задачи они не могли бы мне поставить. Но австрийские рабочие и работницы так блестяще борются за дело, которому посвятил свою жизнь и деятельность Карл Маркс, что я не могу отказать им в этом. Итак, я попробую послать им несколько беглых, разрозненных заметок о моем отце...

Много странных рассказов ходит о Карле Марксе, начиная от его «миллионов» (фунтов стерлингов конечно, не меньше) и кончая субсидированием его Бисмарком, постоянным посетителем которого в Берлине в эпоху Интернационала якобы был Маркс (!). Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непрелюбимым и неприступным человеком, чем-то вроде Юпитера-громовержца, вечно мечущего молнии, без единой улыбки на устах, одиноко и неприступно восседающего на Олимпе. Подобное изображение самого живого и веселого из всех когда-либо живших людей, человека с блестящими через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого приветливого, мягкого, отзывчивого из товарищей, являлось постоянным источником удивления и забавы для всех знавших его.

В семье, как и в отношениях к друзьям и даже просто к знакомым, главной характерной чертой Карла Маркса можно пожалуй считать его неизменно веселое расположение духа и его безграничную отзывчивость. Его доброта и терпение были поистине изумительны. Менее терпеливого человека выводили бы из себя люди, постоянно отрывавшие его от работы и обращавшиеся к нему с просьбами. Не характерно ли для его вежливости и доброты, что однажды один из эмигрантов Коммуны (между прочим невыносимо надоедливый человек) в течение трех смертельно скучных часов не давал Марксу работать, и когда ему наконец сказали, что время не терпит и дела еще много, он ответил на это: «Милый Маркс, я вас извиняю».

И как по отношению к этому надоедливому человеку, так и по отношению ко всякому, кого он считал честным человеком (а он нередко отдавал свое драгоценное время людям, весьма злоупотреблявшим его великодушием). Маркс всегда был самым благожелательным и добрым из людей. Его умение подойти к людям, дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышала, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особой способности понимать их и разбираться в их делах. Когда он думал, что человек действительно серьезно к чему-нибудь стремится, его терпению не было границ. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство — слишком ребяческим для серьезного спора. Его время и его обширные познания были всегда к услугам каждого, кто выказывал стремление научиться чему-нибудь.

Но, мне кажется, всего милее Маркс был в общении с детьми. Да, дети никогда не имели лучшего товарища в играх. Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет и «Мавр» (старое семейное прозвище его так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садку в Графтон-Тэррес и полетал в мои темные волосы цветущий вьюнок. «Мавр», по общему признанию, был великолепной лонцалью. В давние времена... я этого не помню.

но мне об этом рассказывали, — мои сестры и мой маленький брат, смерть которого тотчас же после моего рождения была для моих родителей в течение всей их жизни источником глубокого горя, «запрягали» «Мавра» в стулья, сами садились на них и заставляли его возить их. И я действительно слышала от него, что некоторые главы из «18 брюмера Луи Бонапарта» он написал на Динстрит-Сого, привязанный к трем стульям, и три мальчика «правили», погоняя его кнутом. Я же лично — может быть потому, что у меня не было сестер моего возраста, — предпочитала «Мавра» в качестве верховой лошади. Сидя на его плече, запустив руки в его густую гриву, тогда еще черную, лишь с редкой проседью, я с восторгом мчалась галопом по нашему маленькому садику и по незастроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Грэфтон-Тэррес.

Еще только несколько слов об имени «Мавр». В нашем доме у всех были прозвища (читатели «Капитала» знают, с каким умением Маркс давал их). «Мавр» было обычное, почти официальное имя, которым звали Маркса не только мы, но и все более близкие друзья. Он был также нашим Чали (образовалось вероятно от искаженного Чарли, т. е. Карла) и «old Nick» (леший). Моя мать была всегда наша «Мэме», наш старый дорогой друг Елена Демут, неизменный друг моих родителей, после того, как сперва ей надавали множество других прозвищ, стала нашей «Ним». Энгельс после 1870 г. стал нашим «Генералом». Лина Шелер, наш ближайший друг, была нашим «old mole» — старым кротом. Моя сестра Джени — «Кви-Кви — император Китая» и «Ди», моя сестра Лаура (жена Лафарга), — «Готтентот» и «Какаду». Я называлась Тусон, — это имя так и осталось за мной, — и «Кво-Кво — китайский принц», а долгое время также и «Карликом Альберихом» (из «Песни о Нибелунгах»).

Но хотя «Мавр» был и отличной лошадью, он все же обладал еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок. Я часто слышала от своих теток, что в детстве «Мавр» был страшным тираном своих сестер; он гнал их в качестве лошадок галопом с Маркусберга (Маркусовой горы) в Трире, и, что было еще хуже, он настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли «погонять» себя и едали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл. Многомного лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милю» — требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне «Мавр», самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рэкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором! Ганс Рэкле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и денежные дела его всегда были запутаны. Его лавка была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяйки, четвероногие животные и птицы — в таком же большом количестве, как и в ноевом ковчеге, столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но несмотря на то, что он был волшебник, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден — совершенно против своего желания — постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рэкле. Некоторые из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

«Мавр» имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как

и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон-Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, «Мавр» подарил мне ко дню моего рождения первую мою повелу — бессмертного «Петера Симпля». Потом последовали полные собрания сочинений Мариетта и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Мариетта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот уверял ее, что это конечно вполне возможно, но не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне. Однако, прежде чем созрели эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка к своему ужасу узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным родом Кэмпбел. Затем возник заговор восстания в Горной Шотландии и проект повторения «45-го года» (1745). Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Фальдингга. Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не заметила, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и хотя она и не сознавала, что ее учат, — а то бы она стала противиться этому, — он учил ее думать и понимать.

Таким же точно образом этот «суровый и озлобленный» человек беседовал с маленькой девочкой о «политике» и «религии». Я великолепно помню, как однажды, когда мне было около пяти или шести лет, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку), и я конечно поделилась ими с «Мавром». Он объяснил мне все так спокойно и отчетливо, что с того часа и по сей день у меня больше не возникали сомнения. А как врезался мне в память его рас-

сказ о плотнике, убитом богачами: я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом!

Маркс мог бы сказать: «Пусть дети и не возвращаются им приходиться ко мне», так как, куда бы он ни шел, около него появлялись дети. Сидел ли он на Гэмпетид-Гис — обширном, открытом пустыре к северу от Лондона, недалеко от нашего старого дома, — либо в одном из парков, тотчас же окружали его дети, питавшие самые приятельские и искренние чувства к большому человеку с длинными волосами, бородой и добрыми карими глазами. Совершенно незнакомые дети подходили к нему и часто останавливали его на улице. Также доверчиво относились к нему и животные. Чужие собаки и кошки ласкались к нему и лизали ему руки. Мне вспоминается, как однажды маленький школьник, лет десяти, без всяких остановок грозного «вождя Интернационала» в Мэйтлэнд-парке и предложил ему: «Swor knives» (меняй ножи). После того, как он объяснил Марксу, что «swor» на языке школьников означает «менять», оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним клинком, а у Маркса — с двумя, но явно тупыми. После долгих споров сделка была заключена, ножи обменены, и «страшный вождь Интернационала» дал еще пенни в придачу, так как его нож был уж очень туп.

Я помню также, с каким бесконечным терпением и кротостью «Мавр» отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне и Синие книги вытеснили на некоторое время Марнетта и Вальтера Скотта. Никогда «Мавр» не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хотя ему, должно быть, очень мешало присутствие вечно болтающего малыша, когда он работал над своим великим произведением. Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время — я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что Авраам Линкольн никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые «Мавр» должен был конечно читать и относить на почту. Много лет спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, так как они были уж очень забавны.

Таким вот идеальным другом был «Мавр» в продолжение моих детских и юношеских лет. Дома все мы были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым. И он оставался таким даже в годы, когда он так много страдал из-за карбункулов, и до самой смерти.

Я рассказывала, как Маркс относился к детям. Его отношение к животным было такое же прекрасное, и если бы место и время это позволили, я могла бы рассказать много историй о нашем зверинце в Мейтлэнд-парке — о наших кошках, собаках, птицах и черепахах.

Я набросала эти отрывочные воспоминания, но и они были бы совершенно не полны, если бы я не сказала несколько слов о моей матери. Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон-Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, чем он был. Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую. Женни фон-Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которою Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Герверг и Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее. Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе, юношей и девушкой — он 17, она 21 года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет, прежде чем женился на Женни. Затем во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы, врагов, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом Еленой Демут бодро и бесстрашно боролись с целым миром, всегда на опасном посту, куда призывал их долг. Поистине он мог сказать о ней словами Броунинга:

И навсегда она моя.
Ни случай не может любовь изменить.
Ни время — ослабить ее.

Я думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Цинизму, скупке и острота не доставляли такого удовольствия, как им. Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличия и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один-единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавленного смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой, — это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на какие миллионы, якобы унаследованные мною. Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарования, они были веселой четой, и «озлобленный Юпитер-громовержец» — лишь плод воображения господ буржуа. Если за годы борьбы они и испытали не одно горькое разочарование, если они и встречались с черной неблагодарностью, они все же имели то, что дано немногим. — верных друзей. Там, где известно имя Маркса, там известно и имя Фридриха Энгельса. А кто знал Маркса в его домашней обстановке, тот вспоминает и имя благороднейшей из женщин, славное имя Елены Демут.

Тем, кто посвятил себя изучению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким непреклонным борцом, мог в то же время быть добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Они поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить; что если его язвительное перо могло так прочно засадить кого-нибудь в ад, как это под силу было только Данте, то лишь потому, что он был таким преданным и нежным; что если его саркастический юмор мог раз'едать, как кислоту, то тот же самый юмор успокаивал нуждающихся и угнетенных.

Моя мать умерла в декабре 1881 г. Через 15 месяцев последовал за нею тот, кто всю свою жизнь не разлучался с нею. После жизни, полной тревог, они отошли на покой. Если она была идеальной женщиной, то он воистину — «человек во всем значении слова, нам не найти подобного ему».

МАРКС

В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

И. РАБИНОВИЧ

Теоретическая мысль II интернационала едина во всех областях. И в области искусства мы имеем целостную оппортунистическую концепцию. Больше того, область художественного творчества, в которой Маркс и Энгельс не оставили специальных работ, оказалась для оппортунистических теоретиков еще более удобным полем действия, нежели область политической экономии, философии, истории.

Уже дискуссия о литературе, развернувшаяся на съезде немецкой социал-демократии 1896 г. в Готе, показывает, что многие руководители немецкого рабочего движения в вопросах искусства стояли на либерально-буржуазной точке зрения. Реформизм II интернационала в области искусства выявляется в первых высказываниях Карла Каутского по вопросам художественного творчества. В 1910 г. начинаются выступления Каутского против революционного марксизма, но еще в 1909 г., к которому относится его брошюра «Путь к власти», в основном написанная на основе учения Маркса, Каутский в своем «Размножении и развитии в обществе и природе» кладет начало системе оппортунистических воззрений в области искусства. Он пишет: «Вряд ли можно ожидать, что разовьется новое пролетарское искусство, которое будет выше буржуазного. Не пролетариат создаст новую эпоху в искусстве, наоборот, она будет создана только с исчезновением пролетариата»¹. В этом раннем высказывании Каутского ясно отрицание возможности пролетарского искусства, что по существу является попыткой заставить рабочий класс отказаться от классовой борьбы на фронте искусства.

Эмиль Вандервельде и Жюль Деетре выпустили каждый по специальной работе «Социализм и искусство». Но ни тот, ни другой ни одним словом не коснулись вопроса о пролетарском искусстве. Их интересует лишь проблема помощи пролетариату в усвоении искусства буржуазии. А Вандервельде повторяет только в более расплывчатой форме утверждение Каутского о невозможности пролетарского искусства. «Таким образом, мы приходим к выводу, — заявляет он, — что только в обществе, где собственность и досуг будут принадлежать всем, искусство для всех или социалистическое искусство... из мечты превратится в действительность». В августовской книге «Neue Zeit» («Новое время») за 1912 г. мы находим посвященные вопросу искусства статьи Г. Штребеля, Луи Мартэна, В. Циммера и Роберта Греца. Основную мысль всех этих статей можно передать следующей цитатой из статьи Циммера «Пролетарское искусство»: «Вместо того чтобы твердить о пролетарском искусстве, следует заявить, что такое искусство никогда не станет действительностью и почему не станет. Следует заявить, что искусство труда, что настоящее искусство труда возможно только тогда, когда пролетариат выполнит свою миссию — уничтожение капитализма и тем самым уничтожит себя как класс...»

Наконец в появившемся в 1927 г. насквозь враждебном марксизму труде Каутского «Материалистическое понимание истории», в этом капи-

¹ К. Каутский. Развитие в природе и общество. Сочинения, т. XII. 1923 г.

„Гимн свободе“

тальном завершении четверти века работы как самого Каутского, так и всего международного ревизионизма, главный теоретик II интернационала подводит итог своим теоретическим позициям в области искусства. «Задача художников и понимающих искусство людей, — читаем мы здесь, — по отношению к пролетариату не столько в революционизировании искусства, сколько в том, чтобы сделать доступным массам прекрасное произведение искусства, бывшее до сих пор монополией господствующих классов. Эра нового направления в искусстве и притом длительного, а не мимолетной моды может наступить лишь в том случае, когда новый класс превратится в господствующий класс не только в государстве, но и в обществе, а с ним на сцену появится и новая своеобразная культура»¹.

Если во второй половине приведенной цитаты Каутский лишь повторяет в новой редакции высказанную им за два десятка лет до того мысль о невозможности пролетарского искусства, то в первой части цитаты он идет значительно дальше. Отрицание возможности пролетарского искусства означает проповедь отказа рабочего класса от классовой борьбы на одном из ее значительных фронтов. Призыв Каутского отказаться от революционизирования искусства во имя внедрения в рабочий класс «прекрасных произведений» буржуазного искусства означает подчинение пролетариата идеологии буржуазии. Помня учение В. И. Ленина о критическом усвоении наследства, о том, что «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиться наследством»², мы не можем услышать в призыве Каутского что-либо другое кроме стремления абсолютизировать в глазах рабочего класса искусство буржуазии как некую надклассовую форму и попытку заставить рабочий класс цепляться за буржуазную идеологию.

Так неотделимы позиции II интернационала в области искусства

¹ К. Каутский, *Материалистическое понимание истории*, т. II, 1931 г.

² Ленин, *От какого наследства мы отказываемся*, *Сочинения*, т. II, 1931 г.

от его линии во всех основных вопросах теории. И неудивительно, что мы тут встречаем полное единство теории и практики.

Богатый материал в этом отношении дают иллюстрированные журналы и листки, выпущенные партиями II интернационала. В Германии, где социал-демократическая партия создала большую периодическую прессу, дошедшую до 90 ежедневных газет и 20 журналов, создан большой графический материал, ярко отражающий путь социал-демократии от революционной борьбы к миролюбивому оппортунизму, а затем к открытой измене рабочему классу. Журналы «Der Wahre Jacob», «Süd Deutscher Postillon», «Neue Welt» превращаются в 90-х годах в пристанище самого беспросветного мещанства. Достаточно указать, что в «Neue Welt» в течение ряда лет печатается почти из номера в номер серия картин под общим названием «Галерея головок красавиц». В этом журнале охотно и часто репродуцируется мистическая живопись Ари. Беклина, Фр. Штука и Саша Шнайдера на «общечеловеческие» мотивы, как «Исгина», «Судьба», «Мысль о бесконечном». Здесь нет также недостатка в «Святых ночах», «Рождественских вечерах», «Мадоннах» и «Распятиях».

Еще больший интерес представляет эволюция первомайской графики. По мере возрастания оппортунистических тенденций в социал-демократической партии появляется стремление превратить первомайский рисунок в изображение мирной весенней прогулки. В 1912 г. в первомайском рисунке воцаряется отвлеченная символика, уводящая от активной борьбы. Позднее, в 1913 г., когда социал-демократия голосованием за военные налоги пошла за ревизионистами и предредила полное предательство интересов рабочего класса, первомайский рисунок превращается в открытое отрицание классовой борьбы. В выпущенном в 1913 г. первомайском листке помещен рисунок, являющийся как по основному замыслу, так и по композиции проповедью социального мира рабочих и крестьян; покоей окружающей их весенней природы и торжественное шествие женщины насыщают весь рисунок миром, покорностью. В коллективном труде «История немецкой революции», где воспроизведен этот рисунок, он справедливо снабжен подписью: «Рисунок выражает сущность партии — не борьба, а мирная идиллия».

Но положение, что все основные черты II интернационала находят свое отражение и в его практике, получает самое яркое выражение в многочисленных произведениях искусства на тему о Марксе.

Здесь отражен весь путь, пройденный партиями II интернационала от раннего шатания между марксизмом и лассальянством через реформизм и социал-шовинизм к социал-фашизму.

В журнале «Der Wahre Jacob» в № 668 за 1917 г. на рисунке «Памяти избирательной борьбы» даны изображения Маркса, Энгельса и Лассаля, причем Лассаль помещен в центре. Такое размещение изображений очень характерно для только что отмеченной ориентировки на Лассаля. Это подтверждается целым рядом других рисунков, где, как например на рисунке «Рабочая марсельеза» в № 147 «Der Wahre Jacob» за 1891 г., на знамени шествующих рабочих имя Лассаля помещено первым.

Это фактическое игнорирование руководящей роли Маркса в рабочем движении мы видим также на большом листе, помещенном в специальном издании, выпущенном во время партийного в Берлине. Здесь даны отдельные зарисовки: встреча делегатов, заседание съезда, бюро журналистов, портреты наиболее известных делегатов. И между всем этим — никак не выделенный бюст Маркса.

Маркс всегда находил самые жестокие, уничтожающие слова, полные гнева и презрения, когда речь шла о лицемерии «революционной» буржуазии, о ее лживых лозунгах. В «Памяти июньских бойцов» Маркс пишет: «Братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другого, — это братство, возведенное в февралье, огромными бук-

нами начертанное на лбу Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме, — где оно? Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является гражданская война, гражданская война в своем самом страшном облики, война труда с капиталом. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июля, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию, в то время, когда Париж пролетариата сгорал в огне, истек кровью...»

Понятно, как должен был реагировать Маркс, когда в партии, членом которой он состоял, появились «жалкие утописты и лицемеры, которые повторяли звучащие анахронизмом громкие фразы о fraternité — о братстве».

В письме к Зорге от 19 октября 1877 г. Маркс пишет: «В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди ее вожakov («рабочих» и людей привилегированных классов) пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу не только с разными другими полужайками, как например в Берлине (см. Моста) с Дюрингом и его «поклонниками», но и с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, т. е. заменить его материалистическую базу (требующую раньше, чем ею оперировать, серьезного, объективного изучения) новой мифологией со всеми ее богинями справедливости, свободы, равенства».

Здесь каждое слово дышит ненавистью к мещанским идеалам. И в окружении этого пошлого мещанства чаще всего показан Маркс в графике журналов и других иллюстрированных изданий партии II интернационала.

На гравюре «Гимн свободе» в том же «Der Wahre Jacob» в № 183 за 1893 г. рабочие склоняют свои знамена перед восседающей на троне богиней свободы; трон богини окружают Гракхи, Блюм, Делеклюз, Дарвин, Лессинг, Камилл Демулен, Флориан, фон-Геер, Лассаль, Маркс же сидит у ног богини.

Листок Ганса Пенниа, изданный к 1 мая 1893 г.

„Пробуждение мира“

Оппортунистические мелкобуржуазные тенденции сделали возможным показ Маркса в мистическом окружении, в религиозном образе

На листке Ганса Иентша, изданном немецкой социал-демократией к 1 мая 1893 г., рабочее шествие, неся знамя с лозунгом «Свобода, равенство и братство», приближается к курящемуся жертвеннику, на котором видна голова Маркса в венке из мирт. Перед жертвенником возвышается богиня с факелом в одной руке и с веткой мира в другой.

Журнал «Süd Deutscher Postillon» к десятилетию смерти Маркса опубликовал в № 6 за 1893 г. литографию «Пробуждение мира». В воздушном пространстве среди туч появляется облеченный в ризы Маркс. Прижимая одной рукой к груди «Капитал», он другой рукой звонит в неведомо где, в горных ли высях, в незримом ли храме, повешенный колокол, на котором имеется надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На земле — мужчина, женщина и дитя, закованные в железную цепь. Это — одно из бесчисленных «сошествий» или «явлений», которыми так богато религиозное искусство.

Уже начиная с 1838 г., т. е. с 20-летнего возраста, критика религии сильно занимает внимание Маркса. Общеизвестные слова Маркса: «Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, ду-

безвременья. Она — опиум народа»¹ написаны, когда автору было 25 лет. Маркс в течение всей своей жизни уделял значительное внимание борьбе с религией, видя в последней одно из центральных средств затемнения классового сознания пролетарских масс. И его-то, неутомимого борца против всякого ханжества, социал-демократический журнал показывает воплощенным в религиозный образ.

В 1918 г. в майском номере одного из социал-демократических журналов помещен рисунок в красках, изображающий Маркса с «Капиталом» в руке. У ног Маркса — стена штыков и падающие заводские трубы. Рисунок озаглавлен «Маркс предостерегает». Маркс предостерегает против войны. И странно на первый взгляд встретить этот рисунок на странице журнала партии, твердо стоящей на-страже «своего генерального штаба». Но скоро делается все ясно: это было время перехода от империалистической войны к империалистическому миру, и нужно было, «чтобы миллионы рабочих, имеющие в своих руках великолепное вооружение, непременно и безусловно дали себя «мирно разоружить» буржуазии вместо выполнения совета К. Либкнехта, т. е. обращения оружия против своей буржуазии» (Ленин). В этот момент реформизм выступает в форме пацифизма. И в этом — смысл рассматриваемого рисунка.

Ленин пишет: «С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учением революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего класса»².

В этих строках мы имеем исчерпывающее определение целенаправленности тех немногих произведений искусства на тему о Марксе, которые созданы под влиянием II интернационала, здесь же нам дано исчерпывающее указание на социальные корни этих произведений.

¹ К. Маркс, К критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 399, Гиз, 1926 г.

² Ленин, Государство и революция, т. XIV, ч. 2-я.

ИСТОРИЯ ФАБРИК и ЗАВОДОВ

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО БЫТА

и его место

в „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“

С. ЛАПИЦКАЯ

Творческий подъем и энтузиазм, с которыми трудящиеся Союза пот уже в течение 15 с лишним лет строят социалистическое общество, резко изменили лицо всей нашей страны. Старые фабрики, заводы, поселки, города приобрели совершенно новый вид. Их теперь не узнать.

Большие изменения произошли и в самом рабочем классе. «Великий почин» пролетарского авангарда в области создания новой дисциплины труда — дисциплины товарищеской связи превратился в своем дальнейшем развитии в социалистическое соревнование миллионов и перестроил психологию рабочего. Старый, индивидуалистический принцип «всяк за себя, а бог за всех» уступил место новому, социалистическому отношению к пролетарскому коллективу. В рабочей среде теперь уже можно четко наблюдать процесс формирования нового, социалистического человека.

* Это видно по той могучей тяге к овладению знаниями, наукой и техникой, которая характеризует теперь не только рабочую молодежь, но и пожилых рабочих и работниц.

Об этом свидетельствует и та страстная борьба с пережитками прошлой эпохи — темнотой, религиозным суеверием, неграмотностью и бескультурьем, которая в различных формах наблюдается теперь в каждой рабочей семье.

Об этом говорят также общий рост культурного уровня рабочих и быстрые темпы созревания своей пролетарской интеллигенции.

Художественное чутье не обмануло Романа Роллана, когда в своем ответе «Правде» он писал:

«В СССР создаются не только гигантские фабрики и мощные машины, там миллионами создаются новые люди, целые поколения бесстрашных, здоровых, сильных, бескорыстных людей, вдохновленных пламенной верой в новый мир»¹.

Новые черты характеризуют теперь и домашний быт рабочего. Мощное развитие общественного питания, социального воспитания детей и других форм коллективного обслуживания быта рабочей семьи постепенно переделывает мелкое домашнее хозяйство, превращая его в крупное социалистическое хозяйство. Борьба за новый быт сделалась боевой политической задачей, разрешению которой партия уделяет все большее внимание. «Успешный ход социалистического строительства, индустриализация страны в особенности, — говорит постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г., — уже на данном этапе создает необходимые предпосылки для планомерной работы по перестройке быта на социалистических началах». ЦК призывает партийные организации «помочь движению за новый быт, возглавить его и внимательно относиться ко всем попыткам перестройки быта».

Еще более конкретно трактует этот вопрос постановление июльского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Кагадовича о городском хозяйстве: «Успехи, достигнутые партией и рабочим классом в борь-

¹ «Правда», 7 ноября 1931 г.

бе за индустриализацию и коллективизацию страны, создали все необходимые условия для решительного улучшения городского хозяйства — этой важнейшей базы перестройки быта миллионов трудящихся на новых, социалистических началах».

Формулированные вождем партии и рабочего класса И. В. Сталиным шесть исторических условий также уделяют большое внимание вопросам рабочего быта.

Внедрение элементов социализма в быт рабочей семьи происходит в обстановке ожесточенной борьбы со старыми привычками мещанской психологии, играющей, по выражению А. М. Горького, роль отравляющего газа в классовой борьбе. Это естественно: когда новое родилось, старое остается всегда в течение некоторого времени сильнее его; это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни» (Ленин, т. XVI, стр. 253).

«История заводов», на которой будут учиться поколения не только советских, но и иностранных рабочих, должна уделить особенно большое внимание правдивому большевистскому освещению культурно-бытового фронта — этому наиболее трудному участку классовой борьбы, где овладевший всей политической и экономической властью пролетариат вынужден пробивать себе дорогу к социализму через колючую изгородь мелкобуржуазных влияний, привычек и традиций.

«История заводов» должна содержать яркое описание и старого, каторжного быта на капиталистическом предприятии и нового, социалистического быта с его огромными достижениями.

Сугубую важность такого сравнения неизменно подчеркивает А. М. Горький в каждой своей статье, посвященной «Истории заводов».

«Среди нас, — пишет А. М., — имеется немало людей, которые каторги прошлого совершенно не знают и поэтому неспособны правильно оценить настоящее»¹.

И именно поэтому ознакомление с каменными мешками старых фабричных «спален» с их теснотой, грязью и паразитами, с издевательствами и шпионажем хозяев показывает рабочей молодежи все величие бытовой революции, связанной с ликвидацией «спален» и строительством новых рабочих жилищ.

Точно так же описание быта матери-работницы, нередко рожавшей среди машин, у станка и спустя 3-4 дня после родов уже выходящей на работу, позволяет оценить по достоинству значение декретного отпуска и других достижений в области охраны материнства, с которыми рабочие в настоящее время уже свыклись.

Картина старого пьяного воскресенья, начинавшегося у рабочих с посещения церкви и заканчивавшегося в обстановке кабака, с его драками, бранью, без каких бы то ни было культурных развлечений бросает яркий свет на огромное значение домов отдыха, парков культуры, стадионов и других форм культурного использования досуга.

Обобщение в «Истории заводов» всего опыта борьбы за новый быт, показ достижений в этой области и сравнение их с условиями старого быта имеют огромное политическое значение. Оно особенно важно с точки зрения коммунистического воспитания рабочей молодежи.

Приводимые ниже отрывки из «Истории Трехгорной фабрики» рисуют только один уголок рабочего быта. Они посвящены описанию культурно-политического профиля рабочего.

¹ Литературная учеба, № 3, 1931-32 г.

БЫТ РАБОЧИХ

старой и новой фабрики

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ
„ИСТОРИЯ ТРЕХГОРНОЙ МАНУФАКТУРЫ“*

С. ЛАПИЦКАЯ

ПЬЯНЫЙ БОГОМОЛЬНЫЙ БЫТ в ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

«Темные бессознательные крестьяне, попадая на фабрику, хорошо оборудованную, снабженную чудесами новейшей техники, приходили в недоумение, чувствовали себя подавленными необычайной роскошью фабрики. Невежественная душа крестьянина усматривала в фабриканте своего благодетеля, кормильца, который даст работу, без которого не прожить рабочему» (Ленин).

Эта меткая характеристика правильно рисует лицо основной массы прохоровских рабочих на заре рабочего движения.

Старый ткач И. Г. Куклев дополняет эту общую характеристику отдельными яркими штрихами. «Работницы, а также часть рабочих, — рассказывает он, — смотрели на хозяина, как на святыню. Кто был для них хозяин? — Благодетель. Кто такой был мастер? — Хороший благородный человек. И именно их — хозяина, мастеров — и выбирали обычно работницы в качестве своих представителей. Как, бывало, станешь собирать записки с фамилиями кандидатов в правление потребительского общества, так только и читаешь: Прохоров, Рожков Гаврила Гаврилович и другие лица из начальства. В этом конечно была известная доля холопского расчета: заведующий-де будет знать, что Маланья его наметила, хорошую основу при случае даст».

Рабские черты искажали лицо рабочего Прохоровской фабрики в тот период. Невежественная крестьянская масса привносила в фабричный быт пережитки суеверия и религиозности. Прохоровы же делали все для того, чтобы сохранить эти рабские черты во всей их неприкосновенности. С этой целью на фабрике проводилась стройная система религиозного «духовно-правственного» воспитания рабочих. Николо-ваганьковская церковь являлась в это время фабричной церковью, на украшение которой Прохоровы не щадили средств. Пост церковного старосты почти бесменно занимал один из членов семьи Прохоровых. Администрация фабрики не переставала заботиться об аккуратном посещении церкви рабочими.

По праздникам людям не давали выспаться. Даже в сравнительно недавнее время — в 900-х годах — по воскресным дням уборщицы и сторожа спали рано утром будили спавших:

— Вставайте, в церковь пора ж заутрене.

С этой же целью на фабрике была организована воскресная школа.

«Грамоте там почти не учили, — рассказывает старый рабочий Тимофей Марков, — зато усиленно занимались священным писанием. Дьякон успевал за год пройти с учениками по библии примерно от Адама до Иосифа, десять заповедей, а также учение и жизнь Иисуса Христа по Но-

* При составлении очерков были использованы материалы бригады Института Комкакадемии, изучавшей под руководством автора быт рабочих Трехгорной мануфактуры. В состав бригады входили научные работники ряда исследовательских учреждений (Институт социалистического здравоохранения, Институт охраны труда, Институт философии Комкакадемии и др.) и представители рабочей общественности Трехгорки.

вому завету». В качестве высшей добродетели в школе выставлялись покорность и смирение.

Задачам религиозного воспитания рабочих служили также устраивавшиеся Прохоровыми на фабрике по всяким поводам молебны. Особой торжественностью отличались молебны, приуроченные к пуску фабрики. «На эти молебны, — рассказывает старый раклист В. А. Кузнецов, — приглашались певчие, давался гудок. В тех отделах, где нужно было пускать машины, последние подготавливались, но не пускались до тех пор, пока не пройдет священник и не окропит их святой водой. Когда певчие запюют «Спаси, господи, люди твоя», поп опускал крест в воду: в этот момент снова давали гудок, и машины пускали на холостой ход. После этого поп кропил святой водой машины и всех работников. И лишь затем пускали товар».

Еще более торжественный характер носили молебны, устраивавшиеся ежегодно на фабрике в день Ивана Постного (в память И. А. Прохорова). Во дворе фабрики сооружали беседку, украшенную цветами и зеленью. Весь двор украшали, из Николо-ваганьковской, Предтеченской и других церквей приносили уйму икон и хоругвей, приносили также иверскую икону или еще какую-нибудь из чудотворных. Приглашали светское начальство и высшее духовенство. Специальный наряд полиции дополнял картину этого представления, в котором участвовали десятки попов. Рабочие оповещались о молебне посредством кологушек, сторожа гремели по спальням кологушками и звали:

— Идите на молебен.

Для того, чтобы приохотить рабочих к посещению молебна, им в этот день выдавали награду—15—20 коп., за получением которых рабочие после долгого стояния на молебне еще толкались часами в очереди. При выдаче этой награды строго выдерживался классовый принцип: рабочим давали 15 — 20 коп., служащим — месячный оклад.

Молебны устраивались не только на фабрике, но и в казармах. Двери последних были постоянно открыты для духовенства. По праздникам духовенство Николо-ваганьковской церкви совершало обход своей паствы. В общих спальнях и каморках поны служили молебны и собирали рабочие гроши. При этом духовенство ревниво следило за соблюдением паствой обрядов и вело даже соответствующий учет.

В борьбе рабочих с Прохоровыми за улучшение своей доли духовенство не оставалось нейтральным. Поны на исповеди нередко допытывались, не хранят ли рабочие у себя чего-либо недоброго, не идут ли против царя и хозяина.

«Настоятель Николо-ваганьковской церкви отец Евгений, — вспоминает рабочий Курятников, — имел обыкновение в праздничные дни выходить к гулявшей у церкви публике. Попа окружали, завязывалась беседа. Когда рабочие жаловались на свою судьбу, отец Евгений наставлял их: «Терпите, уважайте хозяина, подчиняйтесь ему, вам—работать, хозяину — управлять».

Влияние церкви особенно сильно сказывалось на работницах Прохоровской фабрики, уровень развития которых был до крайности низок. В огромном своем большинстве работницы еще сохраняли экономическую связь с деревней; мелкобуржуазная крестьянская идеология крепко держалась в этой среде.

«Как войдешь к ним, бывало, в спальню, — рассказывает О. Г. Дудалев, — словно в монастырь попадаешь: кругом иконы. У мужчин икон три-четыре на весь этаж, а у этих каждая над своей головой штук пять повесит иконок с лампадками».

Старая работница Горлова пытается объяснить эту религиозность кабальными условиями труда: «Работали мы на фабрике тяжело—по 10—12 часов в сутки, не считая домашней работы. На душе всякие невзгоды.

Никаких развлечений — ни клубов, ни театров — мы не знали. Ну и шатались по всенным церквям, мощам и страданиям».

Темнота была сильна не только в среде рабочих. Тип рабочего с «надломом» преобладал и в мужской части фабричных на Прохоровке. «Когда открыли мощи Серафима саровского, — вспоминает рабочий Комиссаров. — у нас на фабрике одного калеску рабочего повезли исцелять в Саровскую пустынь».

Деревенские нравы и обычаи упорно и долго держались в прохоровской казарме.

«При выдаче девушки замуж, — рассказывает А. К. Чистяков, — ее украшали лентами, цветами и с пляской и вином провожали в баню».

Среди рабочих было широко развито суеверие. Акушерка Гуляева, проработавшая в фабричной больнице свыше 30 лет, рассказывает, что в поисках помощи и утешения многие работницы ходили к ворожейкам и гадалкам.

В то же время серая, однообразная жизнь толкала к пьянству, которое было в тот период на фабрике бытовым явлением.

К услугам рабочих в районе Прохоровки была густая сеть питейных заведений: трактиры, пивные и казенные винные лавки имелись чуть ли не на каждом шагу. Трактирщики были весьма обходительны с рабочими и не отказывали им в кредите.

И. А. Озеров рассказывает: «Зайдемь, бывало, в трактир и обратишься к хозяину Панову:

— Гаврила Алексеевич, поверь половинку, завтра отдам.

Он поверит».

В трактире шумно, накурено, дымно, будто в облаках сидят. Не переставая играет заводная машина; есть где забыться, уйти от действительности. Здесь угощали мастеров, распивали магарыч по всякому случаю. Снаружи у трактира и у винных лавок — ссоры, драки; тут же на земле — тела напившихся до бесчувствия людей.

Такова была картина рабочей Пресни после окончания рабочего дня. В праздники она еще более оживлялась. «Серая жизнь фабричных, — рассказывает А. Марков, — замирала от праздника до праздника. Дождавшись его, рабочие любили заливать горе водочкой». В праздничные дни жизнь в трактирах начиналась рано: к моменту окончания церковной службы в трактире уже собирались посетители.

Но пили не только в трактире: пили и дома. Среди рабочих в то время было сильно распространено хождение в гости. Это также не обходилось без выпивки. Приходу гостей конечно радовались, накрывали стол, ставили самовар, приносили водку. «Вначале все шло благородно, — вспоминает И. А. Озеров, — когда же дело доходило до пятой рюмки, обычно всплывали неприятные воспоминания, возникали ссоры: я — хороший, ты — плохой; глядишь, вся посуда и полетела».

Нередко в спальнях по праздникам устраивались коллективные пьянки. Собирали с каждой каморки по рублю, покупали вина, вытаскивали стол на середину коридора, и начиналось веселье. При этом одному из веселившихся вдруг не понравится рожа другого, сцепятся, наставят фонарей. Утром идут мириться и снова выпивают.

Пили и женщины, особенно вдовы. В женских спальнях ежегодно осенью устраивалось традиционное «пропивание помоев»; на деньги, вырученные от продажи молочникам помоев, работницы устраивали грандиозную попойку.

К концу праздничного дня улицы Пресни наводнялись пьяными, а в больницах медперсонал работал над перевязкой разбитых голов и переломанных ребер.

К этому пьянству рабочих Прохоровы и фабричная администрация относились с нескрываемой благосклонностью: по установленному обычаю перед началом работ после пасхи или рождества к директорам и заведую-

.. в старой
Прохоровской казарме...

шим цехов направлялись делегации рабочих, получавшие обычно 20 — 25 рублей на выпивку «с началом работ». Первый день после перерыва проходил в буйном пьянстве всей фабрики.

Из рядов пьяниц вербовались штрейкбрехеры. Когда после одной из забастовок староста цеха И. А. Озеров предложил Н. И. Прохорову уволить заядлых пьяниц, тот воспротивился. Между ними произошел следующий разговор:

— Мне без пьяниц никак нельзя. — заявил Прохоров.

— Почему? — удивился Озеров, проработавший к тому времени на фабрике свыше 15 лет и не имевший ни одного дня пьяного прогула.

— А вот почему. — объяснил Прохоров. — Ты бастовал?

— Бастовал.

— Ну вот. Я написал: прибавляю 1½ коп. и предлагаю желающим выйти на работу. Пьяницы прибежали первыми, а ты пришел последним. Если бы их не было, ты бы не удовлетворился прибавкой в 1½ коп. и не встал бы на работу.

Церковь и трактир были не единственным местом отдыха рабочих. Посещали они и дома терпимости. Вынужденный отрыв рабочих от своих семей, вошедший в быт прохоровской спальни, приводил к ненормальной половой жизни.

«В небольшой комнате. — рассказывает рабочий Комиссаров. — где

жили по 2—3 семьи, зачастую происходили семейные неурядицы и всевозможные ссоры; были также случаи любовной связи между жильцами. В таких условиях семейная жизнь протекала ненормально. Эта ненормальность еще более усиливалась в переуплотненных общих спальнях, где жены рабочих нередко устраивались на ночь под нарами. В связи с этим до 1905 г. и позже на фабрике было сильно развито посещение рабочими домов терпимости, в которых недостатка тогда в Москве не было».

Так проводили рабочие свой досуг. Возможности культурного отдыха были на Прохоровской фабрике до крайности ограничены. Лучшие зеленые участки в районе Пресни и в частности находившийся близ фабрики на берегу Москва-реки в Студенце большой тенистый парк были огорожены высокими заборами; доступ туда рабочим был закрыт. К услугам последних оставался тесно примыкавший к свалкам пустующий участок, заросший кустами. Здесь в праздничные дни шла азартная игра в карты, лото, в «варлаам» — и все на деньги. До 500 играющих, бывало, собиралось здесь за кустами.

Кроме того перед спальнями находилось так называемое «Новое гулянье» — пыльная площадь с двумя круговыми аллеями тополей. Здесь по праздникам располагались лотки с подсолнухами, орехами, а также чайные палатки с самоварами, где вместе с чаем подавали и водку.

Ближе к заставе находились карусели и качели; на масляной и на пасхе здесь выстраивались балаганы с ярко размалеванными вывесками. Зрителю преподносились представления на сюжет не то битвы русских с кабардинцами, не то русско-турецкой войны; тут же выступали фокусники, акробаты, плясуны и т. д.

Спорт в то время был рабочим недоступен. Его заменяли «стенки» — кулачные бои. Летом на пустыре у свалок устраивались драки между рабочими Прохоровской, Мамонтовской фабрик и рабочими сахарного завода Кенига. Зимой на Москва-реке прохоровцы дрались с рабочими Трехгорного пивоваренного завода. Драки начинались примерно так: прохоровцы отколотят мамонтовского рабочего, бывало и обратно. Избитый обращался за помощью к своим товарищам. Вооружившись чем попало, последние шли на «Гулянье» и избивали первого попавшегося прохоровского рабочего. По праздникам на «Гуляньи» в течение дня происходили десятки таких драк. Нередко такие же драки происходили между рабочими различных цехов Прохоровской же фабрики, большей частью между «мамаями» (рабочие ситцевой фабрики) и «рогалям» (ткачи). Прохоровы не без умысла стремились изолировать рабочих разных цехов и перессорить их между собой. С этой именно целью одна половина 60-й хазармы была отведена «мамаям», а вторая — «рогалям». Лупили они друг друга нередко. По вечерам возвращались с выбитыми зубами и разбитыми лицами. Одному рабочему во время такой драки свернули шею набок. Так Кривошеевым его с тех пор и прозвали.

Это сомнительное развлечение рабочих также поощрялось Прохоровыми. Победители нередко получали у хозяина на выпивку.

Пьянство и кулачные бои порождали в свою очередь хулиганство. Поздно ночью — часов с 11 — женщинам было опасно проходить мимо «Гулянья». Они рисковали подвергнуться самым большим опасностям и оскорблениям. Между тем такие случаи хулиганства не всегда вызывали осуждение в темной массе рабочих.

«Жили серо, — передает свои впечатления приехавший из Либавы рабочий Иоделис, — и даже не замечали, что живут плохо. Рабочий, бывало, каши наестся, сыт и знать ничего не хочет».

Но особенно сера и однообразна была жизнь работниц.

«Какая наша девичья жизнь была? — вспоминает Т. Е. Донцова. — Что видели мы тогда? Ни школы, ни театра, ни клуба — одно «Гулянье», да и там грязь, свалка, гармошка и пьянка»

«Только и знала, что церковь, фабрику, спальню и баню — рассказывает Морозова.

В женских спальнях вместе с иконами держался затхлый деревенский быт. Гражданский брак вызывал здесь всеобщее осуждение и насмешки; «сачок», «сачиха» — такими прозвищами изводили бабы работниц, состоявших в гражданском браке.

Отношения между рабочими и работницами были неравные и нездоровые. Женскую спальню рабочие окрестили оскорбительным названием «кобылий двор», и это название за ней укрепилось надолго.

Таково было лицо основной массы прохоровских рабочих на заре рабочего движения. Ему соответствовал и их внешний облик. Фабричные в ту пору ходили на работу в подштанниках и в опорках. Работницы носили деревенские сарафаны и высокие фартуки. Особняком стояла небольшая прослойка лучше оплачиваемых квалифицированных рабочих из числа бывших «кашников»¹.

...«Но постепенно рабочий освобождается от своей крестьянской отсталости и забитости и начинает подниматься на более высокую ступень развития; появляются первые попытки борьбы с угнетателями — стачки» (Ленин).

Историческая морозовская стачка в 1885 г. оказала огромное влияние на формирование классового сознания отсталых текстильщиков. На фабриках то здесь, то там начинают появляться, пока еще в одиночку, революционеры-марксисты, которые ведут пропагандистскую работу. На Прохоровской фабрике много говорили в ту пору о гравере-накатчике Богданове и о Царском (Алексееве) — тоже гравере, которые в бытность свою на фабрике были «очень смелыми людьми и революционерами». Количество этих смелых людей постепенно росло. Началось формирование авангарда, и в 90-х годах на фабрике уже появились первые социал-демократические кружки.

Но как сильно отличался быт этих сознательных рабочих от всей остальной массы! «Мы не пили вина, не хулиганили, — ничем другим кроме чтения не занимались. Разве изредка для отвода глаз играли в козла» — рассказывает А. Марков о жизни с.-д. кружка на Прохоровке в 1894 г.

Передовые рабочие уделяли много внимания своему самообразованию. Фабричная библиотека их уже не удовлетворяла, ибо в ней преобладали книги, допущенные к чтению в народных библиотеках и прошедшие двойную цензуру. Вот список некоторых книг, прочитанных в ту пору А. Марковым: «Спартак» и «История одного крестьянина» — Джованниоли, «Через 100 лет» — Беллами, «От утопии к науке» — Энгельса, книги по французской революции, по учению Дарвина и т. д. Прочитанные книги обсуждались, по поводу них велись горячие споры.

Революционные рабочие проникали на Пречистенские курсы и участвовали там в нелегальных с.-д. кружках. В этой среде не остается уже и следа от былой религиозности. Шеф жандармов Святополк-Мирский был совсем недалек от истины, когда в 1901 г. докладывал царю: «За последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию».

В массе рабочих эти передовики пользовались большим влиянием. «Рабочие в большинстве смотрят на нас любовно, видят в нас умных, степенных, нельющих людей и относятся к нам как-то с уважением» — сообщает А. Марков. Под руководством этого авангарда рабочие Прохоровской фабрики начинают экономическую борьбу. Первая стачка в 1895 г. закончилась жестокой полицейской расправой. При помощи нагаек и плетей

¹ «Кашникачи» на фабрике называли воспитанников ремесленной школы, основанной Прохоровыми. И в обед и в ужин учеников в течение всего года кормили гречневой кашей. Отсюда и прозвище «кашники».

рабочие были буквально загнаны на фабрику, а руководители стачки арестованы. Присутствовавший во время этой расправы фабричный инспектор передаст, что «многие рабочие едва могли отвечать на расспросы, тряслись и просили не губить их».

Однако эта первая стачка дала сильный толчок пробуждению классового самосознания. При следующих забастовках рабочие держали себя уже более смело и уверенно. Подъем рабочего и крестьянского движения в начале 900-х годов ускорил процесс изживания патриархальных отношений на Прохоровке. Тяжелый гнет, тяготевший над рабочими в течение десятилетий, воспринимался ими теперь особенно болезненно. Классовые бои на Прохоровке стали учащаться. Но полукрестьянский по преимуществу состав рабочих придавал этому движению неравномерный, скачкообразный характер. Через зубатовскую организацию, через экономические стачки с чисто местными требованиями о бане, спальнях, харчах рабочие Прохоровской фабрики в декабре 1905 г. пришли к непосредственному участию в вооруженном восстании.

В период 1905 г. на фабрике в политическую жизнь была вовлечена широкая масса рабочих. Уборные и курилки превратились в клубы, где беспрерывно происходили собрания по 20 — 30 чел. Кроме легальных газет здесь читалась и подпольная «Искра». На фабрике появились любимые ораторы, которых «ждали во всех уборных: жаждали от них услышаться».

Пробуждение коснулось также и женской молодежи. Передовые работницы организовали кружок, посещали массовки. Движениехватило и рядовых работниц.

«Если раньше бывали случаи, когда жена, поругавшись с мужем, в сердцах сторяча бежала к городовому и рассказывала, что-де муж мой бунтовщик, против царя идет, то в 1905 г., — говорит Ф. Г. Румянцева, — стали наблюдаться другие картины: жены уже прятали литературу, оружие и оказывали кое-какую техническую помощь». В вооруженном восстании на Пресне принимало видное участие немало работниц Прохоровской фабрики. Мария Козырева, Морозова и другие сражались в передовых рядах.

В героические дни борьбы на Прохоровской фабрике и на Пресне не было пьяных. Штаб революции ликвидировал пьянство.

Подавление вооруженного восстания сопровождалось усилением нажима на рабочих и со стороны прохоровской администрации. На передовых рабочих обрушился жестокий террор: их увольняли и выбрасывали из «спален». Наибольшее число фамилий, занесенных Прохоровыми в «черную книгу», приходится на этот именно период, следовавший за подавлением восстания. Прохоровы и фабричная администрация приложили все усилия к тому, чтобы очистить фабрику от революционных рабочих, восстановить и укрепить потрясенные революцией патриархальные нравы. Особенно большие надежды в этом деле снова возлагались на церковь. Юрий по образованию, Н. И. Прохоров, служивший в гусарах и всегда обнаруживавший полное безразличие к вопросам религии, после 1905 г. вдруг воспыла сыновней преданностью к церкви. Став церковным старостой, он привлек весь свой командный состав на службу церкви: одних поставил за церковный ящик, других — за свечной и т. д. В Николо-ваганьковской церкви стали время от времени устраиваться службы митрополита, был также приглашен лучший в Москве хор Юхова.

По вторникам на фабрике устраивались богословские лекции «о страданиях Петра и Павла», «о жизни Христа» и т. д. Лекции начинались и кончались молитвой. Билеты на лекции распределялись администрацией, и посещение их носило полупринудительный характер. Такие же беседы устраивались по воскресеньям на Ваганьковском кладбище, служившем местом прогулок для рабочих. Здесь была организована чайная Обществом трезвости, носившим явно черносотенный и патриотический

характер. В годы империалистической войны деятельность этих патриотических организаций особенно усилилась. Немецкий погром в 1915 г. в Москве, в котором участвовала и часть прохоровских рабочих, произошел не без их влияния. Об этом погроме рассказывает Сергей Волков: «С Прохоровки пошло человек 300. Пошли кликуши церковные, что молебны служили, солдаты и некоторые служащие».

Политическая реакция усиливалась в стране и давала себя чувствовать на фабрике.

Но «благодаря революции 1905 г. крепостная, медвежья, патриархальная, благочестивая, покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама... После декабря это был уже не тот народ: он переродился, он получил боевое крещение» (Ленин).

Участие прохоровских рабочих в вооруженном восстании знаменовало пробуждение их классового сознания. На Прохоровке формировалось новое, революционное поколение рабочих.

Революция 1906 г. нанесла тяжелый удар патриархальному укладу. Тесная связь между экономическим и политическим гнетом была продемонстрирована рабочим Прохоровки на целом ряде стачек. А участие церкви в подавлении восстаний — расстрел дружинников с колоколен церкви «Девяти мучеников» и «Покрова» и бесстыдная речь настоятеля Николо-ваганьковской церкви отца Евгения, предавшего анафеме революционеров, — раскрыло глаза многим верующим рабочим.

Богомольные нравы уже не отличались прежним постоянством. «Когда по рабочим сильно ударили, — рассказывает Ф. Г. Румянцев, — они встряхивались и шли за передовыми, вступали в союз, участвовали в стачках».

Патриархальным отношениям не дано было возродиться на Прохоровке, где в 1912 г. уже оформилась подпольная большевистская организация. Ряды авангарда росли; к нему подтягивалась и остальная масса.

ФОРМИРУЕТСЯ НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Пятнадцать большевистских лет до неузнаваемости изменили профиль Прохоровской фабрики. С внешней стороны все как будто осталось попрежнему: та же лента старых фабричных корпусов опоясывает берег Москва-реки, тот же маячит на гребне горы белый прохоровский особняк, подпираемый Николо-ваганьковской колокольней, так же не умолкает ни днем, ни ночью стук машин и станков, издали напоминающий шум водопада.

Но это — только внешнее сходство. Лицо столетней Прохоровки за эти 15 лет приобрело совершенно новые черты. Оно омолодилось. Это новое отражено во всем. И в переоборудованных, выросших на два этажа бывших «спальных», где в отдельных квартирах по-новому живут теперь фабричные пролетарии; и в бурном строительстве рабочих жилищ и культурно-бытовых учреждений, что все более тесным кольцом окружают старую фабрику; и в прорезанных рельсами трамвая озелененных улицах когда-то заброшенной окраины; и в залитом по вечерам огнями поселке «1905 г.», выросшем на месте прежней свалки; и в звонких голосах пролетарских детей, овладевших прохоровским особняком и превративших Николо-ваганьковскую церковь в орудие технического просвещения.

Еще более ярко об этом говорит новое лицо не только рабочей молодежи, но и старых прохоровских рабочих.

Выходцы из московских, рязанских, калужских и тверских деревень — эти пролетарии прошли суровый жизненный путь. С 9—10 лет в пастухах и няньках, с 11—12 лет на фабрике в учениках, они извели немало издевательств и побоев. В 15 лет уже в качестве взрослых рабочих они попадали в «спальню», где окончательно формировался облик прохо-

ровского «мамая» или «рогалия». Тяжелая однообразная жизнь давила на сознание. Утомительный труд сменялся буйным пьянством, драками, сквернословием. Рабочие посещали церковь, подолгу засиживались в трактире; темные, беспомощные, они искали выхода в религии и пьянстве. Связь с деревней засоряла сознание и облегчала путь проникновению в эту среду мелкобуржуазных эсеровских идей и настроений. В первый период пролетарской революции часть прохоровских рабочих еще беспомощно путалась в ногах у пролетарского авангарда, а порой даже мешала ему.

Годы большевистской борьбы прояснили классовое сознание прохоровского рабочего и преобразили его лицо. Прежняя забитость и приниженность сменились бодрой жизнерадостностью и уверенностью в своих силах.

«Несмотря ни на какие трудности, построим социализм» — эту готовность к борьбе, к жертвам и лишениям во имя ее можно прочесть теперь не только в лозунгах, которыми обильно украшены фабричные цехи и рабочие кварталы. Об этом говорят и дела советской Трехгорки, из года в год перевыполняющей промфинплан.

Об этом свидетельствует и рост партийной организации, охватившей не только рабочую молодежь, но и пожилых пролетариев Трехгорки. К концу 1931 г. партийная организация фабрики насчитывала в своих рядах до 20 проц. рабочих с дореволюционным производственным стажем. Из них только небольшая часть (9,1 проц.) вступила в партию в героическую эпоху гражданской войны; значительное же большинство было увлечено нафосом восстановительного периода (38,2 проц.) и борьбой за пятилетку (52,7 проц.).

Партийно-комсомольская прослойка на Трехгорке значительно выросла за последние годы и составляет около 50 проц. всего рабочего состава. Организация растет, но рост этот нередко сопровождается упорной борьбой и конфликтами с пережитками старого, которые еще сильно дают себя здесь чувствовать.

Особенно болезненно протекают эти конфликты в семьях пожилых и старых рабочих, где один из супругов начинает опережать другого в своем политическом и общем развитии.

Однако нередко вступление в партию одного из супругов влечет за собой постепенное высвобождение всей семьи из-под власти старых нравов и обычаев. Нередко вслед за одним членом семьи в партию вступают и другие.

Жена вступившего в партию машиниста Р. Агапова, беспартийная работница, говорит об огромном воспитательном влиянии партии на мужа. «Словно подменили мужика моего, — рассказывает она, — совсем другим человеком стал; и пить бросил и ко мне стал по-хорошему относиться, даже в домашней работе помогает, чего раньше никогда не было».

Пример этот действует на жену, и Агапова тоже подает заявление о вступлении в партию.

С ростом партийной прослойки на Трехгорке усиливается влияние партии и на беспартийную массу. Грань, отделяющая многих беспартийных рабочих от партии, становится все менее заметной.

Работница Т. Е. Донцова вспоминает о своей работе на фабрике до вступления в партию. «Я еще тогда не была в партии, — рассказывает она, — а рабочие уже считали меня за коммунистку».

Строгальщица А. С. Батурина, работающая на Трехгорке свыше 30 лет, также является одной из таких беспартийных коммунисток. Батурина давно «пожгла» иконы и числится в общественном активе. Полуграмотная, она хорошо разбирается в вопросах политики: интересуется германскими событиями, японо-китайским конфликтом, слушает ежедневно газету — дети читают вслух — и с особым интересом следит за успехами коллективизации и за ходом выполнения пятилетки. Батурина живет инте-

рсами социалистического строительства. «Надо попотеть, — часто говорит она, — иначе над нами будут издеваться белогвардейцы».

Батуриных много на фабрике. Это — тот резерв, из которого партия черпает свои пополнения.

Процесс оформления большевистского сознания на Трехгорке далеко еще не закончен. Капиталистическая эпоха оставила здесь глубокие корни в сознании старого поколения, тесно в прошлом связанного с деревней и воспитанного в тяжелых условиях полукрепостнического режима. Переделка этого сознания не поспевает за ходом социалистической перестройки жизненного уклада. Но эсеровские и меньшевистские иллюзии, владевшие когда-то умами на Трехгорке, в настоящее время уже окончательно рассеялись.

При этом одни из рабочих (бывших эсеров и меньшевиков, ошибочно в дореволюционный период примкнувших к этим мелкобуржуазным партиям, — Н. Н. Иванов, И. Г. Куклев, М. Б. Старостина, В. И. Иванов и многие другие) уже давно решительно порвали со своим прошлым и вступили в ряды коммунистической партии. Другие окончательно сбросили фиговый листок «социализма» и обнажили перед всеми рабочими свою контрреволюционную сущность. Бывший эсер М. С. Зеленцов, участвовавший в декабрьском вооруженном восстании, не нашел для себя после Октября места в борьбе рабочих за социализм и сменил рабочую спецовку на поповскую рясу. Соблазнился постом церковного старосты и другой видный эсер — Крылов. Единственной опорой их на фабрике являлся до недавнего времени десяток-другой «социалок». Но и эта опора рушилась. Борьба между старым и новым проникла и в среду пенсионеров, среди которых имеется уже немало общественников (Ащеулова, Кузьмин, Губина и др.), отдающих остаток своих сил делу социалистического строительства.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Значительно изменился и вырос также культурный уровень рабочих Трехгорки. Старые прохоровские рабочие были в огромном большинстве неграмотны. Редко кому из них удавалось окончить сельскую школу. Большая же часть либо нигде не училась, либо, походив одну-две зимы в школу и не одолев грамоты, с детских лет отправлялась на заработки.

Ликвидация этой почти сплошной неграмотности составила одну из главнейших задач большевистской организации Трехгорки. Через курсы ликбеза при фабрике прошли за эти 15 лет сотни и тысячи неграмотных и малограмотных пролетариев. Борьба за сплошную грамотность стала предметом соцсоревнования между отдельными цехами и бригадами на Трехгорке. В итоге этого некоторые цехи — печатный, складальный, механический — уже в 1932 г. стали сплошь грамотными.

В системе культурно-политического воспитания на Трехгорке ликбез является лишь первой ступенью. Через ликбез к овладению газетой, книгой, к дальнейшей учебе, к активному и сознательному участию в социалистическом строительстве — таков путь культурной революции на фабрике.

Рабочие Трехгорки овладели газетой. До революции только незначительное меньшинство прохоровских рабочих — преимущественно бывшие «кашники» — почитывало газету. Читали «Копейку», «Московский листок» и другие буржуазные газеты, умело затемнявшие сознание рабочих. Революционная печать с трудом проникала на фабрику. Когда в 1912 г. стала выходить «Правда», прохоровская администрация вместе с полицией запретила газетчикам приносить эту газету в спальни. И небольшая группа рабочих во главе с Владимиром Горинковым занялась распространением

Кружок писбел

«Правды» из-под полы. Но газету читали единицы. Большинство прохоровских рабочих, не исключая и грамотных, обходилось в ту пору совершенно без газет.

За годы революции пролетарская печать пробилась себе дорогу почти в каждую рабочую семью на Трехгорке. Перепись, охватившая в 1931 г. до 4 тыс. рабочих и работниц фабрики, показала, что 69 проц. всех рабочих систематически из дня в день читают газету. Данные эти неполны, так как они не учитывают широко практикующегося в рабочих семьях чтения газет вслух.

Из газет больше других читаются на Трехгорке «Правда» и «Рабочая Москва». Большой популярностью пользуется фабричная газета «Знамя Трехгорки». Из журналов наиболее распространены «Делегатка» и «Работница», которые можно встретить почти в каждой семье. Выписываются также, но значительно меньше, «Наука и жизнь», «Хочу все знать», «Безбожник у станка» и др. Партийный актив читает «Массовика» и «Большевика». Встречаются подписчики «Молодой гвардии».

Но рабочие Трехгорки не только читают газету, они и сотрудничают в ней. Фабричная многотиражка «Знамя Трехгорки» и свыше 20 цеховых стангазет почти полностью составляются руками рабочих. И составляются неплохо. «Знамя Трехгорки», — писала «Правда» в своем обзоре, — действительно заводская газета по содержанию, языку и составу участников».

Непрерывный качественный рост газеты, ставшей могучим орудием культурной революции на Трехгорке, отражает культурно-политический рост всей рабочей массы фабрики.

Годы пролетарской революции воспитали здесь также массового читателя книги. Из 5.700 рабочих Трехгорки подписчиками и постоянными читателями фабричной библиотеки к концу 1932 г. состояло 3.535 чел. — свыше 60 проц. всего рабочего состава. При этом следует учесть, что многие рабочие семьи представлены на фабрике 2—3 работниками и что взятая в библиотеке одним из членов семьи книга читается вслух в кругу всей семьи; кроме того книга проникает в рабочую семью и через детей.

пользующихся школьными библиотеками. В некоторых цехах с наиболее грамотным составом рабочих фабричной библиотекой пользуется до 80 проц. работающих.

Но книга на Трехгорке — не только средство культурного использования досуга; она вместе с тем и орудие борьбы за знание, за культуру. Наряду с беллетристикой читается и научная литература. Первое место здесь занимают общественно-политические вопросы (сочинения Ленина, Сталина и др.): на втором месте стоит техника, за которой следуют история, народоведение, естествознание, критика, антирелигиозная литература, философия.

Рабочие Трехгорки пока еще только читают литературу, но не участвуют в ней. Призыв рабочих в литературу не дал еще здесь заметных результатов. «Записки ткачихи» Лукерьи Крыловой — пока единственная книга, вышедшая из-под пера бывшей работницы Трехгорки.

Рабочее авторство ограничивается пока на фабрике пределами технической книги. Старые рабочие — граверы, раклисты — взяли на себя обязательство в популярных книжках передать свой опыт молодому поколению. Такие книжки в настоящее время пишутся на Трехгорке. Но уже создан при фабрике литкабинет и усиленно занимается литкружок, а та тяга к учебе, которая охватила широкую массу рабочих фабрики, является гарантией успеха призыва ударников в литературу.

Вместе с газетой и книгой у рабочих Трехгорки пробудился интерес и к искусству — к театру, музыке, картине. От бывшей прохоровской спальни уже протоптана широкая дорога к Большому и Художественному театрам, в концертные залы и музеи, куда раньше «мамаям» и «рогалям» путь был строго заказан.

Когда старая 65-летняя ткачиха А. Т. Губина, выйдя на сцену Большого театра, получила в качестве представителя Трехгорки слово для приветствия по случаю 100-летнего юбилея театра, она захлебнулась в нахлынувшей волне воспоминаний. «Никогда в своей жизни не мечтала я быть здесь, — заявила Губина, — нам ведь доступа сюда не было».

В свою очередь и театры нашли дорогу к Трехгорке. Сцена фабричного театра им. Ленина, выросшего на развалинах исторической кухни, видела за эти годы на своих подмостках лучших артистов Союза. Московский Художественный театр, Большой и Малый, Театр революции и другие не раз ставили здесь свои спектакли.

Слабо еще развита на Трехгорке художественная самодеятельность. В связи с временной приостановкой работы клуба, занятого под общежитие для рабочих, зрелищные, хоровые и музыкальные кружки несколько свернули свою работу. Борьба за искусство масс еще как следует не ведется на Трехгорке.

Основное внимание сосредоточено здесь на учебе. Стремление к учебе охватило не только молодежь. Пожилые рабочие и работницы уже не довольствуются своими практическими знаниями и стремятся их расширить. В семье мастера красильного цеха И. И. Харикова на студенческое положение вместе с обеими дочерьми перешел уже и отец. Все они усердно изучают физику, химию, высшую математику.

В этом отношении производственная программа Трехгорки содержит не только точные показатели о количестве пряжи, подлежащей переработке в миллионы метров ткани. Неразрывной составной частью программы является также план систематического повышения общих и технических знаний рабочих.

Пролетарская Трехгорка учится. Различные формы учебы охватили здесь более половины всего рабочего состава фабрики. Учатся неграмотные и малограмотные. Едва кончив школу ликбеза, они переключаются на общеобразовательные курсы, посещают кружки политграмоты и т. д.

Учатся новые рабочие, только лишь вступившие в производство.

Субботник по устройству школы

Через вводные курсы, знакомящие новичков с производством и машинами, прошло в 1932 г. свыше 1.200 таких рабочих и работниц.

Учатся ткачихи, банкаброшницы, ватерщицы — рабочие и работницы массовых профессий. Они учатся понимать весь ход производственного процесса и овладевают необходимым минимумом технических знаний. На производственно-политехнических курсах Трехгорки обучаются 300 чел.

Учатся и более опытные рабочие, готовящиеся занять ответственный пост подмастера — бригадира хозрасчетной бригады. В рабочей технической школе, готовящей подмастеров, занимается 200 квалифицированных рабочих.

Не отстают и старые мастера, имеющие богатый практический опыт, но мало знакомые с теорией. В вечернем филиале Текстильного института при фабрике 75 таких мастеров приобретают знания инженеров.

Учится и командный состав фабрики. Филиал Промакадемии при Трехгорке вооружает знаниями 50 лучших хозяйственников-партийцев.

Пролетарии Трехгорки, работая, учатся и одновременно учат других; старые рабочие часто шефствуют над новичками, грамотные — над неграмотными.

Партийный и комсомольский состав Трехгорки охвачен густой сетью политико-просветительных учреждений, рассчитанных на слушателей самой различной подготовки. Сеть эта включает кандидатские кружки, партийные школы I и II степени, предметные кружки по истории партии и политэкономии, филиал райкомвуза и т. д. Марксистско-ленинской учебе на фабрике уделяется большое внимание.

Неменьшее место в работе партийной организации занимает также коммунистическое воспитание масс. Важнейшие решения партии и правительства, вопросы социалистического строительства, борьба за пятилет-

ку, интернациональное воспитание, борьба с бытовыми извращениями и некультурностью — все это находит себе место в культурно-политической работе на фабрике.

Большая культурно-политическая работа проводится и среди рабочих татар, из среды которых выделился уже ряд активных общественных деятелей. Культурная революция преобразила быт рабочей семьи. По-новому живут теперь рабочие Трехгорки, по-новому воспитывают детей, по-новому проводят свой досуг. Однако старые нравы еще дают себя чувствовать. При этом из всех пережитков вчерашней эпохи наибольшую живучесть проявляют религиозные предрассудки.

Религия — эта, по выражению Ленина, духовная сивуха — так сильно отравила сознание прохоровских рабочих в эпоху капитализма, что отход от нее, высвобождение из-под ее влияния протекает на Трехгорке с огромными трудностями. Рядом с книгой, с газетой, с радио в культурной и чистой рабочей квартире можно еще часто встретить приютившегося в углу Николая угодника. Даже в некоторых семьях рабочих-коммунистов вплоть до 1924—1925 гг. не были еще окончательно порваны нити, связывавшие с религией. Здесь еще нередко крестили детей, святости пашу и не тревожили висевших по углам икон. Вопрос о борьбе с религиозными предрассудками в быту коммунистов в тот период только еще обсуждался в партийной ячейке Трехгорки. Постановление бюро партийной ячейки от 1 сентября 1924 г. поручило редакции многотиражки «Погонялка» открыть дискуссию по вопросу о борьбе с религиозными пережитками в семьях коммунистов.

Начиная с 1927 г. антирелигиозная работа на фабрике все более усиливалась, и за последние годы в этой области имеются уже немалые достижения. Влияние религии совершенно чуждо детям рабочих. Даже в самых отсталых семьях дети уже не выполняют никаких религиозных обрядов. Антирелигиозное воспитание детского сада и школы, а также влияние пионерской среды оказываются сильнее влияния семьи. Совершенно разгрузилась от всякой религиозной обрядности рабочая молодежь. В семьях сознательных рабочих — партийцев и беспартийных — также давно уже выброшены иконы. Но в широкой массе рабочих Трехгорки религиозные предрассудки далеко еще не изжиты. На этой почве в семьях часто происходит ожесточенная борьба. Особенно острые конфликты разыгрываются вокруг вопроса об иконах. Молодежь наступает и требует удаления икон, старики обороняются.

«Чем вам икона мешает?» — недоумевает мать работницы Серовой.

Иконы еще держатся на Трехгорке, но и здесь пробита уже немалая брешь. Религия потеряла былой авторитет. Из красного угла икона перешла в темный закоулок рабочей квартиры. И как бы извиняясь за свою слабость, хозяин квартиры пренебрежительно объясняет: «Привыкли — пускай ее висит».

Религиозные предрассудки постепенно изживаются. Это находит свое отражение и в новых формах использования рабочими своего досуга. Пролетарии Трехгорки теперь отдыхают по-новому.

Сокращение рабочего дня до 8 час., а затем и до 7 час. и установление ежегодного отпуска впервые позволили рабочим Трехгорки ощутить значение отдыха и культурно использовать свой досуг. На Прохоровской фабрике это являлось несбыточной мечтой.

«Вы не можете себе и представить, как болезненно переживали мы отсутствие отпуска, как мечтали мы об отдыхе» — рассказывал молодым рабочим на вечере воспоминаний старый рабкнижник Г. А. Калеев.

На советской фабрике мечта эта полностью осуществилась.

Вопросам организации рабочего отдыха уделяется на Трехгорке большое внимание. Уже в годы гражданской войны фабричные организации подняли перед Моссоветом вопрос о сносе балаганов на «Новом гу-

В новых рабочих домах

лянии» и постройке там сквера. Ходатайство трехгорцев было удовлетворено. Для отдыха рабочих был также приспособлен граничивший с казармами сад Прохоровых, который до Октября был совершенно недоступен рабочим. Такой же сквер был разбит и на месте прежних конюшен. Кроме того один из лучших садов в Большевистском переулке был превращен в летнюю базу отдыха.

На берегу Москва-реки руками рабочих Трехгорки был выстроен стадион с лодочной станцией и купальней. Позднее стадион был перенесен к Пресненской заставе, где устраивались состязания и спартакиады, привлекавшие многих рабочих и работниц. Отдельные команды трехгорцев участвовали в состязаниях и вне своего стадиона. Команда футболистов например ездила на состязание в Латвию. Физическая культура стала все более внедряться в быт рабочих Трехгорки; прохоровские «стенки» ушли в далекое прошлое.

Широкое применение получили на Трехгорке также различные формы коллективного отдыха. В 1923 г. например на Трехгорке было устроено около 50 экскурсий на сельскохозяйственную выставку, на показательную выставку ВСНХ, в обсерваторию, на радиостанцию, в художественные музеи, в Кремль и т. д. Устраивались также массовки-прогулки в бывшие дворянские гнезда — Коломенское, Архангельское, Останкино, где рабочие знакомились с праздным бытом дворянской России.

Когда в этих дворцах организовались дома отдыха, рабочие Трехгорки стали все в большем количестве проводить здесь свой отпуск. В 1922 г. в дома отдыха было направлено 206 работниц и рабочих Трехгорной фабрики, в 1923 г. — 331, в 1924 г. — 803 и т. д. В дальнейшем не менее 20 проц. всех рабочих Трехгорки — в среднем 1.200—1.300 чел. — ежегодно проводили свой отпуск в культурной обстановке домов отдыха.

В то же время отдых рабочих наполнялся новым содержанием. Вот например как отдыхали 300 трехгорцев, организовавших летом 1930 г. массовку-экскурсию в Крым. Задачи экскурсии были сформулированы так: «Отдохнуть на берегу Черного моря среди богатой растительности

парков и виноградников; ознакомиться (из окна вагона и в беседах по радио в поезде) со строительством Украины; ознакомиться с Днепро-строем; обменяться достижениями в области социалистического строительства с населением Крыма (рабочими, еврейской трудовой колонией и крестьянами-татарами)». Программа экскурсии была полностью реализована, и отдохнувшие, обогащенные интересными впечатлениями экскурсанты вернулись к своим станкам.

Новые формы отдыха в связи с ростом культурного уровня рабочих совершенно изменили структуру выходного дня на Трехгорке. Летом 1932 г. в некоторых цехах фабрики была после выходного дня организована анкета на тему, как рабочие провели свой выходной день. Анкета, на которую ответили 1.107 чел. (347 рабочих и 760 работниц), показала, что родимые пятна прохоровщины — выпивка и карты — еще окончательно не изжиты на фабрике, но удельный вес их среди других форм использования рабочего досуга резко понизился. Так, выпивкой заполнили часть своего досуга 7 проц. рабочих и 1,5 проц. работниц. Посещением пивной отметили свой выходной день 4 проц. рабочих; но с пивной уже успешно конкурирует, по данным анкеты, новая советская кофейня, на долю которой приходится 7 проц. посещений рабочих. Личные и домашние дела — работы по домашнему хозяйству, закупки, баня — поглощают еще небольшую часть выходного дня у рабочих и работниц, но оставшееся время используется уже по-новому. Видное место в использовании досуга занимают культурные развлечения: театр и кино (20,5 проц. у рабочих, 15 проц. у работниц), экскурсии (18 проц. у рабочих, 18 проц. у работниц), посещение Парка культуры и отдыха (19 проц. у рабочих, 15 проц. у работниц), посещение стадиона (11 проц. у рабочих, 7 проц. у работниц). Часть рабочих выкраивает из выходного дня еще время для самообразования — на посещение курсов, политкружка и для общественной работы. Большинство рабочих, заполнивших анкету, успело в выходной день прочесть газету; некоторые кроме того читали еще книги и журналы. В то же время ни одна из анкет не упоминает о посещении церкви.

По-новому стал складываться у трехгорцев и бюджет времени в обычные рабочие дни. Произведенное районной санитарной организацией в 1928—29 г. обследование, охватившее 600 рабочих и работниц Трехгорки, показало, что 39 проц. обследованных затрачивали ежедневно свыше 2 час. на учебу, а 16,8 проц. уделяли общественной работе не менее 3 час. в день.

Новые формы использования досуга на Трехгорке нашли отражение и в материальном бюджете рабочей семьи, где за счет снижения удельного веса расходов на алкоголь выросла доля расходов на культуру. Так, на выписку газет и журналов, на театр, кино и другие культурные развлечения рабочие тратили в 1927 г. 1,88 проц., а в 1929 г. — 3,29 проц. своего бюджета; соответственно снизились расходы на алкоголь — с 4,24 до 3,35 проц.

Вопросам культурного использования досуга рабочие Трехгорки уделяют много внимания. Об этом говорят дополнения к наказу депутатам Трехгорки при перевыборах советов в 1930 г. Некоторые из этих дополнений продолжают расчищать почву от обломков старого; они предлагают «изъять из продуктовых лавок вино», «закрыть лавку Центро-спирта на Пресне», «усилить борьбу с шинкарством», «уничтожить винные лавки», «закрыть Предтеченскую церковь», «ликвидировать еврейскую молельню в Большевицком переулке» и т. д. Другие предложения стремятся окружить рабоче жилище еще более густой сетью культурных учреждений: «в помещении бывшей 40-й спальни устроить клуб для рабочих», «закончить планировку сквера и оборудовать водный бассейн в черте спален», «превратить сад при обсерватории в закрытый сквер для рабочих Трехгорки», «построить душ в районе Краснопресненской заставы», «оборудовать солярий и пляж», «построить зимний бассейн для пла-

вания». «восстановить парходовое сообщение с Парком культуры и отдыха» и т. д.

Ряд дополнений к наказу занят проблемой выходного дня: «больше рабочих посылать в дома отдыха», «организовать дом отдыха в Хорошевском бору», «отвести там же участок под постройку летней гостиницы для рабочих».

Все эти и многие другие предложения, а их было свыше 400, продуманы авторами, которые при этом учли и наши материальные возможности. Этот ответственный подход чувствуется в ряде предложений в различных вариантах выдвигающих идею выпуска дополнительного займа на нужды культурного строительства. Депутаты Трехгорки проявили большую настойчивость в борьбе за выполнение данного им наказа. Значительная часть последнего была ими выполнена. В частности именно благодаря их усилиям лучший в районе зеленый массив у реки, являвшийся до революции запретной зоной для рабочих, превращен ныне в районный парк культуры и отдыха.

Дополнения к наказу показали, что рабочие Трехгорки — уже не те прохоровские рабочие, требования которых были до крайности примитивны и не выходили за пределы улучшения бани и харчей.

«Нынешний рабочий — наш советский рабочий — хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей» — эти слова Сталина правильно характеризуют новое лицо рабочих и работниц советской Трехгорки.

Этот рост культурных потребностей и запросов особенно рельефно выступает у многих старых работниц Трехгорки, позже других приобщившихся к политической жизни. В этой среде можно уже отчетливо наблюдать формирование нового, социалистического человека.

РАБОТНИЦА в АВАНГАРДЕ

Атмосфера прохоровской спальни с ее «кобыльим двором» и пренебрежением к бабе долго задерживала развитие классового самосознания работниц. И потому этот отставший отряд как бы стремился наверстать упущенное в своем развитии. Большую роль в этом пробуждении сыграл институт женделегатов, дававший работницам первую общественную зарядку, усаживавший их за букварь и за изучение политграмоты.

Работницы, остававшиеся до пожилых лет неграмотными, испытывали трагедию. С ослабленной памятью они принимались за изучение грамоты, жадно вслушивались на собраниях в каждое слово докладчика, изживали религиозные предрассудки и, точно переродившись, вступали в партию. Работница Субботина с горьким чувством оглядывается назад. «30 лет, — говорит она, — ушли на борьбу только за кусок хлеба и воюющий угол. Учеба раскрыла мне глаза. Я вступила в партию для того, чтобы остаток дней своих отдать социалистическому строительству».

Работница Чернова долгое время была верующей. «Я верила в бога, — рассказывает она, — и ждала от него помощи. Не дождалась конечно. Поняла, что только совместными усилиями всех рабочих можно добиться лучшей жизни. И вступила в партию».

«Бабушка» Журавлева, ткачиха, активно участвовавшая в революции 1905 г., осталась неграмотной; лишь в 1926 г. она явилась в школу ликбеза. Несколько месяцев упорного труда — и Журавлева научилась читать и писать. «Я счастлива, — говорит она, — что стала грамотной. Жаль только, что поздно. Здоровье уже плохо. И не смогу как следует использовать грамотность для общественной работы».

Работницы учатся. В школах, на курсах райкомбуза и в кружках они подводят теоретическую базу под свой практический опыт. Но учеба в их глазах не самоцель, а только оружие в борьбе за социализм.

«Мы учимся, растем, — с гордостью говорит работница Царькова об успехах учебы, — и сумеем продолжать строительство коммунизма».

В среде передовых работниц все ярче выявляется новая черта — преданность общественному делу.

Ткачиха Е. С. Никадорова, начавшая работать на фабрике в 1915 г., вошла в общественную работу только в 1926 г. Активный член партии, член фабкома Е. С. Никадорова рассказывает: «Даже трудно вспомнить, как могла я прежде жить только для самой себя и для семьи. Теперь хотя часто и устаешь от всех своих нагрузок, но от общественной работы оторваться и в голову не приходит».

Подчинение личного интереса общественному находит яркое отражение и в отношении передовых работниц к производству, к фабрике. Новый производственный быт именно и характеризуется особой заинтересованностью в успешном развитии социалистической фабрики.

По-новому, по-иному смотрит передовая часть работниц на фабрику. «Своим кровным делом считают» — говорят работницы.

Выполнение промфинплана становится важнейшей общественной задачей. «На фронте промфинплана мы должны так же драться, как дрались за советскую власть» — говорит бывшая ткачиха Уколова.

И Маврина рапортует: «Наш комплект выполняет промфинплан. Мы сами перешли с двухсторонок на четыре, с четырех на шесть, с шести на восемь. Мы боремся за социализм».

Непосредственным результатом этого нового отношения работниц и рабочих к производству явилась отмена унаследованной от Прохоровых системы обысков.

Этим объясняется и тот энтузиазм, с которым передовой частью работниц была встречена на фабрике идея социалистического соревнования и ударничества, охватившая теперь огромное большинство пролетариев Трехгорки.

Отношения между работницами в цехе также характеризуются новой чертой — товарищеской солидарностью и взаимной поддержкой.

Раньше бывало, когда у соседки случался брак, работница редко ей помогала; иногда даже радовалась. Теперь же, особенно с тех пор, как стали работать бригадой, отношение резко изменилось.

А. А. Гулютина рассказывает: «Бригада ценна тем, что мы стали дружны; когда мы работаем бригадой, то смотрим друг за другом и помогаем».

Вместе с ростом грамотности и политической активности работниц идет повышение их квалификации. Внедрение женского труда в мужские профессии (граверов, раклистов, печатников, слесарей и т. д.) сделало на Трехгорке большие успехи. В некоторых профессиях (смазчики, моторщики) работницы вытеснили мужчин. Они научились также руководить производством. В составе административного и технического персонала появилось уже немало работниц. Женщина-инструктор, мастер, подмастер, инженер, замдиректора стала теперь бытовым явлением на фабрике.

Почувствовав почву под ногами, работницы приобрели веру в себя. «Работницы все производство могут провести» — заявляет Князева.

На производстве работницы добились полного и отнюдь не бумажного равноправия. «Если нас пробуют затирать, — говорит Николаева, — мы сами умеем себя отстоять».

Выдвижение работниц на ответственную работу как на фабрике, так и вне ее с каждым годом усиливается.

Передовые работницы Трехгорки явились застрельщицами и руководительницами бытовой революции. Комиссия охраны труда и социально-бытовой сектор фабкома, являющиеся на фабрике штабами бытовой ре-

*М. Анурова, ученица 2-й
прядильной группы, кол-
сольский группор, луч-
шая ударница*

волюции, находятся все время под руководством работниц. Члены партии Жарова, Никадорова с активом в несколько сот работниц в течение ряда лет по-большевистски дрались за общественное питание, за улучшение рабочего жилища, за общественное воспитание детей, за организацию рабочего отдыха, за охрану труда.

, Рука об руку с ними на этом же фронте работала и заместительница директора фабрики — бывшая ликинская ткачиха В. И. Петрова; последнюю на этом посту затем сменила глуховская ткачиха К. С. Уколова, награжденная за свою работу орденом Трудового красного знамени. Самоотверженная работа всего этого коллектива оправдала слова Л. М. Кагановича, отметившего, что «нет более достойной задачи для большевика, как заботиться о том, чтобы рабочему лучше жилось».

Огромные культурно-бытовые достижения фабрики — перестройка казарм, постройка столовой, театра, детских учреждений и т. д.—являются в значительной степени свидетельством политической зрелости работниц, показавших, что они могут на деле бороться за успешную реализацию партийных директив.

Так, в ожесточенной борьбе с пережитками прошлого постепенно перестраивается сознание прохоровского человеческого материала. Так создаются те «живые реальные люди», которые обеспечивают не только выполнение промфинплана, но и построение бесклассового общества.

«Мы строим социализм, — говорят они устами работницы Мавриной. — мы его крепко и твердо построим».

АВАНТЮРЫ РУССКОГО ЦАРИЗМА в БОЛГАРИИ

в 80-х и 90-х гг.

П. ПАВЛОВИЧ

Рассматриваемый нами период охватывает ту эпоху, когда наиболее интенсивно проводилась колониальная политика европейских государств и быстрым темпом шло развитие производительных сил на основе складывающегося монополистического капитализма.

Этот органический процесс развития, начиная с 80-х годов XIX в., привел к образованию двух вооруженных коалиций в среде европейских государств — Тройственного союза и Тройственного соглашения, готовых в любой момент двинуться в бой за колониальный раздел мира, за уничтожение монополии своего противника на мировом рынке.

В 1879 г. был заключен «оборонительный союз» между Германией и Австрией, который впоследствии официальным актом (1882 г.) был расширен в Тройственный союз, со включением Италии.

В противоположность Тройственному союзу создавалась Тройственная коалиция — Англия, Франция и Россия.

Правда, был период (1886—1887 гг.), когда отношения между Англией и Германией носили весьма дружественный характер (до 1886 г. Англия подписала с Германией договоры, коими были урегулированы границы африканских владений той и другой стороны). Но Германия отнюдь не собиралась попустить положение континентального солдата Англии для противодействия напору России на Востоке, тем паче, что в этот период складывались основы русско-французской дружбы и не в интересах Германии было толкать Россию в объятия Франции¹.

В известный момент самым важным фактом во внешней политике Германии являлось ее стремление овладеть путями сообщения от Гамбурга к Персидскому заливу с помощью турецких железных дорог.

Вопрос о Багдадской дороге в 90-х годах стал важнейшей проблемой международной «рельсовой политики» довоенного периода, вокруг которого вращалась вся международная политика. Отмеченный выше крупный поворот

в международной политике начинается с конца 70-х годов прошлого века с того времени, когда возникает русско-германская таможенная война.

«Ближневосточный кризис», — писал Маркс и Зорге во время русско-турецкой войны 27/XI 1877 г., — является поворотным пунктом в истории Европы». Действительно, дальнейший ход развивающихся событий полностью подтвердил положение Маркса. Русский царизм в русско-турецкой войне далеко не достиг своих заветных целей — захвата проливов и гегемонии на Балканах. Наоборот, ближайшие два десятилетия принесли полное поражение политике русского самодержавия на Балканах. Война 1877—1879 гг. вскрыла полную неспособность русской реакции бороться не только с европейскими, но и с обученными европейцами противником. Эту аксиому осознал инициатор войны — будущий царь, «миротворец» Александр III, внешняя политика которого строилась с учетом опыта этой войны².

Что же касается смысла «русских маневров» в Афганистане, Персии и Турции, то он расшифровывается Энгельсом «как стремление поймать рыбку в мутной воде, с одной стороны, и отвлечь внимание общества от внутренних дел — с другой».

Действительно, внешняя политика России являлась своеобразной формой отображения внутреннего состояния страны, для которого были характерны истощение внутреннего рынка и разгул самой черной реакции в условиях роста революционного движения.

Однако Россия не могла не считаться с сложившейся в конце русско-турецкой войны международной обстановкой. Хотя русский царизм вышел победителем, все же ему не удалось осуществить своих захватнических планов благодаря энергичному противодействию западных государств и в частности Англии.

19 февраля 1878 г. турецкие уполномоченные подписали в Сан-Стефано мирный договор, подтверждающий заключение между Россией и Турцией месяц тому назад в г. Пордуме (накануне падения Плевны) предварительного договора.

Согласно Сан-Стефанскому договору создавалось независимое княжество Болгария, причем предусматривался продолжительный срок его оккупации со стороны России.

¹ М. Н. Покровский, *Дипломатия и война царской России в XIX в.*, стр. 301.

² М. Н. Павловский, *т. II*, стр. 34.

Границы сан-стефанской Болгарии определялись по этнографическому признаку, благодаря чему половина Балканского полуострова отрезалась от Турции. Это фактически означало конец Европейской Турции, что шло вразрез с интересами западных государств. Созданная «Великую Болгарию» в Сан-Стефано, русскому царизму было известно, что этот договор ни в коем случае не получит санкции со стороны европейских государств. Во-первых, проектируемая по договору «Великая Болгария», представляющая «сплошное славянское государство», противоречила заключенной 3 января 1877 г. между Австрией и Россией секретной конвенции, воспрепятствовавшей образованию подобного государства. Во-вторых, русскому царизму заведомо было известно мнение Англии и Австрии, высказанное в ответ на заключение Пердидского договора. Австрийский премьер Андраши четко и ясно заявил, «что проектируемая Болгария и есть то самое «сплошное государство», на образование которого Австрия ни под каким видом не согласна»¹.

Англия также устами лорда Дербиа до заключения Сан-Стефанского договора декларировала, что «всякий договор, заключенный между Россией и Турцией, касающийся договоров 1856 и 1871 годов, должен быть трактатом европейским и не будет действителен без согласия держав, участниц упомянутых договоров»².

Что же руководило русским царизмом при заключении Сан-Стефанского договора, заведомо зная, что подобный документ представляет собой не что иное, как мыльный пузырь?

Не сострадание ли к «несчастливым братьям-славянам» и желание помочь их освобождению от турецкого ига?

Сан-Стефанский договор расценивается М. Н. Покровским как «прием, заимствованный российской дипломатией у российской коммерции», и характеризуется известной поговоркой: «запрос в карман не лезет». Заранее предвидя, что договор с Турцией подлежит пересмотру «великих держав» и что следовательно придется многое уступить из своих требований, царская дипломатия ставила эти последние в Сан-Стефанском договоре так, чтобы иметь возможность ими маневрировать.

В виде дополнительного соображения М. Н. Покровским выдвигается и второй вариант «благоприятно подействовать на обще-

ственное мнение как Болгарии, так и в особенности России»³. Действительно, спустя три месяца после заключения Сан-Стефанского договора начался торг о проектируемой «Великой Болгарии». 8 мая 1878 г. в Лондоне было подписано секретное соглашение между Россией и Англией, ликвидирующее царское «творение» в Сан-Стефано⁴.

После этого созванный в июне по просьбе России Берлинский конгресс в основном также подтвердил ликвидацию созданной в феврале тактическими соображениями русского правительства «Великой Болгарии».

Благодаря этому Россия как «покровительница братьев болгар» приобретала в общественном мнении Болгарии большой авторитет и вместе с тем порождала в болгарях ненависть к «коварному Западу», противнику объединения болгарского народа.

Таким образом на Берлинском конгрессе (1878 г.) царская Россия благодаря удачной игре Бисмарка вынуждена была принести покаяние и взять на себя обязательства, связанные с признанием независимого болгарского княжества и нейтрализации проливов.

По Берлинскому трактату освобожденные Россией болгарские провинции разграничивались на независимое княжество Болгарию, суверенное по отношению к Турции, и Восточную Румелию с автономным устройством, остававшуюся под верховной властью султана, возглавляемую генерал-губернатором из христиан. Согласно Берлинскому трактату (ст. VI и VII) в течение 9 месяцев Россия содержала в обеих провинциях войска в количестве 50.000 солдат, должна была ввести гражданское управление, выработать проект «органического устава» (конституции) и созвать великое народное собрание для утверждения конституции и выбора князя на болгарский престол.

Русский царизм — «освободитель Болгарии», — получивший огромный политический авторитет на Балканах, считал необходимым в первую очередь добиться введения в болгарскую конституцию таких пунктов, которые, ограничивая права болгарского князя, послужили бы благоприятной почвой для создания непрерывных смут внутри страны, обеспечивающих ему (царизму) вмешательство в политическую жизнь Болгарии. Вместе с тем на болгарский престол был «выбран» ставленник русского царизма — князь Александр Баттенбергский.

Теперь русскому самодержавию оставалось лишь разыграть роль провокатора, чтобы

¹ М. Н. Покровский, Дипломатия и войны царской России в XIX в., стр. 301.

² Там же, стр. 297.

³ Там же, стр. 291.

⁴ Там же, стр. 300.

«завершить «без международных осложнений» оккупацию Болгарии и тем самым создать себе плацдарм для успешного захвата проливов. Этим частично объясняется специфически провокаторский характер деятельности русского царизма на Балканах, не прерывавшейся до 1895 г., т. е. до того момента, когда внимание русского царизма было заострено на Дальнем Востоке.

Подготовка и организация с провокационными делами славянского союза на Балканах в 60-х годах, инспирировка восстаний, организация убийств болгарских общественных деятелей — противников попользований России, — подкуп всех тех, кого можно и необходимо было подкупить, — все это заполняет содержание деятельности царской дипломатии на Балканах в 60—90-х годах, вплоть до 1895 г.

Но пойти на открытую оккупацию Болгарии русский царизм побоялся ввиду возможных международных осложнений и внутреннего состояния России. Россия хотела оккупировать Болгарию «незаметным образом», путем вызова самим болгарским правительством «императорского комиссара в Болгарии» с необходимым военным штабом «для водворения порядка в стране». Это же должно было означать превращение Болгарии в задунайскую губернию. В связи с этим русский царизм после Берлинского конгресса, чувствуя себя жертвой игры Бисмарка, готов был идти на разрыв русско-германского союза, на омену которому очерчивались уже в 1879 г. контуры русско-французского союза.

Бисмарк и в данном случае вышел победителем. В том же 1879 г., заключая союз с Австрией (позже превратившийся благодаря присоединению Италии в Тройственный союз), Бисмарк начал снова завлекать царскую дипломатию в систему русско-германского союза, «завлекать ее старыми планами осуществления той «тихой сапы», которую вели русские цари, начиная с Екатерины II, в направлении Босфора и Дарданелл» (Покровский). Это ему и удалось в полной мере. Бисмарк косвенным образом толкал Россию к Балканам, где уже неминуемо должно было произойти столкновение ее интересов с интересами Австрии. Отвлекая внимание двух своих соперников на Балканах грядущей между собой, Германия получала свободу действий в Европе. «Было бы счастьем, если бы Россия, — писал Бисмарк, — захватила Константинополь и Балканский полуостров, так как тогда она потеряла бы свою мощь»¹.

С заключением трех конвенций с Герма-

нией в 1881, 1884 и 1887 гг. русский царизм считал дело осуществления своих захватнических планов на Ближнем Востоке в данный момент обеспеченным. Но русское самодержавие не реализовало сделку 1887 г. с Германией, поскольку русскому предпринимателю нужны были деньги, а их можно было найти только во Франции ценой заключения соответствующего соглашения, — обетованство, ставившее под угрозу установившиеся с Германией отношения.

В связи с этим русско-германская конвенция 1887 г., обеспечившая косвенно содействие Германии в деле русской оккупации Болгарии, не была использована царской Россией до конца, и ею был заключен русско-французский союз.

Вторая половина 80-х годов характеризуется смягчением англо-русских отношений и борьбой за гегемонию на Балканах.

После захвата Россией Ценде, оккупация которого ставила под угрозу интересы Англии в Индии, и объединения Северной и Южной Болгарии (Румелии) при помощи Англии и противодействия русского царизма 10/IX 1885 г. между обоими государствами был заключен соответствующий договор. В этот период значительно обострились дипломатические отношения между Сербией и Болгарией, что было использовано Россией и Австрией в их борьбе между собой за гегемонию на Балканах.

В условиях этих обостренных международных отношений русское самодержавие проводило свою болгарскую политику.

Однако для возврата того, что царская Россия выпустила из рук на Берлинском конгрессе, русскому царизму нужна была известная опора в болгарской «общественности», но ее не так-то легко было найти. Приходилось опираться лишь на своего ставленника — князя Болгарского, на пытки русских военных, занимавших все командные высоты в болгарской армии, на болгарских консерваторов и продажных вождей либеральной партии.

Не удивительно, что при таких обстоятельствах болгарская политика царской России в 80—90-х годах полностью носит авантюристично-опереточный характер. Этим не объясняется беспрерывный ряд неудач русской дипломатии, окончившийся в 90-х годах полным поражением политики царской России в Болгарии.

«Измена» Болгария своей «освободительнице» подтвердила лишь один раз эмпирический закон, вскрытый Марксом и Энгельсом, «что, хотя кровное родство и общая религия создают

¹ С. Радев, Строительство современной Болгарии, стр. 212.

общие связи между русскими и южными славянами, все же интересы их разойдутся с того дня, когда последние освободятся от турецкого ига»¹.

Именно с этими экономическими и политическими сдвигами в стране, происходившими после ее освобождения, русский монархизм не считался.

Результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг. оказали революционизирующее влияние на экономику Болгарии, которая из феодально-крепостнического государства превращается после войны в буржуазно-демократическое.

Основные земельные арендные фонды аграрной Болгарии, находившейся в руках турецких феодалов и помещиков, с нашествием русских войск революционным путем переходили в руки болгарских крестьян. Сохранившиеся у болгарского крестьянства от 60—70-х годов революционные традиции сказались во всей дальнейшей общественно-политической жизни страны. Крестьяне отнимали землю насильственным путем не только у бежавших турок, но и у богатых болгарских землевладельцев. Совершавшийся экономический переворот оказал свое разрушительное действие на господствовавшие до войны хозяйственные формы в стране. Заключенные Болгарией торговые договоры с западными государствами в свою очередь ускорили темпы разложения старого ремесленного цехового строя.

Таким образом русско-турецкая война, ускоряя процессы разложения старых хозяйственных форм, имевшие место и до нее, содействовала развитию капиталистического способа производства в стране. В соответствии с этим в стране происходит и соответствующее классовое расслоение, сопровождающееся ожесточенной и бурной классовой борьбой. Консервативная партия, защищавшая интересы болгарских ростовщиков и крупных землевладельцев, потерявших при создавшемся положении свои привилегии и большие доходы, выдвигала лозунг установления в Болгарии неограниченной монархии, мотивируя это неподготовленностью болгарского народа к демократическому конституционному правлению. Национал-либеральная партия, защищавшая интересы мелкой и торгово-ремесленной буржуазии, зорко охраняла новый строй, борясь с попытками консерваторов добиться феодально-помещичьей реставрации. Эта партия во главе с Драганом Цанковым, пришедшая к власти в 1884 г., всей своей внутренней и внешней политикой способствовала

ускорению процесса политическое дифференциации.

В период 1884—1886 гг. из народно-либеральной партии выделяются в первую очередь болгарская мелкая буржуазия — партия Каравелова, в 1886 г. — торговая и промышленная, точнее крупно-ремесленная, буржуазия — партия Стамбулова (либеральная партия).

К оставшемуся «шефом без армии» Драгану Цанкову примыкают остатки постепенно умирающей консервативной партии, представляющие в дальнейшем главную опору русской дипломатии в Болгарии. В 1889 г. ими создается болгарская народная партия — партия болгарских кулаков (чербаджиев) и ростовщиков, партия болгарского ростовщического капитала и крупной буржуазии.

Борьба по вопросу о политическом и общественном устройстве Болгарии, борьба вокруг инспирированного Россией в 1881 г. переворота имела целью изменение болгарской конституции вплоть до детронации Россией ее ставленника, оказавшегося «изменником» ее интересам. Она представляла одну цель политики болгарской мелкой и зарождающейся торгово-промышленной буржуазии, поддерживаемой западноевропейскими государствами с силами старого строя, поддерживаемого Россией. Эта борьба в конце концов привела к укреплению нового буржуазного строя в Болгарии — к созданию «независимого» болгарского государства и вместе с тем к полному поражению политики русского самодержавия в Болгарии.

В эту бурную эпоху ожесточенных классовых боев в Болгарии русская дипломатия играла вульгарно-провокационную роль. Правда, в течение первых пяти лет со дня освобождения страны, вплоть до 1883 г., политической опорой России была консервативная партия. Однако когда был поставлен вопрос о «денежном мешке» — о дележе прибылей, — лидеры консервативной партии оказались в рядах врагов России. Замена болгарских консерваторов и князя Баттенбергского обнаруживалась в полном своем объеме при разрешении вопроса о постройке железных дорог. Для болгарского княжества наиболее выгодным являлся путь, связывающий прилегающие к Черному морю центрально-земледельческие округа Болгарии с Западом. Царская Россия по стратегическим соображениям настаивала на «русском» направлении, обеспечивающем возможность связать болгарские железные дороги с русской железнодорожной сетью, причем постройку их предполагалось возложить на русских подрядчиков — генерала Струве, барона Гиззбурга —

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, стр. 165.

производить ее русскими материалами¹. Болгарские консерваторы совместно с болгарским князем отвергли «русский» проект и приступили к осуществлению «западного», поручив постройку железных дорог крупному подрядчику — кассиру консервативной партии Хаджи-Иванову.

Тогда наступил окончательный разрыв отношений между царской Россией и болгарскими консерваторами. Судьба болгарского князя была предрешена. Русский царизм поручил своему представителю в Болгарии при помощи болгарских «либералов» во главе с Цанковым² подготовить свержение князя.

Консервативная партия, оставшаяся без поддержки России, в дальнейшем незаметно исчезла с политической арены страны, примкнув частично к партии Цанкова.

9 августа 1886 г. русский царизм добился свержения болгарского князя Баттенбергского.

Это событие явилось своего рода праздником правящих кругов России.

Но через два дня после переворота молодая болгарская торгово-промышленная буржуазия при содействии западных государств, в частности Англии, свергнула самозванных двухдневных правителей Болгарии — ставленников России. К власти приходит регентство западной ориентации во главе с Стамбуловым.

Таким образом попытка царизма закрепить свое влияние в Болгарии не дала абсолютно никаких положительных для него результатов. Наоборот, она привела к укреплению влияния западных государств. В этой обстановке посланный в Болгарию с чрезвычайной миссией генерал Каульбарс мог сыграть лишь роль трагического шута. Так как «освободить» Болгарию, только что освободившуюся от русского влияния, было не от кого, генералу оставалось заняться освобождением арестованных новым правительством заговорщиков, за судьбу которых царское правительство не могло не считать себя ответственным. С другой стороны, заговорщики были нужны для его дальнейших авантур в Болгарии.

Продолжавшаяся в течение 2 месяцев «самоотверженная» деятельность непризнанного

¹ По признанию болгарского премьера, русского генерала Соболева, «русский» проект обошелся бы в 42 млн. франков, а «западный» — всего в 18 млн. франков (см. «Русская старина», 1896 г., сентябрь, стр. 726, примечание 94).

² До 1883 г. Цанков был одним из главных борцов против домогательства русского царизма в Болгарии.

диктатора свидетельствовала о том, что дело укрепления русского влияния в стране проиграно без возврата. Оставалось или прибегнуть к тому сильно действующему средству, которое предлагал Каульбарс, — к посылке русской бригады всех трех родов оружия, или к открытому признанию банкротства своей политики и отказу от дальнейшего ее продолжения. Первый путь для России в условиях ярко выраженного противодействия русской политике и со стороны Англии и со стороны германо-австро-итальянской средиземноморской антанты был невозможен.

Европа решительно не пускала Россию в Болгарию. Оставался второй путь, по которому пошел царизм, прикрыв свое отступление бутфорской бравадой: 19/XI 1886 г. народное собрание и его декреты, министерство и регентство были объявлены незаконными. Генерал Каульбарс покинул страну в сопровождении всего сонма царских консулов.

Отступая, царское правительство продолжает давать арьергардные бои. Уходя из Болгарии, царизм считал необходимым разыграть новый фарс, прикрывающий дальнейшую его деятельность. Официальным порядком «покровительницей» братьев-болгар декларировалось, что как и попрежнему царская Россия «мирным путем» будет «направлять свои усилия к восстановлению в Болгарии законного порядка».

«Считая своим долгом, — оглашалось в правительственной декларации, — заботиться о сохранении спокойствия на Востоке, императорское правительство намерено попрежнему направлять свои усилия к прекращению тяготеющего над Болгарией гнета и к восстановлению в стране законного порядка»³.

В отдельном циркуляре дополнительно разъяснялось, что к достижению этой цели царское правительство будет стремиться исключительно мирным путем. Вся деятельность русского царизма говорит о том, насколько его слова расходились с делами.

С отъездом русской миссии открылась самая бурная и кровавая эпоха деятельности России в Болгарии.

Царизм изменил свою тактику открытой интервенции в болгарские дела. Организация восстаний и бунтов, убийств и всевозможных диверсионных актов в условиях полного разрыва дипломатических сношений характеризуют царскую политику в болгарском вопросе, начиная с конца 1886 года.

³ См. «Правительственный вестник» от 25.XI 1886 г.

ИНСЦЕНИРОВАННЫЕ РОССИЕЙ ВОССТАНИЯ В БОЛГАРИИ *

Архивные материалы

ВОССТАНИЕ РУССКОГО КАПИТАНА НАБЕКОВА
в БУРГАСКОМ ОКРУГЕ БОЛГАРИИ в 1886 г.

Потерпевший поражение по всем направлениям своей политики, генерал Каульбарс накануне своего отъезда из Болгарии считал необходимым при содействии министерства иностранных дел и главы болгарской эмиграции Др. Цанкова произвести последнюю попытку, направленную к вынуждению болгарского правительства принять предъявленные царской Россией требования, ведущие к фактической оккупации Болгарии.

Для этой цели предусматривалось побудить турецкое правительство оккупировать Румелию (Южная Болгария) путем инсценировки восстаний в близлежащих к Турции городах — Бургассе и Сливны при одновременном прибытии из Одессы к болгарской пристани Бургасса русского клипера. Ставя таким образом болгарское правительство перед угрозой оккупации страны, русская дипломатия рассчитывала, что последнее предпочтет «меньшее зло» и обратится за помощью к России. Но и в данном случае расчеты русского царизма были опровергнуты развившимися событиями.

Организация и руководство восстанием в Бургассе возлагались на капитана русской армии Набокова при помощи болгарского офицера Дражева, а в гор. Сливны — на болгарского капитана Тянкова.

Необходимый для подготовляемого восстания «человеческий материал» (четыре¹, состоящие из черногорцев и болгар) был привезен из Константинополя на болгарскую пристань Сезополь (бухта Василькос).

22 октября Набокову с помощью своей четы и некоторых болгарских офицеров из местного гарнизона удалось захватить городские власти в свои руки и учредить «временное правительство». Но войска, пришедшие из Сливны, на другой день после переворота по-

* Настоящая публикация является отрывком из еданной в Институт истории Коммунальной научной публикации автора на тему «Авантюры русского царизма в Болгарии в 80—90-х годах».

Материалы, вошедшие в публикацию, хранятся в Архиве революции и внешней политики. Примечания и надписи оформлены научным сотрудником Центрального архива революции т. С. Р. Диманд.

¹ Партизанские отряды.

ложили конец «копереточному правительству Набокова», и значительная часть заговорщиков очутилась в болгарской тюрьме.

Публикуемые материалы обнаруживают участие Пирса, Нелидова и Цанкова в спроводившем Каульбарсом восстании, во что был также посвящен и Александр III.

На просьбу капитана Тянкова, выезжающего из Турции на «театр военных действий» в Болгарии, о присылке ему обещанного оружия Пирсом была наложена следующая резолюция: «Об том не было речи», а русский монарх добавил: «Что-нибудь другое».

Обращают на себя внимание те заботы, которые проявляют русские дипломаты в судьбе заговорщиков.

В Турции Нелидов энергично стремится выхлопотать перед турецким правительством освобождение задержанных заговорщиков, бежавших из Бургасса.

С другой стороны, просьба черногорцев Баювича и Усановича, выдающих себя за участников экспедиции Набокова, о получении разрешения на поездку в Петербург отклоняется, поскольку в Азиатском департаменте мнения о них сведений не было и Цанкову она не были известны.

Все же, несмотря на неуспех Набокова, русский царизм в конце следующего года организует вторую экспедицию под его же начальством, которая в свою очередь закончилась еще более неудачно.

Телеграмма

министра финансов Болгарии своему помощнику Панайотову, 5 ноября 1886 г.²

21 октября капитан Набоков, поручик Кишельский, черногорский поп и еще несколько других совещались в доме капитана Набокова. В этот же вечер поручик Кишельский со своими единомышленниками-офицерами пошел в казарму к солдатам и вместе соговорившимися тремя ротами решили обезоружить первую роту, которая оказывала сопротивление. Обезоружив ее, бунтовщики арестовали в городе главнейших противников и между ними окружного управителя. В это время командир дружины Караванов с двумя—пятью офицерами успел убежать в Айдос.

В течение дня поручик Кишельский сделал распоряжение о созыве резервистов и за часа округа в Бургассе; когда последние собрались, он прочел телеграмму как солдатам, так и гражданам, выдавая ее за телеграмму от Каульбарса; в ней говорилось, что войско и

² Перехваченная телеграмма. На подлинном знак царского рассмотрения.

народ будто бы восстал против правительства, что регентство арестовано и что собрание распущено, а также, что составлено новое министерство. В этот же день капитан Набоков выехал по направлению к Хаскову и Пловдиву с целью обехать всю Южную Болгарию и провозвести там бунт.

25-го утром возвратился капитан Караиванов с двумя ротами из Айдоса и, прибыв в Бургасс, направился прямо к казармам. Увидав его, солдаты не оказали ни малейшего сопротивления и сдались. Находившиеся в городе ротные командиры немедленно явились к дружинному командиру и покорились.

После того Караиванов освободил арестованных, в том числе и окружного управителя. Сделано было распоряжение схватить заговорщиков. Черногорский поп был найден в доме русских кавасов; в том же доме находились и многие другие бунтовщики.

Поручик Кишельский с некоторыми другими заговорщиками успел бежать морем. О капитане Набокове известий нет; как только будут получены сведения о нем, не премину уведомить о том всех агентов.

Иачевич.

В 4 часа вечера телеграфная станция была окружена войсками и сообщение прервано.

И. А. 2172 № 3

Телеграмма

управляющего вице-консульством в Бургассе
министру иностранных дел, 5 ноября 1886 г.
Телеграфирую в Софию¹

Сегодня в 4 часа утра бургасский гарнизон во главе офицера Кишельского арестовал гражданские власти, командиры, 6 офицеров и несколько человек партии. Движение направлено против правительства. Население присоединилось к войскам. Обошлось без крови. Все спокойно, и порядок полный.

Прошу прислать из Варны для охраны консульства военное судно; было бы весьма важной правительственной поддержкой.

Копия сообщается посольству в Филиппополи.

Емельянов.

И. А. 2172

Телеграмма

посла в Константинополе министру иностранных дел, 7 ноября 1886 г.

¹ Опоздание по причине прерванного сообщения.

Получил личное письмо от 10².

Тяпков³ сегодня уехал на наемном пароходе в Бургасс с товарищами. Другой, назначенный им в Одессе, уже пробрался в Сливно. Тяпков просит напомнить вам о присылке в Бургасс обещанного будто бы оружия⁴.

Нелидов.

И. А. 2172

Телеграмма⁵

вице-консула в Варне министру иностранных дел, 7 ноября 1886 г.

Емельянов⁶ сообщил нарочным лодкой для передачи в агентство и министерство следующее: завтра пополудни сюда придут из Сливно усмирять бургасский гарнизон, который решился защищаться. Будет кровопролитие. Требуется скорое прибытие клипера. Телеграфные сношения мои с Бургассом прерваны распоряжением из Тырново.

Похионов.

К. 25

Выписка из депешы № 20 посла в Константинополе министру иностранных дел,
12 января 1886 г.

М. г. Николай Карлович!

Несчастный исход безумного нападения на болгарские владения, предпринятого капитаном Бояновым при содействии русского офицера Набокова, черногорского священника Количича и нескольких десятков черногорцев и болгар, составил предмет секретной телеграммы моей от 28 декабря.

До сей минуты трудно узнать подробности этого дела и настоящие обстоятельства его неудачи. Между тем не подлежит, кажется, сомнению, что кроме легкомыслия, с которым устроено было это предприятие, и совершенной неподходящего времени года неудаче его главным образом следует приписать тому, что в числе участвовавших были агенты нынешнего софийского правительства, передававшие свое-временно обо всех подробностях оного г-ну Вулковичу. Тотчас по отъезде четы, отправив-

² Соответствующее письмо в делах б. министерства иностранных дел не обнаружено.

³ Тяпков — капитан болгарской армии, эмигрант.

⁴ Слово «оружия» подчеркнуто и к нему сделана сноска рукой Гирса: «Об этом не было речи». На полях напротив рукой Александра III написано: «Что-нибудь другое».

⁵ На подлиннике знак царского рассмотрения.

⁶ Управляющий вице-консульством в Бургассе.

пейся на пароходе в бухту Васильеве около Сезополя, в Порте получена была от турецкого посольства в Цетинье и в черногорской миссии от князя Николая телеграфическая просьба воспрепятствовать этой безумной выезде его подданных и, задержав виновных, выслать их в Черногорию.

Примите и пр.

К. 25.

Выписка из депеши № 7

посла в Константинополе министру иностранных дел, 2 февраля.

М. г. Николай Карлович!

Перешедшие в турецкие пределы участки болгарско-набоковской и дражевской чет привезены были в Константинополь. По уверению турок, между ними нет русскоподданных. Следствие об отпирании парохода «Гермес» продолжается. В числе задержанных находится и один болгарин, снабженный русским паспортом... Так как у арестованного предполагалось сделать домашний обыск, на что требовалось разрешение посольства, то я воспользовался, чтобы заявить Порте, что, отнюдь не одобряя безумного предприятия Набокова и К^о, мы не можем однако не сочувствовать чувствам, побудившим их взяться за оружие, но я не могу не указать на неудобства расширить в угоду Вулковичу и Стамбулову размеры этого следствия единственно с целью нанести вред Цанкову с надеждою вмешать в дело и Россию...

Абдул-Гамид... по обыкновению свалил всю вину на верховного визиря, ищущего будто бы возможность поссорить его с Россией, и тотчас же дал приказание прекратить всякие расследования среди эмигрантов, арестованных выпустить.

Примите и пр.

Неядов.

Выписка, сделанная в архиве Вя. Пол.
К. 26.

Телеграмма¹ (№ 61)

посла в Константинополе министру иностранных дел, 12 февраля 1887 г.

Меня извещают, что участник бургаоского восстания Набоков прибыл сюда, находится в связи с болгарскими офицерами и пытается вербовать черногорцев для высадки в Бургасс или Варну, на что будто бы имеет согласие императорского правительства, также обещание поддержки, судов и оружия... Сильно опа-

¹ На подлиннике знак царского рассмотрения.

саясь, чтобы его здесь пребывание и необходимые действия не скомпрометировали и нас и дело, так как между самими болгарами есть предатели и за ними зорко следят регентство, Турция и Англия.

Неядов.

Л. 265

К. 26

Телеграмма²

посла в Константинополе министру иностранных дел, 18 февраля 1887 г.

Набоков вчера по собственному желанию уехал в Одессу. Ему сообщено было, что того требовало и правительство. О состоявшемся о нем распоряжении я известил по телеграфу одесского генерал-губернатора. Здесь же, во избежание скандала и ввиду его добровольного отъезда, никаких принудительных мер против него принято не было.

Неядов.

Телеграмма

агента министерства иностранных дел в Одессе зав. азиатским департаментом Зиновьеву, 5 ноября 1891 г.

Убедительно прошу спросить Цанкова достойны ли нашего покровительства черногорцы Милай Банович и Усманович, выдающие себя за участников бургаоской экспедиции Набокова и неоступило просящие отпустить их в Петербург³.

Путятин.

«Одна надежда на движение военных эмигрантов, а все остальное вадор».

(Резолюция, написанная рукою императора на телеграмме русского представителя в Турции от 13/I 1887 г.)

**ФЕВРАЛЬСКИЕ ВОССТАНИЯ,
ИНСЦЕНИРОВАННЫЕ РУССКИМ ЦАРИЗМОМ
ПО 1887 Г. В БОЛГАРИИ**

После неудачи восстания, инсценированного русской дипломатией⁴ в Бургасском округе под руководством капитана Набокова, и последовавшего за ним дипломатического разрыва между Болгарией и Россией русское самодержавие не останавливается в своих агрес-

² На подлиннике знак царского рассмотрения.

³ Телеграмма от 7 ноября, Зиновьев отвечал: «Цанкову Банович и Усманович неизвестны в делах департамента о них сведений нет, а потому необходимо отменить поездку их в Петербург».

сивных намерениях по отношению к «освобожденному» им болгарскому народу. В январе 1887 г. в министерстве иностранных дел с санкции самого императора строились планы для дальнейшей деятельности русской дипломатии против болгарского правительства. Согласно плану, выработанному совместно с представителями болгарской военной эмиграции (б. главнокомандующим болгарской армии, свергнувшим князем Баттенбергского, майором Груевым и б. товарищем военного министра) капитаном Бендеревым, решено было свергнуть болгарское правительство путем pronunciamento в гарнизонах, находящихся в Северной Болгарии, и одновременно поднять к восстанию население в Румелии (Южная Болгария).

В то же время для прикрытия своих замыслов русский царизм при посредстве турецкого правительства инсценировал в Константинополе конференцию представителей болгарского правительства и болгарской оппозиции во главе с Др. Цанковым под предлогом «мирного разрешения болгарского кризиса». Какое значение русский царизм придавал этой конференции, видно из резолюции Александра III на донесении Нелидова о замещающемся в среде болгарской оппозиции разладе: «Одна надежда на движение эмигрантов, а все остальное вздор».

Русский царизм, привыкший осуществлять свои захватнические планы только кровью грядущих масс, бесспорно не ожидал разрешения болгарского кризиса от инсценированной им комедии. Александр III к этому вопросу подходил более «реально», чем ряд вождей болгарской оппозиции.

На состоявшемся в министерстве иностранных дел совещании Груеву и Бендереву были даны четкие и ясные директивы для подготовки общего восстания в Болгарии.

На состоявшейся тогда же во дворце аудиенции по этому поводу императором была дана характерная установка в части подготовки армии и народа: «Тише едешь, дальше будешь»¹.

По планам министерства иностранных дел болгарские эмигранты организовывались в 3 эмигрантских комитета: в Бухаресте, в Константинополе и в Одессе (на иждивении министр. иностр. дел). В состав константинопольского и бухарестского комитетов входили главным образом военные и гражданские вожди эмиграции, а в Одессе сконцентрировалась вся остальная эмигрантская масса. Организация подготовляемого восстания возлагалась на май-

ора Груева под «негласным руководством» царского представителя в Бухаресте — Хитрово.

В распоряжение Хитрово были предоставлены все необходимые денежные суммы и военное снаряжение. Обращает на себя внимание щедрость царизма в выдаче пособий для организации восстаний, убийств и закупок проложных душ.

Груев просил для подготовляемого восстания 300.000 франков, а Гирс отпускает 100.000 фр., поскольку, по мнению Гирса, «подобное рискованное предприятие не может быть ведено без самопожертвования». Для проведения планов министр дел 8 февраля 1887 г. в помещении русской миссии в Бухаресте под председательством русского представителя Хитрово состоялось совещание с болгарскими заговорщиками, где был утвержден оперативный план восстания.

Руководство восстанием в Северной Болгарии поручалось Груеву, в Южной Болгарии — Стоянову под верховным руководством Хитрово.

16 февраля 1887 г. в Северной Болгарии вспыхнуло подготовляемое в стенах царского министерства иностранных дел восстание.

Понятно, с каким волнением следил Александр III за ходом событий.

Получив сообщение о восстании силестрийского гарнизона, он пишет на телеграмме: «Дай бог, в добрый час». События разворачиваются против регентов, поднимаются подкупленные Россией болгарские офицеры.

Александр III волнуется. «Страшно, если они будут побиты» — восклицает он. Самое незначительное известие «с фронта» интересует его.

За этот период нет ни одной телеграммы без «царской резолюции» или хотя бы знака рассмотрения. Однако недостаточно подготовленное, преждевременно вспыхнувшее восстание 3 марта (19 февраля) подавляется регентами.

Сначала Александр III этому сообщению не верит. На первой телеграмме с известием о поражении имеется его пометка: «Надеюсь, что это неправда». Но повстанцы действительно разбиты. Уже большая часть арестована, начинаются расстрелы. «Более чем грустно. Печально» — восклицает Александр. Он недоволен. «Задунайская губерния». Константинополь опять остался только мечтой. Кровавая расправа регентов с повстанцами вызывает «горячее сочувствие коронованного палача. «Это-то и ужасно, что мы ровно ничего не можем сделать для»

¹ С. Радев. Строители современной Болгарии. стр. 295.

² Гирс — министр иностранных дел России.

защиты бедных болгар. Юмористически звучат «сочувственные» восклицания, которыми отделяется Александр при известиях о расстрелах и пытках людей, спровоцированных им на авантюру. «Сердце разрывается. Ужасно читать всем это» — пишет он. Но последнее слово еще не сказано. «Великая освободительница» не забудет поражения, нанесенного ей регентами. «Проклятые регенты, когда дойдет очередь и до них» — читаем мы резолюцию Александра на телеграмме Хитрово от 20 февраля.

Распроцавшись с павшими жертвами, царизм подготавливает новые авантюры для своих планов. Гибнут новые жертвы, тратятся опять миллионы франков, накопленные жесточайшей эксплуатацией трудящихся масс России.

П. А. 2182.

№ 1.

Письмо министра иностранных дел посланнику в Бухаресте Хитрово

2 февраля 1887 г.

Перед отъездом своим из С.-Петербурга известный вашему прев-ву майор Груев высказал желание, чтобы в распоряжение его и его единомышленников было отпущено триста тысяч франков и две тысячи ружей с патронами, необходимые, по его мнению, для успеха предприятия, о котором я сообщал уже вам в секретном письме от 10 прошлого декабря¹.

Означенное ходатайство признано было возможным удовлетворить, но под условием, чтобы главное наблюдение за действиями болгарских офицеров попрежнему негласно сосредотачивалось в руках ваших в видах предупреждения последствий, несогласных с нашими интересами.

Во вверенной вам миссии имеется в настоящее время на хранении более четырех сот тысяч франков из болгарского фонда. Как я имел уже честь сообщить вам в письме от 10 декабря, вам предоставляется производить из суммы этой болгарским офицерам выдачи, соотносясь с потребностями. Об этих потребностях нельзя судить из С.-Петербурга, почему вам предстоит руководствоваться личным усмотрением во всем, что касается размера и своевременности выдачи. Если, с одной стороны, желательно избегать беспредельных расходов, то, с другой, нельзя упускать из вида, что вся-

кое рискованное предприятие не может быть введено без самопожертвований.

Что касается второго пункта ходатайства майора Груева, то военным министерством уже сделано распоряжение о сосредоточении у измайловского воинского начальника двух тысяч ружей с патронами. Отпуск оружия, как частью, так и полностью, будет произвощиться не иначе, как по вашим указаниям лицам, вами рекомендованным.

В этом случае я почтительнее прошу вас ни под каким видом не упускать из виду следующие существенные соображения.

Не отказывая болгарским офицерам в возможном содействии, мы считаем тем не менее необходимым воздерживаться от всякого непосредственного участия в их предприятиях. Предприятия эти ведутся названными офицерами на собственный риск, а следовательно, без исключения агенты наши должны заботиться об устранении всяких сколько-нибудь основательных шоводов к подозрению в том, что они причастны настоящему делу.

Так как всякое вооруженное предприятие против регентства может повлечь за собой кровопролитие, жертвами коего будут не истинные виновники настоящего прискорбного положения дел в Болгарии, а несчастные болгары, очутившиеся на стороне регентства вследствие насилия или неведения, то никакая попытка в означенном смысле не может быть оправдана, если только не будут предварительно приняты все возможные меры к обеспечению ей успеха. Всякое напрасное кровопролитие сопряжено с тяжелой нравственной ответственностью, и притом оно может повлечь лишь к упрочению регентства и послужить благовидным предлогом к усилению того внета, под которым настоящие софийские правители держат болгарский народ.

Ввиду всего этого вам предстоит противодействовать всяким рискованным попыткам болгарских офицеров и их необдуманном увлечениям.

Вверяя вам руководство столь щекотливым делом, я вполне убежден, что в этом случае вы благодаря опытности вашей сумеете верно оценить обстоятельства, при которых может быть оказано болгарским офицерам ожидаемое ими от нас содействие, и что вы не оставите руководить их вашими советами с тем, чтобы предупредить со стороны их всякий опрометчивый шаг.

О получении настоящего письма я буду ожидать вашего уведомления.

Примите и пр.

Гарс.

¹ Упомянутое письмо в дело не обнаружено.

Телеграмма

посланный в Бухаресте министру иностранных дел. 2 марта 1887 г.

Бендерев и другие офицеры просят передать Груеву, что его присутствие здесь как можно скорее необходимо для пользы дела.
И. А. 629.

Хитрово.

Выписка из депеши² посланника в Бухаресте министру иностранных дел.

20 февраля 1887 г.

М. г. Николай Карлович!

1 текущего февраля я имел честь получить весьма секретно инструкции Высочайшего высочайшего ведомства от 21 января³. Одновременно с ним прибывший из С.-Петербурга майор Груев, не останавливаясь в Бухаресте, проехал прямо в разные придунайские пункты для тайных сношений с некоторыми самодельщиками, состоящими еще на службе в болгарских войсках, и лишь сегодня, возвратившись из своей поездки, явился ко мне. Вечером уже собрался у меня майоры Груев и Гуджев и капитаны Бендерев и Дмитриев.

Прежде всего я поставил на вид моим собеседникам воззрения императорского правительства на предпринимаемое ими патриотическое дело. Я им высказал, что в силу моих инструкций, а равно и личных моих убеждений, я имею право поощрять их и оказывать им поддержку лишь на такие предприятия, которые предоставляют достаточные залогов успеха. Я объяснил им, что буду считать себя всегда обязанным воздерживать их от всяких предприятий частных, недостаточно обдуманных и недостаточно подготовленных, могущих быть подавленными и иметь результатом лишь бесполезное кровопролитие и усиление власти нынешнего правительства. Ввиду сих условий моей поддержки предпринимаемого ими дела я указал им на необходимость с нашей стороны вестороннего хладнокровного обсуждения вопроса истинного положения дел и шансов успеха.

Поддерживаемые денежными средствами, которые императорскому правительству угодно было предоставить с этой целью в мое распоряжение, приверженцы наши проявляют невысказанную, вполне бескорыстную деятельность. Независимо от тайных сношений с отдельными

¹ На подлиннике знак царского рассмотрения. К последнему слову сделана ссылка внизу, рукой Гирса написано: «Это будет сообщено Груеву, который выехал на-днях в Одессу».

² Выписка сделана в Арх. Вн. Политии.

³ См. № 1.

личностями они напечатали в громадном количестве прокламации и открытые письма к регентам, к офицерам и к гражданам. Эти печатные воззвания были частью препровождены в Болгарию через разные пункты румынской границы, частью препровождены в Константинополь для распространения в Румелии и, через Румелию, в Болгарию. Но распространение это весьма затруднительно по причине зоркой бдительности болгарских пограничных властей и многочисленных агентов софийских правителей, расходующих громадные суммы на полицию. По слухам, несколько лиц, пойманных в Руцую с этими печатными воззваниями, были бесчеловечно избиты полицией. Рядом с печатными прокламациями эмигранты начали издавать в Браилове еженедельную болгарскую газету под заглавием «Девятое августа» и еще другую—под заглавием «Да разберемся», копии первые нумера имею честь при сем препроводить⁴.

Для действий в самой Софии приверженцы наши вынуждены прибегать к посредству разных факторов, за полную благонадежность которых очевидно не всегда можно ручаться. По причине отдаленности Софии все это разумеется весьма затруднительно. Для большего обеспечения в этом отношении все действия предпринимаются не иначе, как по предварительному соглашению с Константинопольским комитетом и с Цанковым, иногда при посредстве моих сношений с тайным советником Нелидовым. Таким образом недавно, отпуская по просьбе гг. Груева, Бендерева, Дмитриева и Гуджева на этот предмет 30.000 фр., я отказал им в переводе непосредственно мною столь значительной суммы в Софию. Из этой суммы 10 т. фр. были мною выданы в руки офицеров для пересылки их в Софию самыми маленькими суммами на несколько лиц. Остальное 20 т. фр. были мною переведены в Константинополь Т. С. Нелидову для передачи тамошнему комитету в лице майора Стоянова.

...Мне кажется в настоящую минуту было бы выгодно не настаивать ни на какой княжеской кандидатуре, а стремиться лишь к свержению софийских негодяев и замене их прочным временным правительством с русским военным министром. О кандидатуре всегда будет время позаботиться впоследствии⁵.

Одно относительно константинопольских пере-

⁴ Упомянутое в тексте публикуемого документа приложение в деле отсутствует.

⁵ От слов «Мне кажется» до слов «позаботиться впоследствии» очеркнуто красным карандашом, на полях рукой Александра III написано: «Да».

говоров Цанкова с Грековым, Стоиловым и Вульковичем никто не оставляет себе иллюзий и никто не ожидает от этих переговоров каких-либо практических результатов. Разве для одних софийских правителей представляется в них что-либо существенное. Эти самозванные правители ищут проволочки времени, рассчитывая на европейскую войну. С другой стороны, для них представляется та выгода, что некоторые нерешительные их противники все-таки выжидают результатов этих переговоров. Поэтому всего выгоднее было бы, чтобы делегация возвратилась в Софию без всяких результатов и чтобы переговоры прервались окончательно.

Самая постановка партий Цанковым на этих переговорах была едва ли практичною. Мне кажется не следовало упоминать о каких-либо партиях—правительственной, консервативной, цанковской и каравеловской. Следовало видеть перед собою лишь две величины: незаконное, захватившее в свои руки и насильственно удерживающее власть софийское правительство и протестующая против этого правительства оппозиция народа, и не сходить с этой точки зрения¹.

Вообще все неудачное дело константинопольских переговоров представляется мне весьма простою истинною. Иногда можно и даже должно повесить человека; стараться же убедить его, чтобы он сам повесился, представляется препровождением времени по меньшей мере непроизводительным. Расотаться с властью для нынешних ее предержателей в Болгарии равносильно самоубийству, как же можно надеяться, чтобы они на это добровольно согласились? Насильственный порядок вещей, установившийся в Болгарии, может быть уничтожен лишь насильственным переворотом, и чем ранее это может быть достигнуто, тем лучше, ибо всякая проволочка лишь разжигает ту нравственную деморализацию и ту общественную анафию, из которых нынешние правители черпают тайну их слишком продолжительного существования.

Сумеют ли наши приверженцы с теми средствами, которыми они располагают, осуществить этот насильственный переворот, удастся ли им, преследуя заветные цели, предупредить преждевременные вспышки, могущие окончательно скомпрометировать их дело, решить заранее невозможно. С своей стороны, я конечно приложу все мое старание по мере сил

¹ От слов «следовало видеть» до слов «с этой точки зрения» отчеркнуто карандашом, на полях рукою Александра III написано: «Справедливо».

и возможности для руководства ими в смысле инструкций, преподанных мне вашим высочайшим превосходительством.

Придите и пр.

Хитрово.

Телеграмма²

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 23 февраля 1886 г.

Бендерев сообщил мне сейчас, что корреспонденция эмигрантов с Силистрией прервана и что силистрийский комендант, командир тамошней дружины, капитан Крестев, будучи окончательно скомпрометирован, должен либо бежать, либо теперь же объявить себя в преданной дружинной против правительства и просить указаний комитета. Вероятно решится на последнее. Вследствие этого там должно поневоле начаться движение ныне же. Необходимо поддержать, чтобы не вышла бесполезная вспышка. Груев, Гуджен, Дмитриев и другие выехали утром в Калараш, Зимницу и Журжев. Ожидаются от них известия. Приняты меры к предупреждению единомышленников в Константинополе и Софии, дабы возбудить одновременно движение везде, где возможно. Таким образом можно ожидать повсеместного движения с минуты на минуту. Эмигранты полагают, что против Силистрии будет послана преданная регентам пехота из Русука. Тогда в Русуке останется саперный полк, преданный нам, который с гражданами объявит себя против правителей. В крайнем случае Крестев со всей дружиной перейдет на левый берег и передаст оружие румынам. Бендерев просит предупредить всех болгарских офицеров быть готовыми к вызову и сообщать Стоилову в Константинополь.

Хитрово.

Телеграмма³

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 28 февраля 1887 г.⁴

Гарнизон Силистрии открыто восстал. Ожидая известий из Калараша. Несколько офицеров-эмигрантов переправляются завтра из Калараша в Силистрию. Вызываются все офицеры из Одессы. Сообщаю Константинополю.

Хитрово.

² На подлиннике рукою Александра III написано: «Дай бог в добрый час».

³ На подлиннике знак царского рассмотрения.

⁴ Продолжение моей утренней телеграммы, см. № 4.

Телеграмма¹

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 2 марта 1887 г.

В Силистрии недостает патронов. Нельзя ли, на всякий случай, немедленно выслать в Унген жандармскому ротмистру Буркову в мое распоряжение не менее 100.000 патронов Бердана. Быть может найдут средства их перевезти по румынской железной дороге².

Телеграмма³

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 2 марта 1887 г.

Из Силистрии сообщают: население примкнуло к дружке, объявившейся против регентства. Дружина, состоящая из девятисот человек, вероятно уже пополнена 2.000 резервистов. Дружина вооружена бердашками; патронов всего, кажется, тридцать на ружье. Для резервистов и населения имеются крышки, с огромным количеством патронов, но плохих. Против восставших выслана вся пехота из Руссука и, по слухам, гарнизоны Шумлы и Варны. Вероятно части этих гарнизонов; отойдут они не ранее четверга. Движение произошло преждевременно, но может иметь последствиями движение всеобщее. Все будет зависеть от духа других гарнизонов. Если часть шумленского примкнет к силистрийскому, успех несомненен. С уходом пехоты из Руссука быть может удастся увлечь тамошний пионерский полк и население объявится против регентства. В Сястове тоже можно ожидать движения. В этих пунктах усиленно работают в этом смысле. С нетерпением ждем известий из Софии, где тоже подготавливается, но успех весьма гадателен. На Румелию надежды мало. Дмитриев, Дяков, Кавалов уже в рядах силистрийской дружины, Бендерев выезжает туда сегодня с 30.000 франков на первые нужды. За прежними выдателями у меня остается 280.000 франков. Наши приверженцы во всяком случае намерены дать сражение. Если войска противников будут прибывать неодновременно, надеяться разбить их по частям. Если будут разбиты, отступят в Добруджу и сдадут оружие румынам. В худшем

¹ На подлиннике знак царского рассмотрения.

² В тот же день Хитрово телеграфировал: «Полезно было бы, кроме Измаила и Унген, немедленно сложить в мое распоряжение 100.000 патронов Бердана и Рени. Мы воспользовались бы первой возможностью, с открытием навигации, перевоза их водой».

³ На подлиннике имеется пометка рукой Александра III: «Справно, если они будут побиты».

случае это будет громадный протест против незаконного правительства.

Благодаря моим отличным отношениям к Братяну я вполне обеспечил наших приверженцев от всяких стеснений со стороны румынских пограничных властей⁴.

Хитрово.

П. А. 629.

Выписка⁵ из депеши⁶

посланника в Бухаресте министру иностранных дел № 5, 2 марта 1887 г.

М. г. Николай Карлович:

События за последнее время следовали так быстро одно за другим, что решительно не успевал передавать о них вашему высокопревосходительству сведения письменно и поневоле принужден был ограничиваться телеграммами.

Таким образом я едва оспаривал отправление с нынешнею же экспедицией донесение мое за № 47 о деятельности комитета эмигрантов, как деятельность эта вступила внезапно в совершенно новый фазис по причине преждевременно вспыхнувшего восстания силистрийского гарнизона.

В деятельности наших приверженцев во время начала проявлялась чрезвычайная нервность; то большие надежды, то совершенное уныние. При этом раз'езды их по придунайским пунктам и вся их тайная деятельность постоянно меня озабочивали. Рядом с преданностью и усердием они к сожалению весьма неопытны в деле тайной агитации и часто крайне неосторожны. Но я должен указать, что румынские власти относятся к ним если не сочувственно, то по крайней мере вовсе не враждебно и смотрят сквозь пальцы на всю их деятельность. Быть может под рукою оказывают они услуги и софийским регентам, сообщая им о присутствии здесь значительного числа эмигрантов. Но по внешности по крайней мере поведение румын безукоризненно. Тем не менее я всячески стараюсь внушить нашим приверженцам о необходимости с нашей стороны крайней осторожности и сдержанности, которых, к сожалению, у них недостает.

За последние дни приверженцы наши после временного успеха снова поднялись духом. Они начали получать сочувственные от-

⁴ От слов «Благодаря моим» до слов «пограничных властей» отчеркнуто карандашом, на полях рукой Александра III написано: «Это очень утешительно».

⁵ Выписка, сделанная в Арх. вн. политики.

⁶ На подлиннике знак царского рассмотрения.

⁷ См. № 2.

веты из разных гарнизонов. По их уверениям, они могут вполне рассчитывать на гарнизон Силистрии и на части гарнизона шумленского и рушукского. В Варне они тоже рассчитывают на некоторых единомышленников.

В Силистрии дело начинается к сожалению преждевременно. Третьего дня командир тамошней дружины Крестев уведомил Бендерова, что письмо его было перехвачено, что он таким образом окончательно скомпрометирован, что далее ждать не может и решается объявиться с дружиною против регентства. Вместе с тем он просил указаний комитета. Сведение это я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству по телеграфу.

Сегодня вечером Бендерев вернулся из Силистрии с известиями, вполне хорошими. Он говорит, что народонаселение поголовно примкнуло к дружине, которая пополняется резервистами. Бендерев опасается только за недостаточное количество патронов к берданкам, которыми вооружена дружина: всего по 60 на ружье. Крынок же с патронами достаточно для резервистов, но патроны плохие. Теперь подвезти патроны из Измаила невозможно, так как Дунай еще покрыт льдом. Погода стоит очень теплая, и нужно ожидать вскрытия в самом непродолжительном времени. В этих видах Бендерев просил меня хлопотать по телеграфу о высылке патронов в Рени и в Унгены¹. При открытии навигации подвезти патроны из Рени гораздо ближе, чем из Измаила. В крайнем случае может быть удастся провезти патроны из Унген по румынской железной дороге посредством подкупа. Бендерев возвращается сегодня через Калараш в Силистрию. По его просьбе и выдал ему 30.000 франков на первые нужды. За эту выдачею у меня остается около 280.000. Если движение серьезно разрастется, этот фонд может оказаться недостаточным.

Получено известие, что против восстановленного силистрийского гарнизона высланы войска из Рушука, Шумлы и Варны.

Из Софии и из Румелии к сожалению известия менее удовлетворительны. Там слишком медлят. Дело, начатое в Восточной Болгарии, было бы гораздо более обеспечено, если бы ему предшествовало потрясение в столице.

Эмигранты главнейшим образом рассчитывают на гарнизоны и надеются, что военного движения будет достаточно для возбуждения повсеместного восстания и низвержения

¹ См. № 6.

софийского насильственного и незаконного правительства.

Примите и др.

Хитрово.

К. 17.

Телеграмма²

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 3 марта 1887 г.

Дело, начатое в Силистрии, растет. Известия хорошие. Части, двинутые против Силистрии, незначительны и ненадежны для регентства. Надежды на объявление против регентства Рушука, Систова и Лома усиливаются. Из Рушука мне сообщают телеграмму полковника Николаева, из Софии от 16-го, капитану Попову, немедленно идти в Силистрию. Завтра из Шумлы отправляется дружина капитана Пашперского со взводом кавалерии и батареей. Выдать по 200 патронов на ружье, отправлять людей на подводах и бомбардировать город. План действий: капитан Попов, доходя до селения Гаидашпр, движется по дороге до... а³, где расположится лагерем. Строго следить, чтобы неприятель не мог скрыться. По взятии Силистрии учредить полевой суд под председательством капитана Драндаревского и подвергнуть на месте смертной казни. Эти известия передал в Силистрию. В случае удачи дела регенты вероятно убегут из Софии. Приняты меры к непропуску этих мерзавцев в Ломо и под Царибродом.

Хитрово.

Телеграмма⁴

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 3 марта 1887 г.

Румынское сведение:

Силистрийская дружина разбита. Крестев убит, говорят, на румынской территории во время отступления. Часть дружины перешла в Румынию и обезоружена. В Рушуке с утра перестрелка. Дерутся на улицах. Верных известий еще нет.

Сношения с Журжиковым прерваны.

Хитрово.

Телеграмма⁵

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 3 марта 1887 г.

² На подлиннике рукой Александра III написано: «Дай бог успеха».

³ Пропуск на подлиннике.

⁴ На подлиннике рукой Александра III написано: «Надеюсь, что неправда».

⁵ На подлиннике рукой Александра III написано: «Более чем грустно».

Сейчас получили донесение из Журжева: восстание подавлено. Эмигранты арестованы. Будут завтра расстреляны. Узун арестован.

Хитрово.

Телеграмма¹

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 3 марта 1887 г.

Скорбные известия из Силистрии подтверждаются. Костев убит своими солдатами. Подробностей еще нет. Из Руссук извести самые печальные. Ожесточенный бой на улицах длился весь день, говорят, много раненых и убитых. Перед вечером объявившиеся против регентства были вытеснены из казарм и бежали. Майоры Узун и Филев достигнуты при переправе через Лом и раненые отвезены в Руссук. Сообщение с румынским берегом и телеграфные сообщения восстановлены.

Хитрово.

Телеграмма

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 4 марта 1887 г.

Сейчас получил длинное письмо от Груева из Журжева, заканчивающееся следующими словами: «Ясно только одно, что дело проиграно окончательно и будет масса новых жертв расправы гг. Мантовых, Драндаревских и пр. Молю и упрощаю вас донести о вышеизложенном его величеству и просить заступничества, только мощное слово государя императора может прекратить имеющуюся быть резню и кровавую расправу с массой ни в чем виновного народа. Надежды несчастных, их семей, жен, детей только на бога и великого государя императора. Предполагают, что Узун застрелится. Участников расстреливают сегодня или завтра.

Копию письма отправляю с курьером. Не разделяю мнения Груева, что дело проиграно окончательно. Дойдет время и до софийских негодяев, но нужна большая выдержка»².

Хитрово.

¹ На подлиннике знак царского рассмотрения.

² Последний абзац отчеркнут карандашом. Напротив на полях рукой Александра III написано: «Дай бог», над текстом публикуемой телеграммы имеется пометка Александра III: «Это-то и ужасно, что мы ровно ничего не можем сделать для защиты несчастных болгар».

Телеграмма³

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 4 марта 1887 г.

Сообщаю копию Нелидову⁴.

Комиссаров сообщает: «19 февраля с 1 час. пополудни начались аресты. Арестовано до 200 человек, все знатные граждане. Отправлены в Черную Джамдо — каторжную тюрьму. Есть российские подданные и черногорцы. Ночью наклеены объявления о прекращении восстания в Силистрии и Руссук. Передают Цанкову, что его партия положительно вся арестована, в том числе и Людканов. К ним никого не пускают. Всех страшно бьют мешками с песком и дробью.

Хитрово.

Письмо⁵

майора Груева посланнику в Бухаресте Хитрово, 4 марта 1887 г.

Спешу уведомить вас о том, что творилось вчера в Руссук. Сообщаемое собрано из самых точных источников только до 11 час. дня 19 февраля, т. е. от участников и очевидцев. До сих пор неизвестно ничего положительного, что происходило от 11 час. утра до 4 час. пополудни, но жители в Журжеве все время, начиная с 5½ утра до 4 час. пополудни, слышали ружейную перестрелку; в 3 часа дня, говорят, слышны были три орудийных выстрела. Еще 16-го вечером майор Узун — воспитанник Военно-инженерной академии и защитник Видина в сербскую войну, собрав офицеров Пионерного полка (состоящего из 5½ рот) и прочитав им выписку из писем, которые мы ему секретным образом писали, а также сказав им краткую речь, в которой в мрачных красках обрисовал положение Болгарии, сообщил о своем решении и о решении других начальников частей в других гарнизонах низвергнуть регентство и министерство насильственным путем. Все офицеры Пионерного полка не согласились с майором Узунным: несогласившиеся были младшие офицеры, слепые орудия регентского режима, благодаря существованию которого они имеют кусок хлеба. Тогда майор Узун отпустил офицеров, попросив их сохранять в строгой тайне все, о чем говорилось. 17 и 18 февраля прошли в тревожном бездействии. Заметно было только, что префект Мантов и оставшиеся (за уходом капитана Дранда-

³ На подлиннике рукой Александра III написано: «Отвратительно».

⁴ Посол в Константинополе.

⁵ Рукописная копия.

ревского и двух других офицеров на Силистрию) офицеры пехотных 6 рот часто собирались, говорили шепотом между собою и вообще имели вид очень встревоженный. 18-го вечером майор Узунов опять созвал офицеров Пионерного полка и вновь настоял на необходимости объявиться полку против регентов по примеру Силистрии. На этот раз решение было принято в положительном смысле. Соображено было, кого арестовать из граждан и офицеров пехотного полка, но первым и необходимым делом было решение об арестовании Мантова. Все это решалось опять секретным образом. В 5 час. утра начались аресты, но к несчастью совершенно неудачные. Мантов, вероятно предзаряженный, успел скрыться неизвестно где, причем команда, прибывшая для его арестования на квартиру к нему, встречена была выстрелами 8—10 жандармов Мантова, вооруженных с головами до пяток всевозможным оружием. Несколько жандармов было при этом убито. Большинство офицеров пехотного полка тоже не удалось арестовать: они, все вероятно предупреденные, спали в казармах, каждый в своей роте. Не успели арестовать и вновь назначенного недавно перед тем пехотного офицера (капитана Драганова — ярого баттенбергиста) начальником флотилии, который тоже успел скрыться. Около 6 час. утра все аресты были закончены. Жандармы Мантова все были собраны, обезоружены и заключены в казармах Пионерного полка. К этому же часу общая обстановка дела была в таком положении: по городу ходили усиленные патрули пионеров, население все попряталось по домам и решительно ни одного человека не было видно по улицам: магазины, лавки, кабаки закрыты; 6 рот пехоты по численности, при офицерах, заперлись в своих казармах, имея при себе оружие и патроны, но казарма была окружена пионерами; в пионерной казарме были заключены жандармы Мантова и к ним приставлен караул от пионеров; у этой же казармы находилась остальные пионеры; их оставалось (всего из 5½ рот) вероятно весьма немного вследствие большого расхода людей на патрули и на арестование: моряки (их всего 200 человек) разбиты были на 3 части; большая половина под командою мичмана Кисимова, единственного нашего моряка, недели полторы тому назад уволенного из службы за неблагонадежностью, находилась при пионерной казарме и готова была действовать заодно с пионерами, остальные моряки находились частью на стоявшем на пристани пароходе «Голубчик», частью в своих морских казармах.

В 6 час. началась стрельба из окон пехотных казарм по пионерам, которая продол-

жалась некоторое время, по истечении которого майор Узунов, выбросив белый флаг, успел войти в переговоры с пехотными офицерами в казарме; он их просил сложить оружие и сдаться, но пехотные офицеры отвечали, что они могут переговариваться о сдаче только с командиром пионеров Андреевым; последний был арестован, и допустить его на переговоры Узунов не решился. Тогда началась новая перестрелка. В одном квартале милиционеры в числе около 150 человек под командою двух людей, одного какого-то старика и другого молодого (школьный учитель, кажется), двинулись также против пионеров; начался бой по улицам. В это же время капитан Драганов прибежал в морские казармы, забрал с собою оставшуюся там команду моряков и отправился на пристань к пароходу «Голубчик», ворвался на пароход без всякого сопротивления, где уже стал хозяином, приказав пароходу отчалить от пристани и стать посреди Дуная. Между тем к пароходу прибыли из Журжева наши: несчастники — майор Панов и Тола Каржигев; они были вызваны Узуновым ранним утром, когда дело по видимому окончилось благополучно, и сели в 10 час. утра на лодку и переправились к тому берегу. По слухам они вошли на «Голубчик» прямо в лапы капитану Драганову. Около 11 час. утра дело приняло самый неблагоприятный оборот, офицеры отчаялись; по словам г. Черковского, многие из последних ранены и убиты. Есть много раненых и убитых по улицам пионеров. Подробности расскажет податель сего г-н Черковский. Ясно только, что дело проиграно окончательно и будет масса жертв расправы гг. Мантовых, Драгдаревских и пр. Молю и упрашиваю ваше превосходительство, довести о вышеизложенном его величеству и просить заступничества; только мощное слово государя может прекратить имеющую быть резню и кровавую расправу с массою ни в чем неповинного народа. Надежды несчастников, их семей, жен, детей только на бога и государя императора.

Предполагают, что Узунов застрелился. Несчастников расстреляют сегодня или завтра.

О Систове здесь ничего неизвестно.

Телеграмма¹

посланныка в Бухаресте министру иностранных дел, 6 марта 1887 г.

Только что получил телеграмму:

Приговор произнесен: — 15 человек к смертной казни: — Узунов, Зеленогоров, Бал-

¹ На подлиннике имеется пометка Александра III: «Проклятые регенты, когда дойдет очередь и до них!»

шан, К.. Кисимов, Мирков, Кротев, Кожухаров. Транберский, Гечев, статские: бывший майор Павов и депутат Карджиев, Цветков к смерти или 15 лет тюрьмы, к тому же два болгарина из Румынии. Капитан Илиев — три месяца тюрьмы вследствие смертельной раны. Филова же судили — при смерти.

Иностранные консулы коллективно ходатайствовали об отсрочке исполнения приговора, дабы дать несчастным время просить помилования в Софии¹.

Хитрово.

Телеграмма

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 5 марта 1887 г.

Жены несчастных рущукских приговоренных приехали в Бухарест. Сердце разрывается² перед их отчаянием. Заключение страшное истражут³. На завтра казнь.

Хитрово.

Телеграмма⁴

министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

Сообщено нашему послу в Константинополе.

Ваши вчерашние телеграммы крайне нас опечалили. Употребите все старания, чтобы облегчить участь несчастных жертв восстания. Будьте крайне осторожны в сношениях ваших, даже в сношениях с Британью, на которого вряд ли можно положиться.

Гирс.

К. 17.

Телеграмма⁵

посланника в Бухаресте министру иностранных дел, 5 марта 1887 г.

Необходимо удалить из Румынии по возможности по крайней мере на время болгарских

¹ Телеграмма от 5 марта (21 февраля); Хитрово, передавая «подробности из Журжева», объяснял причины неудачи восстания: «С ничтожными силами восставшие разбросались, не заняли арсеналы и допустили в тылу вооружиться милиционерам... Дрались храбро, отчаянно, но без толку». На телеграмме Александром III написано: «Печально».

² Слова «Сердце разрывается» подчеркнуты, на полях напротив рукой Александра III написано: «Да».

³ Слова «Страшно истражут» подчеркнуты, на полях напротив Александром III написано: «И это шерод смертью».

⁴ Дата отсутствует.

⁵ На подлиннике знак царского рассмотрения.

офицеров-эмигрантов. Я предложил Бендереву сегодня же выехать в Кишинев и задержать там офицеров, вызванных Комитетом из России. Прочие офицеры тоже отсюда выедут. Останутся: Груев, Гуджиев и Дерманчев для окончания денежных дел. Относительно новых эмигрантов, перешедших с оружием в Добруджу, румынское правительство приняло решение оставить их на свободе, предложить им либо безвыездное пребывание в одном из северных городов Румынии, либо свободный выезд за границу.

Хитрово.

Телеграмма⁶

посла в Константинополе министру иностранных дел, 5 марта 1887 г.

Стойков спрашивает, где находится Груев⁷ и Бендерев и другие. Просит передать первому, что восстание в Румелии он назначил на 22-е. Все офицеры отправляются туда сегодня, завтра. Курьеры отправлены. Просит подробных сведений о ходе дел в Силистрии и Рущуке. Нет ли особых ему указаний. Просит немедленного ответа.

То же самое просит сообщить Бахчеванову с просьбой поддержать движение чем только можно. Если он арестован, передать кому-либо из единомышленников. Я же предлагаю крайнюю осторожность в сообщениях с Софиею, дабы наше участие никаким образом не могло быть открыто.

Нелидов.

Телеграмма

посла в Константинополе министру иностранных дел, 8 марта 1887 г.

Восстание в Румынии не удалось. Поселение пограничных сел, где началось, разбежалось. Тянков и Дуков вернулись, и завтра Тянков идет в Константинополь, если успеет, так как полиция очень следит. Стойкову лучше не приезжать. Офицеры намерены тоже вернуться в Константинополь.

Все вышло весьма плохо.

Нелидов.

И. А. 629.

⁶ На подлиннике имеется пометка Александра III: «Все это пя к чему и поздно».

⁷ Я телеграфирую Хитрово.

Выписка из депеши¹

посланника в Бухаресте министру иностранных дел № 6, 10 марта 1887 г.

М. г. Николай Карлович!

Предшествующие мои два донесения за №№ 4 и 5², отправляемые с сим же курьером, не представляют уже больше много интереса, как интерес ретроспективный. И запоздал их отправлением по причине странной быстроты, в которую сменились события, сосредотачивавшие мое внимание.

По причине массы безотлагательной работы, поглощавшей как меня самого, так и весь мой персонал, я решительно не имел возможности заняться материальным изготовлением к отправлению залежавшейся экспедиции. О последовательном ходе событий я имел честь содержать ваше высокопревосходительство в постоянной известности многочисленными моими телеграммами, которые в конях я большею частью сообщал послу в Константинополе для его сведения. Ныне с сокрушенным сердцем приступаю к систематическому изложению силистрийского неудачного и рущукского кровавого событий, поскольку события эти до сих пор выясняются из собранных пока сведений.

К сожалению надо сознаться, преданные нам военные болгарские эмигранты, Груев, Бендерев, Дмитриев и другие, взявшие на себя главное руководство задуманного ими предприятия, не оказались на высоте своей задачи. Впрочем из трех надо признать гораздо выше Груева. Это личность, более уравновешенная. Разным образом я должен отдать справедливость некоторым второстепенным деятелям, менее увлекавшимся, чем в особенности Бендерев. Но все они вместе, рядом с пылкостью и бескорыстною преданностью, не обладают той выдержкой, которая приобретается лишь опытом и которая необходима для ведения столь трудного дела, как то, за которое они ввязались. Слишком большая доверчивость в сношениях с людьми, увлеченные надеждами, недостаточно основательными, — все это в значительной степени способствовало неуспеху. Не подлежит никакому сомнению, что регентство через своих шпионов было заранее предупреждено о происходившей агитации в среде офицеров разных гарнизонов. С другой стороны, несомненно, что и в том виде, в каком велась пропаганда, результат был бы иной, если св-

шедрийское движение, а за ним и рущукское, не вспыхнули преждевременно. Но в том-то беда, что вследствие перехваченной переписки с силистрийским гарнизоном дальнейшая проволочка делалась невозможною. Предупрежденное регентство не преминуло бы принять самые энергичные меры для предупреждения возможности дальнейшей пропаганды в войсках.

Что регентство было заранее предупреждено, доказывается и самими его распоряжениями. Таким образом из Шумлы против Силистрии были высланы не те войска, которые ожидали напасть приверженцы. Говорят, в Шумлу были произведены в самый день силистрийского движения некоторые аресты и части войск оттуда были высланы в сводные под командованием вполне благонадежных начальников.

Что касается кровавых рущукских событий, то здесь опять неуспех главнейшим образом имел причинную колебание со стороны майора Узунова и его сообщников, решение, принятое в последнюю минуту, и отсутствие предусмотрительности и заранее обдуманного плана.

Ввиду более или менее подробного описания рущукских событий имею честь прежде всего при сем препроводить копию письма от 20 февраля, полученного мною от Груева из Джурджева³; письма, коего заключение я тогда уже передал вашему высокопревосходительству телеграммою за № 81⁴.

О происходившем на возмутительной пародии суда, в котором от имени незаконного, никем не признанного правительства судились восставшие против незаконного и возмутительного порядка вещей несколько из лучших и честнейших людей Болгарии, погибших за свои убеждения и за преданность России, я мог собрать некоторые сведения от нескольких очевидцев, и в особенности от жены русского подданного Стамопякова, родной брат которой Цветков, был один из осужденных. Г-жа Стамопякова все время присутствовала на суде и с выходящим из ряда самоотвержением и энергией до последней минуты ухаживала за ранеными в госпитале, куда не без опасности удалось ей проникнуть.

В этом чудовищном суде председательствовал майор Андреев, года три тому назад судившийся за изнасилование, свидетелями были пьяный префект Мантов, несколько лет тому назад осужденный в Румынии за конокрадство, с его жандармами и разным кабачным сбродом на жаловании полиции, а приводил в исполнение приговор или скорее умерщлял

¹ На подлиннике имеется пометка рукой Александра III: «Ужасно читать все это».

² См. №№ 2 и 3.

³ См. № 16.

⁴ См. № 13.

присланный парочкой из Софии с особыми полномочиями толкователь Петров. Обвиняемым не позволяли говорить. Их спрашивали исключительно о событиях дня. Узунов и другие просили позволения высказать причины, побудившие их к восстанию. Их останавливали криками и бранью. Прокурор Марков заявил на суде, что, каков бы ни был приговор, он во всяком случае не может быть приведен в исполнение над ранеными до излечения. Была разграна и комедия призыва к милости воображающих себя законным правительством софийских негодяев. Осужденным предложили обратиться к ним с просьбой о помиловании. Большая часть отказалась. Майор Узунов с гордостью ответил, что ему нечего просить убийц, что одно, о чем бы он просил, — это разрешение написать те причины, которые заставили его восстать против невыносимого гнета, тяготящего над его родиной. Он прибавил, что принимает все на себя и просит шоаждать своих подданных. Несмотря на уверения прокурора, несчастных 22-го числа в 5 час. утра вытащили полувивших из тюрем и больниц и повезли на место казни. Узунова везли босиком. Сопровождавший его священник снял с себя рясу и покрыл ему ноги. Узунов просил священника тотчас же пойти к нему домой, окрестить его еще некрещенного сына и назвать его Афанасием. Вдовы и родственники убитых доказывали мне предомертные записки некото-

рых из них. Все эти мученики погибли с последними словами, что умирают за преданность Болгарии и России. Расстреливавшие солдаты большей частью стреляли в воздух. Однако на первом залпу восемь из девяти убиваемых пали. Остался на ногах один поручик Зеленогоров; ни одна пуля в него не попала. Три раза переменяли стрелявшие в него взводы. Тогда подошел к нему офицер и в упор выстрелил ему в лоб пять выстрелов из револьвера. По окончании убийства священник хотел над каждой могилой заметить имя расстрелянного. Какой-то офицер пропал его с ругательствами, угрожая револьвером. Этим кончилась эта страшная сцена убийства.

Все эти дни я переживал тяжелые впечатления в заботах о прибывших сюда вдовах и детях несчастных жертв кровавых событий. Семьи остались большей частью без средств к существованию. Я пока сделал все, что мне было возможно, для облегчения их участи, на первое время по крайней мере, в материальном отношении. По этому предмету представляю особое донесение.

Равным образом в бедственном положении находится здесь множество убегающих из всех концов Болгарии от господствующего во всей стране террора.

Примите и пр.

Хитрово.

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

БЫВШ. ПОЛИТКАТОРЖАН

Г. АРКАДЬЕВ

Задачи, которые стоят перед Издательством Политкаторжан, несомненно огромны. Будучи связано с большим количеством непосредственных деятелей и участников революционного движения в России, издательство может и должно обеспечить яркое партийно-большевистское освещение истории революционной борьбы вообще и истории большевизма в частности. Точка зрения, что Издательство Политкаторжан должно и может заниматься (как бы в дополнение к другим издательствам) историей революционной борьбы, не касаясь истории большевизма, большевистского революционного подполья, абсолютно неверна и ведет к грубым политическим ошибкам в работе издательства.

Издательство Политкаторжан выпускает значительную непериодическую продукцию. К несомненным заслугам издательства необходимо отнести выпуск произведений ряда крупнейших революционных деятелей, как например Веры Фигнер, Фроленко, Ткачева и других, освещающих наиболее яркие, героические моменты революционной борьбы в условиях самодержавной России. Несомненно, систематизированные и обобщенные документы и личные свидетельства участников революционной борьбы служат средством воспитания молодых поколений, вкладом в историю революционного движения. В этой части работа Издательства Политкаторжан имеет огромное политическое и научное значение. Но этот именно факт настоятельно диктует необходимость партийно-квалифицированного, политически и научно ответственного отношения к каждой работе, к каждому изданию, выпускаемому издательством, требует действительно марксистско-ленинского освещения документов революционной борьбы, соответствующих исторических комментариев и т. д.

Издательство Политкаторжан, имея ряд бесспорных достижений в своей работе, все же не может сказать, что оно полностью обеспечило необходимое политическое и научное качество своих изданий. Надо прямо сказать, что историческое письмо т. Сталина в редакцию

журнала «Пролетарская революция» не получило должного преломления в работе издательства; редакция издательства не обеспечила действительно большевистской бдительности в духе указаний т. Сталина, а между тем Издательству Политкаторжан, издающему большое количество материалов, принадлежащих перу бывших меньшевиков и народников, необходимо твердо и последовательно осуществлять линию большевистской партийности и отборе, комментирования и научном освещении материалов революционного прошлого.

Ведь совсем недавно, в 1930—1931 гг. издательство допустило ряд идеологических прорывов, часть которых оно прижало в № 11—12 «Каторги и ссылки» за 1931 г.

Мы напомним читателю лишь два образца такой явно неудовлетворительной работы издательства в недалеком прошлом. Прежде всего следует отметить политически вредную книжку Михаила Фишелева «От харьковской голубятни до антарской ссылки», изданную в 1930 г. и переизданную «Федерацией» в 1931 г. Революционная мемуарная литература — не просто художественные произведения, это политические документы эпохи. Пролетарская молодежь вправе претендовать на издание таких произведений, которые покажут бы деятельность и быт революционного и в частности большевистского подполья, жизнь и борьбу организуемых большевиками рабочих масс, «технику» и организацию подпольной борьбы, борьбу с меньшевистским оппортунизмом в подпольи, эсеровский авантюризм, рост и консолидацию в борьбе большевистской партии. Это совсем не исключает, а, наоборот, подразумевает освещение и показ актов личного мужества, революционных подвигов и героизма и даже отдельных ошибок и блужданий. Тов. Я. Шумяцкий в предисловии к книжке Фишелева заявляет, что «воспоминания т. Фишелева проникнуты бодрым духом неунывающего пролетария-боевика», и усиленно рекомендует книжку, утверждая, что «наша молодежь встретит работу т. Фишелева с большим интересом». И при этом ни слова о том, что автор — бывший меньшевик, бывший троцкист, что этот «неунывающий пролетарий-боевик» исключался из партии за антипартийную деятельность; наконец ни одного критического замечания по адресу книжки, меньшевистско-эсеровской по существу.

Автор проводит явно антибольшевистское понимание движущих сил революции 1905 г. Как характеризует Ленин роль раз-

личных классов в «предреволюционный период до 1905 г.? В своих известных набросках «Этапы, направление и перспективы революции» Ленин писал: «1) Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и будит либеральную буржуазию 1895 — 1901 гг. 2) Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии; 1901—2 — 1905» (т. VIII, стр. 424, 2-е и 3-е изд.).

В этой ленинской характеристике чрезвычайно вышукло очерчено большевистское понимание гегемонии пролетариата в революционном движении.

Но то конечно в мемуарах Фишелева. В этом кривом зеркале меньшевизма, снабженного изрядной дозой эсеровщины. Для него гегемонией движения по существу является учащаяся молодежь, в позе героя выступает либерал-защитник, а пролетариат занимает скромное место союзника учащейся молодежи. Для Фишелева крестьянства как союзника пролетариата не существует. На стр. 46 (цит. по 2-му изд. 1931 г.) он пишет: «меньше чем через год уже боролись по обе стороны баррикад: на одной стороне пролетариат с революционной учащейся молодежью, по другую сторону все остальные — от радикального интеллигента до члена «Союза русского народа». Здесь выступает явно троцкистское отрицание роли крестьянства. Там же, где Фишелеву приходится касаться крестьянских восстаний, они представлены как «организованные народные восстания» вне всякого пролетарского руководства: «Разрозненные неорганизованные вначале крестьянские бунты по-прежнему превращаются в организованные народные восстания, и борьбу за социализм...» (подчеркнуто нами.—Г. А.) (стр. 37). Итак, троцкистско-меньшевистские перлы уснащены эсеровским пониманием революционно-демократической борьбы крестьянства за землю в 1905 г. как «борьбы за социализм».

Ясное дело, что Фишелев не мог дать большевистского представления о роли нашей партии, о ее борьбе с меньшевизмом. Он с самого начала заявляет: «я был слабо подготовлен теоретически и мало интересовался спорам, разногласиями между «мекками» и «беками» (меньшевизмом и большевизмом). Это мнимое безразличие к «меккам» и «бекам», а на деле меньшевистская трактовка вопросов сопровождает Фишелева до конца жизни. Фишелев вообще имеет дело с «единой» социал-демократией. Он пишет об эпохе после поражений революции 1905 г.: «Мы вместе с Восковым окончательно убеждаемся в том, что един-

ственная революционная партия, партия пролетариата, это — российская социал-демократическая рабочая партия» (стр. 109). И ни слова о меньшевиках, ослеплявших неудавшееся декабрьское восстание («не надо было брать за оружие»), и борьбе с ними большевиков, возглавивших героическое восстание пролетариата.

По автору, социал-демократия в целом ведет бой с национальными социал-демократическими партиями — Бундом, ШПС и т. п. Таким образом единоутробный с Бундом меньшевизм попадает в стан его врагов. Печатники повсюду выступают застрельщиками революционной борьбы. Другие категории рабочих лишь примыкают к ним (стр. 89). Господство же меньшевизма среди печатников прячется автором. Подобных извращений истории революционной борьбы и истории большевизма в книге Фишелева очень много. Рекомендация т. Я. Шумяцкого явно гнило-либерального порядка, ибо эти политически вредные мемуары выпускать не следовало.

Грубые политические ошибки допущены в книжке т. Я. Шумяцкого «Закаленные в борьбе», изданной в 1931 г. В связи с разногласиями между народниками и марксистами по вопросу о роли личности в истории т. Шумяцкий говорит о «партии пролетариата, называвшейся до 1917 г. социал-демократией, строившей всю свою программу и тактику на основе научного социализма и классовой борьбы» (стр. 14), и явно относит эту характеристику не только к большевикам, но и к меньшевикам, беря их за общую скобку. Такое игнорирование ленинского указания о возникновении большевизма как самостоятельной партии с 1903 г., о «двух партиях» фактически даже в периоды формально единой партии явно несостоятельно и представляет грубое извращение подлинной истории большевизма.

По этой же линии идут другие ошибки т. Шумяцкого, заявляющего на стр. 116, что «как известно, социал-демократы Польши и Литвы также были чисто большевистской организацией». Как известно, польские социал-демократы «чисто большевистской организацией» никогда не были, по ряду коренных вопросов стоя на почве полуцентристской идеологии люксембургизма, расходились с большевизмом и вели с ним активную борьбу, хотя в известные периоды они являлись союзниками большевиков, но такими союзниками, против системы полуменьшевистских ошибок которых (в аграрном, национальном, организационном и других вопросах) Ленин и большевизм вели непримиримую борьбу. А т. Шумяцкий, стремясь увеличить процент большевистского ядра

«Об-ве политкаторжан, зачисляет в большевистские, в «чистые большевистские», не только польских социал-демократов, что явно неверно, но даже... бундовцев, «левицу» ППС и максималистов! Он пишет: «Максималисты, как и «левица» ППС, а равно некоторая часть Бунда, также должны быть отнесены без всяких «натяжек и смазываний» к большевикам-подпольщикам» (стр. 116).

Вот уж поистине усердие не по разуму, творящее из монолитной большевистской партии «носов ковчего», вмещающий якобы и бундовцев, и меньшевиков из «левицы» ППС, и народников-максималистов. Тов. Шумяцкий явно дошел до геркулесовых столбов грубейшего извращения истории большевизма¹.

Неудивительно, что т. Шумяцкому и ленинизм представляется «марксизмом в ленинской проработке» (стр. 108). На деле ленинизм не «проработка марксизма», ленинизм является дальнейшим развитием марксизма, «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции» (Сталин). Ленин не только действительно возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами из II интернационала, ленинизм «сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата» (Сталин).

Единственно правильное сталинское определение ленинизма т. Шумяцким совершенно не понято. Неправильная формулировка т. Шумяцкого оппортунистически выхолащивает революционное острие ленинизма, направленное против II интернационала, и выбрасывает из борт то новое, что дано Лениным как развитие марксизма в условиях новой эпохи.

Другие ошибки т. Шумяцкого идут по линии идеализации «каторги и ссылки» как единого целого и нечеткого представления о народничестве. На стр. 92, характеризуя эпоху империалистической войны, т. Шумяцкий пишет: «Патриотизм... оказался совершенно бессильным затронуть обитателей каторги и ссылки» (стр. 91). «К чести политзаключенных без различия их партийных убеждений нужно признать, что они за малыми исключениями отвергли всякие предложения (речь идет о призыве к «защите отечества», к «гражданскому миру». — Г. А.), исходившие от черносотенно-либеральной клики, поддержанной эсэро-меньшевиками, эмиграцией и разложившейся верхушкой II интернационала» (стр. 92).

¹Эту свою ошибку т. Шумяцкий после появления исторического письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» вынужден был признать.

Выходит, что только в эмиграции был социал-патриоты и фактически поддерживавшие их центристы, а в каторге и ссылке царил трогательное единство. Это конечно неверно. На каторге и в ссылке были не только руководители большевиков Сталин, Свердлов и др., оттуда вышли и меньшевики Войтинский и Церетели, и эсеры Гоз и Бренко-Бренковская, и другие будущие соратники Керенского

Тов. Шумяцкому, хотя и отмежевываясь от т. Теодоровича, свойственна неясность взглядов на яacobинцев-шестидесятников и на народничество. Так, кружку Зайтневского выпустившему прокламацию «Молодая Россия» т. Шумяцкий приписывает, «несмотря на эту личность общей его идеологии, некоторую предвосхищенность идей пролетарского периода» (стр. 41, подчеркнуто нами. — Г. А.). Как известно, только критическое преодоление утопического социализма и бланкизма научным социализмом Маркса — Энгельса характеризует революционную теорию пролетариата. Ясное дело, что ни одна из идей большевизма не была «предвосхищена» утопиками.

О захвате власти для осуществления социализма говорят и бланкисты и представители научного социализма. Но о самом социализме представление утопистов и бланкистов чисто мелкобуржуазное, да и пути и способы захвата власти совершенно различны у бланкистов у революционных марксистов (у первых — диктатура меньшинства, у большевиков — диктатура пролетариата, опирающаяся на большинство трудящихся и т. п.).

А т. Шумяцкий пишет, что в задачи левого крыла народovolьцев «входило не только политическое раскрепощение страны, но и предвидение ряда мероприятий по осуществлению, правды утопического, социализма. При чем это крыло народovolьцев правильно (подчеркнуто нами. — Г. А.) учитывало, что осуществление всех их чаяний обусловлено предварительным завоеванием власти и осуществлением свободной политической деятельности широких народных масс» (стр. 41). Такой антиленинской отсебятиной т. Шумяцкий комментирует тезисы Культпропа ЦК о «Народной воле!» Тут что ни слово, то перл. Во-первых, утопический социализм, оказывается, осуществим не только по мысли утопистов, но и самого т. Шумяцкого; во-вторых, левое крыло народovolьцев «правильно учитывало», что осуществить этот утопический социализм можно лишь после захвата власти. И весь этот беспомощный лепет приносится вместо того, чтобы прямо показать неосуществимость утопических мечтаний героических

революционеров о введении социализма, о котором они не имели правильного представления, хотя и вписали блистательные страницы в историю борьбы с царским самодержавием.

Эта ошибка г. Шумяцкого неслучайна, она является «ахиллесовой пятой» многих авторов и редакторов Издательства Политкаторжан.

Хотя г. Шумяцкий и утверждает, что «марксистско-ленинский анализ... сопровождается, освещает и вносит ясность в часто путанные и противоречивые мемуары авторов изданий каторги и ссылки» (стр. 141), но мы уже на нескольких примерах видели, что этот марксистско-ленинский анализ нередко отсутствует в изданиях политкаторжан.

Наиболее ярким образцом безответственности некоторых редакторов издательства является сборник «Учеба и культурная работа в тюрьме и на каторге», вышедший уже после письма г. Сталина в 1932 г. Этот политически вредный¹ сборник статей и воспоминаний под редакцией В. Шлескова и с предисловием А. Станчинского принадлежит перу преимущественно бывших меньшевиков и эсеров и содержит идеализацию царской тюремной обстановки, основанную на неправильном обобщении отдельных фактов, явное приукрашивание роли меньшевиков и эсеров и полное умалчение о борьбе большевиков с меньшевизмом.

Выпуская работу с таким составом авторов, издательство должно было бы потребовать от них строго критического отношения к предвзвешенным воспоминаниям. Кроме того редакционное предисловие должно было показать антипролетарскую, антиреволюционную деятельность меньшевиков и эсеров, их активную борьбу против пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Но редакция и издательство ограничились самым либеральным замечанием, что «учеба на каторге была средством, а не самоцелью, средством для дальнейшей борьбы в рядах революции, для подготовки себя и товарищей к продолжению на «воле» этого дела, за которое попал на каторгу. Отсюда непрерывная борьба за библиотеки, право читать книги и т. д.».

Если учесть, что статьи в этом сборнике принадлежат бывшим меньшевикам и эсерам, то уже в этой выдержке из редакционного предисловия сквозит характеристика их как борцов за дело пролетарской революции, на «воле» активно отдающих свои силы этой задаче, и т. д.

¹ См. о нем ст. Б. Волына в № 4 «Борьбы классов» за 1932 г.

Редакция не потрудилась отделить меньшевиков от большевиков, она их трогательно объединила вслед за авторами сборника под одной рубрикой.

Редактор предисловия г. Станчинский, бывший меньшевик, теперь коммунист, явно извращает историю большевизма. Затрагивая годы реакции, он пишет: «Годы реакции уже в 1912 г. сменяются новым подъемом... Основательно отмежевавшись от меньшевиков, большевики стали выпускать «Правду» (стр. 34).

Решения Пражской конференции 1912 г. об исключении ликвидаторов из партии означают завершение организационного разрыва с меньшевиками. Но формулировка г. Станчинского создает неверное представление о якобы частичном идейном размежевании большевиков и меньшевиков до 1912 г.

По Станчинскому таким образом выходит, что большевики вовсе не со II съезда в 1903 г. отмежевались идейно и организационно (раскол) от меньшевиков и швели с ними решительную и непримиримую борьбу, а лишь с 1912 г. определилось полное идейное размежевание меньшевиков и большевиков. До 1912 г. таким образом большевики еще в основе своей деятельности, выходит по Станчинскому, разделяли какие-то общие позиции с меньшевиками. Издательство никак не отметило этой клеветы и фактом безоговорочного выпуска в свет содействовало ее распространению.

Любопытно, что стремлением выдать меньшевиков и большевиков за нечто единое проникнута вся книга. Рассказывая о лекционной работе, проводившейся в тюрьме, бывший меньшевик В. Шлесков, характеризуя лекторов-эсеров, заключает: «В общем лекторское поле оставалось почти всегда за нами, социал-демократами, причем тут не было различий между меньшевиками и большевиками: фронт у нас был всегда... объединенный» (стр. 89). И ни слова о борьбе большевиков с меньшевиками даже в статье большевика Корнильева, рисующего идиллическую картину единой «с.-д. фракции» в Таганке в годы реакции, в годы ожесточенной борьбы с ликвидаторством справа и слева.

Рассматриваемый сборник характерен целым рядом и других политических ошибок и лягусов. Здесь вы можете найти прямую апологетику тюремного режима, тюремной администрации и т. п.

Характеризуя администрацию, Я. Корнильев на стр. 59 пишет: «Начальник тюрьмы Шмидт заявлял себя решительным противником репрессий политических», заведующий одиночным корпусом Я. И. Печников... «ста-

рался ладить с заключенными. Надзиратели представляли собой также верх внимательности и... «строгательной заботливости» о политзаключенных и, чтобы не обеспокоить уставших после учебы заключенных, при проверке считали снящих на парах» (стр. 84).

Тот же Корнильев возвращается еще раз к удивительно добродушному Я. И. Печникову. Последний, узнав, что заключенные задумали выпускать тюремный сборник на воле, вывал к себе их представителей и заявил: «Мы смотрим сквозь пальцы на то, что вы переписываетесь и делаете журнальчики в тюрьме. Но издание на воле гильно подведет нас и плохо отразится на вашем положении. Не советую вам делать этого» (стр. 60).

О надзирателях таганской тюрьмы Корнильев говорит: «Получился такой отбор надзирателей, что среди них были действительно неплохие люди» (стр. 60), и даже более того — среди них были чуть ли не прекрасные люди, как например надзиратель «Гостра Сабля», который сам отворял камеры политических, «махнув рукой на то, что делалось». Самим политзаключенным приходилось, таким образом, утаивать порядок в тюрьме.

Идеализация тюремной обстановки на этом не заканчивается. Авторы сборника в чрезвычайно радужных тонах рисуют положение с учебой в царской тюрьме.

Так например пишется: «Зерентуй в это время и еще года два в дальнейшем был настоящей фабрикой учебы, своего рода «вольным» университетом, вокруг которого складывалась вся культурно-политическая работа среди почти 500 чел. политических заключенных» (стр. 80).

Конечно временное смягчение жестокого тюремного режима в условиях царизма имело место в отдельных случаях. Но специально подобрать подобного рода материал, обобщить его и преподнести молодежи как воспитательный материал — это значит создавать явно ложное представление о царской тюрьме.

Между тем прорывающиеся кое-где описания отдельных зверств не устраняют общего впечатления об исключительном «благоденствии» политзаключенных в царских тюрьмах. Молодежь, которая прочтет этот сборник, должна будет сделать именно такой вывод. Ужасы и кошмары царских застенков и тюрем, безчеловечное издевательство и истязания, надругательства над честью и личностью революционеров, все, чем была полна жандармская Россия, все это апологетически скрашивается и облагораживается.

Выпуск сборника вскоре после письма т. Сталина свидетельствует о слабости пере-

стройки на деле в Издательстве Политторжам.

Некоторое улучшение за последние год имеется в издании массовой дешевой историко-революционной библиотеки. Нет нужды говорить о важности данного мероприятия. Такая библиотека должна сыграть роль воспитателя молодежи в революционно-большевистском духе.

Многие выпущенные брошюры из этой серии могут считаться удовлетворительными, но некоторые содержат грубые политические ошибки, а отдельные работы в целом политически вредны.

«Польская пугачевщина» А. Клана — в общем удовлетворительная брошюра, освещает историю крестьянского восстания 1846 г в Галиции. Автор, вскрывая причины крестьянской «жакерии» в австрийской Польше 1846 г., все же рассматривает это движение исключительно как локальное, оторванное от всех событий и классовых сдвигов в европейских государствах того времени. Попытка связать это восстание с некоторыми событиями в русской Польше ограничивается одним-двумя бледными фактами порки крестьян русским офицером. Предисловие редактора Я. Шумяцкого не только не разъясняет, но, наоборот, запутывает историю этого восстания, считая, что «остаётся не совсем ясным все же факт параллельного восстания самой шляхты против австрийского владычества». Правда, автор предисловия, так же как и автор брошюры, отвергает достоверность версии аристократических польских историков, считающих, что восстание Якова Шеля было делом рук австрийского правительства, спровоцировавшего крестьян на выступление против польской шляхты, боровшейся с австрийским правительством.

Известны «прелести» шляхетского господства над польским крестьянством, а также «отеческое» попечение о польском крестьянстве австрийского правительства. Автор прав, считая восстание Якова Шеля направленным и против польской шляхты и против австрийского господства. Но автор слабо освещает моменты капиталистического развития Галиции, развития и роли города.

Другая брошюра — А. Шетлих «Мартин Каспржак», рисующая деятельность польского рабочего-революционера, погибшего в 1905 г. на царской виселице, представляет несомненный интерес. Портит брошюру неудачное предисловие, в котором можно найти например такое утверждение: «Каспржак явился одним из звеньев, соединивших великие традиции партии «Пролетариата» с нарождающейся марксистской партией польских рабочих социал-де-

демократией Польши и Литвы (1893—1918 гг.), в преамбуле которой явилась компартия Польши».

По мнению автора предисловия, коммунистическая партия Польши является «преемницей» марксистского начала пезедекков. На деле же пезедекки, не будучи большевиками, сделали ряд полуменьшевистских ошибок в основных вопросах программы и тактики. Компартия Польши могла стать большевистской партией, лишь преодолевая эти традиции люксембургизма и становясь твердо и последовательно на почву марксизма-ленинизма. Утверждение же автора предисловия явно идет по неверному пути антиленинской теории равноправных «ручейков» в создании Коминтерна, развитой в свое время г. Радеком.

Явно неудовлетворительной является книжка Н. И. Тетерина «Рабочее движение в России до 1905 г.». Претендуя на изложение истории рабочего движения и доводя ее до 1905 г., автор умудряется абсолютно опустить значение большевиков в развертывании революционного движения пролетариата и в организации его боевых выступлений.

Раскол, происшедший на II съезде, отмежевание большевиков от меньшевиков, происшедшее по основным программным, организационным и тактическим вопросам, сводится автором брошюры лишь к фракционным разногласиям. Он так и пишет: «Однако, несмотря на фракционные разногласия, II съезд партии имел крупное значение для рабочего движения: с установлением организационного единства повысился ее авторитет среди пролетариата».

В организационном оформлении большевизма и меньшевизма автор усматривает лишь переходящие разногласия, в решительном размежевании большевизма от меньшевизма — установление организационного единства.

Книжка Н. И. Тетерина имеет и другие крупные недостатки. Автор например, указывая на организацию петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», совершенно опускает роль Ленина в организации рабочего класса. Эти ошибки обесценивают данную брошюру, делают ее беспартийно-либеральной.

Особое возмущение вызывает выпущенная издательством в этой же библиотечке брошюра М. Брюловой-Шаскольской «Отклики пугачевщины» (1932 г.).

Эта брошюра представляет собой какую-то сплошную защиту личных качеств и достоинств «российских самодержцев» — Екатерины II и Павла I.

Автор непрочь выдать например Павла I за крестьянского царя. Так и пишется:

«И Павел, сам того не ожидая и не чая, стал знаменем крестьянского бунта» (стр. 14).

Рассказывая о законодательной деятельности Павла I, Брюлова-Шаскольская перечисляет акты и указы, изданные Павлом по вступлении на престол, в таком тоне, что этот деспот приобретает лик какого-то демократически-либерально настроенного попечителя «о скорбях народных». Но чувствуя, что картина получилась слишком умильной, Брюлова решила поправить дело: «В заслугу императору Павлу ставят обычно знаменитый закон о трехдневной барщине. Если он и имел значение, то во всяком случае он был издан не по доброй воле Павла, как первые указы, а уже после того, как крестьянские волнения охватили всю страну» (стр. 15).

Итак, сомнений нет. Если доброй воли у «государя» нехватало на последний указ, то все предыдущие указы (указ о прекращении усиленного рекрутского набора, отмене тяжелой хлебной подати, замене натурального сбора легким денежным, свободе подачи жалоб в петербургские ведомства на местный произвол, запрещении продажи людей без земли с аукциона и т. д.), — все эти указы являются, по мнению Брюловой-Шаскольской, проявлением и следствием «доброй государевой воли».

И для иллюстрации особых качеств и добродетелей Павла I, его близости к народу она приводит выдержку из заявления немецкого посланника следующего характера: «Дворяне доведены до отчаяния. Только городское простонародье и крестьяне любят своего государя» (стр. 14).

Вот в каком тоне пишутся брошюры, рассчитанные на широкий круг читателей, на революционное воспитание молодежи. Лавры Иловайского не дают, очевидно, покоя издателям рассматриваемых произведений.

Но значительная часть изданий дешевой библиотечки, как например брошюры Гессен, «Аракчеевская барщина», Клан, «Польская пугачевщина» и другие, являются неплохими книжками, популярно и интересно освещающими отдельные исторические эпизоды. Работу над этой библиотечкой нужно продолжать, но более тщательно подбирать авторов.

В начале обзора мы уже отмечали, что издательством выпущены такие ценные работы, как например сочинения В. Н. Фигнер, воспоминания Фроленко, сочинения П. Н. Ткачева и др. Большая часть из них вышла в 1932—1933 гг.

Сочинения П. Н. Ткачева снабжены предисловием Б. П. Козьмина (П. Н. Ткачев, т. I, 1932 г.). Исследования Б. П. Козьмина посвящены в основном выяснению политико-идеоло-

гических взглядов деятелей и групп эпохи народничества. П. Н. Ткачев, его историческая роль, место и система политических воззрений занимают значительную долю в работах Б. П. Козьмина, который приводит много интересных сведений и материалов, недостаточно широко исследовательски использованных.

Однако нельзя не отметить некоторой односторонности в работах Козьмина. Освещая например деятельность П. Н. Ткачева (а в дальнейшем мы увидим, что и не только его), автор основывается лишь на литературно-публицистических источниках и личных высказываниях деятелей общественного движения. Должного анализа эпохи, исторической среды, общественных классов той полосы, определявших как образ мышления систему политических взглядов и характер действия рассматриваемых лиц, у автора нет. Поэтому изучаемые им деятели рисуются почти изолированными «критически мыслящими личностями». Этот коренной недостаток работ Б. П. Козьмина свойственен как предисловию к I тому сочинений Ткачева, так и его работе «От 19 февраля к 1 марта», вышедшей уже в 1933 г.

Этот путь исследования приводит автора к некоторой «внеисторичности» в отношении оценки отдельных революционных деятелей и П. Н. Ткачева в частности. В предисловии к I тому сочинений Ткачева автор формально отказывается признать Ткачева «первым русским марксистом». Однако все изложение Козьминым взглядов П. Н. Ткачева противоречит этому формальному отказу. Фактически оказывается, что Ткачев лишь «был вынужден допустить ряд отступлений от теории Маркса».

И дальше автор делает заключение, что «если Ткачев и не был марксистом, то никто в России его времени не воспринял так сильно и так глубоко учение Маркса» (стр. 47).

По мнению г. Козьмина, деятели той эпохи (речь идет о Ткачеве), «придерживаясь последовательно учения Маркса, не находили вокруг себя общественной силы, на которую им можно было бы опереться в своих расчетах на социальную революцию» (стр. 38).

Но «люди» с душой истинных революционеров не могли ждать и успокаиваться... «Являлось желание поискать в русской действительности какие-нибудь силы, на которые можно было бы теперь же опереться в своей революционной работе» (Предисловие, стр. 39).

И только поэтому П. Н. Ткачев, являвшийся (по Б. П. Козьмину) по существу марксистом, вынужден был искать силу в интеллигенции, освобождающей народ от страха перед пыткой и развязывающей его революционную активность.

Это конечно грубая ошибка. Но так обстояло дело, что Ткачев, будучи марксистом, силой обстановки вынужден был опираться не на пролетариат, а на интеллигенцию. Именно потому, что Ткачев не был марксистом, он не понял исторической роли рабочего класса и не мог опираться на еще только развивавшийся пролетариат.

Ленин, считая Ткачева одним из виднейших представителей русского бланкизма, подготовившим героическую попытку захвата власти народолюбцами (см. «Что делать», т. IV, стр. 493, 2-е и 3-е изд.), четко определял водораздел между бланкизмом и большевизмом. «Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (Ленин, т. IX, стр. 237, 2-е и 3-е изд.). В другом месте Ленин пишет: «Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народолюбцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе как в форме политического заговора» (Ленин, т. II, стр. 181, 2-е и 3-е изд.).

И если г. Козьмин, признающий Ткачева представителем бланкизма, вместе с тем сближает взгляды Ткачева со взглядами Ленина в «Государстве и революции» (см. стр. 54—55), то он явно сбивается на недопустимое смешение марксизма и бланкизма. Из чего исходит г. Козьмин? Из того факта, что Ткачев стоял на точке зрения захвата власти во имя социалистического переворота, из того, что «по мнению Ткачева, государство сделается ненужным и отомрет лишь после того, как среди людей создастся полное равенство, т. е. когда удастся провести в жизнь начала коммунизма. В переходный же период государственная власть — необходимейшее орудие в руках революционной партии» (стр. 54).

Коренную здесь разницу следует видеть и в понимании социальной природы русского абсолютизма и в понимании диктатуры в переходный период и путей к ее осуществлению. Русский абсолютизм представлялся Ткачеву «висящим в воздухе, не имеющим ничего общего с существующим общественным строем». Энгельс совершенно правильно указал в свое время Ткачеву на весьма реальную заинтересованность русского дворянства и крупной буржуазии в существовании царизма. «Не русское государство, — писал Энгельс, — а, наоборот, сам г. Ткачев висит в воздухе» (см. двухтомник Маркса—Энгельса, т. II, «О России», стр. 529—530, изд. 1933 г.). Ясное дело, что коренная ошибка в понимании классовой сущности государства не могла привести Ткачева к правильным выводам о характере государ-

ства в переходный период. У Ленина пролетарское государство возникает в результате слома буржуазной государственной машины, у Ткачева с его бунтарским лозунгом «теперь или еще немножко или никогда», дело гораздо проще: стоит лишь свергнуть якобы «висящую в воздухе» власть абсолютизма и использовать существующий госаппарат. Наконец диктатуре пролетариата у Ленина, как диктатуре масс у Ткачева, противостоит диктатура революционного интеллигентского меньшинства.

Короче говоря, виднейший русский бланкист Ткачев не мог конечно предвосхитить идей гениального произведения Ленина «Государство и революция», как это можно подумывать по намекам Б. П. Козьмина.

Нельзя сбрасывать со счетов, как это делает Б. П. Козьмин, характеристику Ткачева Энгельсом, который выступил с ней еще в 1874 г. Энгельс уже тогда отмечал, что Ткачеву свойственно игнорирование народных масс и необходимости их подготовки к революции (Ткачев считал, что народ всегда готов к революции).

«Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу», опубликованное Ткачевым в том же 1874 г., Энгельс расценил как бакунистское произведение. Б. П. Козьмин полагает, что эта характеристика Энгельса неправильна. Но тем самым Козьмин игнорирует то общее, что объединяет Бакунина и Ткачева при наличии у них известных разногласий, а именно—их общую веру в коммунистические свойства русского крестьянина и бакунистско-бунтарские методы революции, которая делается «сама собой» (см. «Энгельс о России», соч. Маркса и Энгельса, двухтомное издание, т. II, стр. 535).

Справедливость характеристики Энгельса подтверждается и тем фактом, что Ткачев выступал против Маркса и его сторонников в I интернационале, а не выступал против Бакунина и бакунистов.

Тем не менее Б. П. Козьмин не согласен с характеристикой Энгельса, считая, что вся предшествующая деятельность Ткачева не дает оснований для такой трактовки его взглядов. И только незнание якобы Энгельса с работами Ткачева позволило ему сделать такие выводы.

Это — один из моментов в общем стремлении автора показать в П. Н. Ткачеве марксиста, почти предвосхитившего принципы революционных социал-демократов (большевиков). Тенденциозность Б. П. Козьмина в освещении взглядов П. Н. Ткачева не может быть приемлема. Она исключает возможность объективного марксистского исследования, нарушает принцип изучения революционных деятелей в условиях

конкретной исторической обстановки, в условиях определенной классовой борьбы, т. е. исключает принцип, по которому явление рассматривается во всех его исторических связях и опосредствованиях.

Вторая работа Б. П. Козьмина, его книга, вышедшая в 1933 г., «От 19 февраля к 1 марта», представляет собой систематизированную подборку его статей, печатавшихся в различное время. Сам автор таким образом определяет целевое назначение этого сборника: «Статьи, собранные в этой книге, должны показать, как много различных оттенков было в русском народничестве даже в эпоху его расцвета. Задача эта благодарная, ибо В. И. Ленин еще в 1898 г. говорил о народничестве: «В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма, и т. п., есть люди неповинные в этом» (Ленин, т. II, стр. 234, изд. 3-е).

Уже тот факт, что перед нами сборник статей, заставляет насторожиться в отношении органической целостности, логической законченности данного произведения. Сам автор считает, что «книга, несмотря на кажущуюся случайность и разрозненность вошедшего в нее материала, обладает глубоким внутренним единством». Оценивая ее с этой стороны, нужно сказать, что все же книга несет на себе признаки своего происхождения. И материал, несмотря на наличие связности статей по замыслу и содержанию, местами страдает незаконченностью характеристик и выводов. Например первая статья «Артельный журнал «Век» (1862 г.), как и многие другие, состоит в большей своей части из цитат статей, помещенных в свое время в журнале авторами-народниками. Должного же освещения социально-классового генезиса народничества Козьминим не дано. Правильно то, что автор стремится вскрыть определенные общественные настроения, но он делает это далеко не с исчерпывающей полнотой и без достаточного освещения исторического содержания эпохи. В результате неясно, что же хотел сказать автор, идеологию какого класса выражают деятели, выступления которых он рассматривает.

Основная мысль, пронизывающая ряд статей, сводится к тому, что в истории общественного движения того времени нарастали две тенденции, два направления. С одной стороны, линия народничества лаврицкого толка, направление «кающихся дворян», в дальнейшем превративших ее в «чистокровное» народничество, идеализировавшее народ. Это направление отыскивало особые нравственные качества народа, особую способность народа к правде в

истине. Ему казалось, что «самобытность» русского народа, общинная организация деревни позволят избежать России «язвы протетарнатства», вредного глетворного пути Запада. Необходимо лишь пробудить в народе эти нравственные качества, вселить в него сознание своего особого назначения — и мир будет перестроен на прекрасных, светлых началах. Б. П. Козьмин рассматривает представителей этого направления, начиная с Лаврова, касаясь затем деятелей «Современника» — Антоновича, Салтыкова и кончая Лавровым, Каблицем и др.

С другой стороны, прослеживается развитие направления «бланкетско-якобинского» характера, не отмечавшего и не видевшего в народе (крестьянстве) особых нравственных качеств, которые сама интеллигенция должна заимствовать у народа. Наоборот, это направление не считало народ основной революционной и вообще активной силой. Такую силу представители этого направления видели в интеллигенции (разночинной главным образом). Интеллигенция должна была ввести ясность сознания в народ и силой своих политических ударов (по правительству) открыть ему путь к революционным действиям (так думал П. Н. Ткачев). Именно силой интеллигенции «сырые материалы» (народ) «должны быть оплодотворены и переработаны влиянием общечеловеческих идей» (Писарев).

Этому направлению чужды «постоянные коленипреклонения перед народной мудростью и перед народной правдой». Это направление развивается через таких представителей, как П. Н. Ткачев, а в дальнейшем представители «Русского слова» (Писарев, Зайцев и др.). Б. П. Козьмин знакомит читателя с содержанием статей этих направлений, печатавшихся в различных органах, последовательно сменявших друг друга, в период с 19 февраля 1861 г. по 1 марта 1881 г. Он приводит характеристику интересной полемики между «Современником» и «Русским словом», разгоревшейся в 1864—1865 гг. Содержание этой полемики и является наиболее ярким выражением двух направлений радикальных взглядов, отмеченных выше. Одним из корифеев полемики был Писарев. Характеризуя Писарева, автор показывает его отрицание особых путей русского народа, приводит его высказывания о неизбежности и желательности для России того пути, которым шел и идег Запад, его горячую проповедь реальных знаний, естественных наук, индустриализма. Здесь же Б. П. Козьмин приводит выдержку из статьи В. Ф. Переверзева «Нигилизм Писарева в социологическом освещении», в которой Переверзев заявляет: «Писаревщина — это ставка на индустриализм». Б. П. Козьмин целиком со-

глашается с этой характеристикой (стр. 80). Невольно возникает вопрос, вестником и знаменем какого же индустриализма был Писарев? И на этот вопрос Б. П. Козьмин дает ответ следующей выдержкой из того же Переверзева. «Он — идеолог индустриальной культуры вообще, идеолог недифференцированного, расплывчатого индустриализма, который, развиваясь и дифференцируясь, неизбежно ведет либо к системе капиталистического индустриализма, либо к системе индустриализма социалистического» (стр. 81).

Нам думается, что вестником индустриализма вообще, знаменем беспочвенного индустриализма Писарев быть не мог, и в этой части как Переверзев, так и Козьмин встали на путь признания идей какого-то абстрактного, надисторического индустриализма.

Эпоха же, в которой жил, которой вдохновлялся Писарев, была чрезвычайно конкретна, — это была эпоха капитализма, окрепшего на Западе и развивающегося в России. И индустриализм, за который ратовал Писарев, был также конкретен. Он отвечал требованиям растущей русской буржуазии, он имел определенную социально-классовую почву.

И как бы Писарев ни был радикален, как бы субъективно его взгляды ни были насыщены прекрасными идеями борьбы за народные интересы, объективно он своей проповедью культурного капитализма выражал интересы зарождавшейся в России крупной капиталистической индустрии.

Точка зрения Переверзева и соглашающегося с ним Козьмина в вопросе абстрактного индустриализма несостоятельна. Несостоятельны их утверждения и в другой части, где они говорят, что индустриализм Писарева был таков, что мог вести даже и «к системе индустриализма социалистического».

Б. П. Козьмин уematривает в выступлении «Русского слова» (Писарева и др.) начало того идейного преодоления народничества, которое «довели до конца русские марксисты — настоящие и «легальные» — в 90-х годах прошлого столетия. Нельзя отрицать известной ответственности в этом отношении. Но ответственность эта имеется между «Русским словом» и «легальными марксистами».

В отличие от «Русского слова» и «легальных марксистов» настоящие марксисты ставили перед собою задачу преодоления не только идейных основ народничества, но и самого капитализма. Они видели, в отличие от первых, объективную основу революционного отрицания капитализма — крепнущий и организующийся пролетариат.

К сожалению, работа Козьмина не дово-

дит характеристику народничества, логическую эволюцию его основных направлений до эпохи активного выступления пролетариата и марксизма в России. Тем самым он не показывает, в какое жалкое эпитонство вырождаются направления народничества. Анализ «Устоев», чем заканчивает Б. П. Козьмин книгу,— лишь прелюдия к политической пошлости эсеровщины и буржуазного либерализма. В книге вообще нет выуктой характеристики движения разночинной интеллигенции как движения, бывшего по существу буржуазно-демократическим, хотя оно и выступало под флагом социализма. Отсутствие в книге анализа конкретной расстановки классовых сил рассматриваемой эпохи привело к тому, что автором слабо используется основное методологическое указание Ленина: «Чтобы судить о русской «бессловной интеллигенции» как об особой группе русского общества, которое так характеризует всю пореформенную эпоху... нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессловной интеллигенции» с положением и интересами данных классов русского общества... русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной» (Ленин, т. I, стр. 30, подчеркнуто мною.— Г. А.).

А без этого сопоставления могла получиться лишь отвлеченная картина эволюции

«идей» и взглядов, чем в значительной степени страдает в общем интересная работа Б. П. Козьмина.

В заключение нужно сказать, что известные сдвиги в сторону повышения качества продукции в Издательстве Политкаторжан имеются. Об этом свидетельствуют факты выпуска в 1933 г. ряда хороших изданий, частью уже нами перечисленных. Нужно отметить ценное начало выпуска литературы, освещающей историю большевизма, большевистское подполье, например Цветков-Просвещенский «Между двумя революциями 1907—1916 гг.» (к сожалению, в книге некоторые примечания неудовлетворительны). Но должного перелома, преодолевающего всю накипь инертности и безответственности в отношении выпускаемой продукции, наличие которой иллюстрировалось нами на ряде произведений, в издательстве еще нет. Факты многочисленных прорывов свидетельствуют о неблагоприятии состояния редакторской работы в издательстве и подбора авторских сил. Очевидно, должного значения письму т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в Издательстве Политкаторжан на деле еще не придали.

Все это заставляет поставить вопрос о необходимости решительной перестройки работы ответственного исторического издательства, каким является «Каторга и ссылка», на основе указаний т. Сталина.

ХРОНИКА

К десятилетию советской конституции (6 июля 1933 г.) *Центроархивом* совместно с Институтом советского строительства и Музеем народоведения готовится большая выставка в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

Выставка будет отражать национальную политику эксплуататорских классов, национальную политику Советского государства и путь к социализму национальных окраин, минующих капиталистическую стадию развития.

Первый раздел отведен национальной политике царского правительства, процветавшему в то время махровому великодержавному повинизму, записавшему в историю такие кровавые страницы, как подавление польского восстания, преследование всякой нерусской культуры, насильственному обрусению поляков, украинцев, разжиганию национальной розни как средства отвлечения трудящихся от классовой борьбы, антисемитской агитации, погромам с т. я.

Здесь же будет показана и завоевательная политика царизма.

Второй раздел посвящен политике временного правительства на Украине, в Финляндии, Эстонии, Закавказьи, Кавказе и Средней Азии.

Третий раздел — политике белых правительств на Украине, в Армении, Азербайджане и Грузии.

И четвертый — национальной политике советской власти. Здесь будут отражены этапы развития Советского союза в 1917—1923—1933 гг. и СССР на грани первой и второй пятилеток, причем главное внимание уделено тому, чтобы выявить общий облик и особенности каждой из 7 союзных республик в борьбе за культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Одновременно *Центроархивом* совместно с главной редакцией «Истории заводов» готовится выставка к совещанию по истории фабрик и заводов.

дит характеристику народничества, логическую эволюцию его основных направлений до эпохи активного выступления пролетариата и марксизма в России. Тем самым он не показывает, в какое жалкое эпитонство вырождаются направления народничества. Анализ «Устоев», чем заканчивает Б. П. Козьмин книгу,— лишь прелюдия к политической пошлости эсеровщины и буржуазного либерализма. В книге вообще нет выуктой характеристики движения разночинной интеллигенции как движения, бывшего по существу буржуазно-демократическим, хотя оно и выступало под флагом социализма. Отсутствие в книге анализа конкретной расстановки классовых сил рассматриваемой эпохи привело к тому, что автором слабо используется основное методологическое указание Ленина: «Чтобы судить о русской «бессловной интеллигенции» как об особой группе русского общества, которое так характеризует всю порформенную эпоху... нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессловной интеллигенции» с положением и интересами данных классов русского общества... русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной» (Ленин, т. I, стр. 30, подчеркнуто мною.— Г. А.).

А без этого сопоставления могла получиться лишь отвлеченная картина эволюции

«идей» и взглядов, чем в значительной степени страдает в общем интересная работа Б. П. Козьмина.

В заключение нужно сказать, что известные сдвиги в сторону повышения качества продукции в Издательстве Политкаторжан имеются. Об этом свидетельствуют факты выпуска в 1933 г. ряда хороших изданий, частью уже нами перечисленных. Нужно отметить ценное начало выпуска литературы, освещающей историю большевизма, большевистское подполье, например Цветков-Просвещенский «Между двумя революциями 1907—1916 гг.» (к сожалению, в книге некоторые примечания неудовлетворительны). Но должного перелома, преодолевающего всю накипь инертности и безответственности в отношении выпускаемой продукции, наличие которой иллюстрировалось нами на ряде произведений, в издательстве еще нет. Факты многочисленных прорывов свидетельствуют о неблагоприятии состояния редакторской работы в издательстве и подбора авторских сил. Очевидно, должного значения письму т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в Издательстве Политкаторжан на деле еще не придали.

Все это заставляет поставить вопрос о необходимости решительной перестройки работы ответственного исторического издательства, каким является «Каторга и ссылка», на основе указаний т. Сталина.

ХРОНИКА

К десятилетию советской конституции (6 июля 1933 г.) *Центроархивом* совместно с Институтом советского строительства и Музеем народоведения готовится большая выставка в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

Выставка будет отражать национальную политику эксплуататорских классов, национальную политику Советского государства и путь к социализму национальных окраин, минующих капиталистическую стадию развития.

Первый раздел отведен национальной политике царского правительства, процветавшему в то время махровому великодержавному повинизму, записавшему в историю такие кровавые страницы, как подавление польского восстания, преследование всякой нерусской культуры, насильственному обрусению поляков, украинцев, разжиганию национальной розни как средства отвлечения трудящихся от классовой борьбы, антисемитской агитации, погромам с т. я.

Здесь же будет показана и завоевательная политика царизма.

Второй раздел посвящен политике временного правительства на Украине, в Финляндии, Эстонии, Закавказьи, Кавказе и Средней Азии.

Третий раздел — политике белых правительств на Украине, в Армении, Азербайджане и Грузии.

И четвертый — национальной политике советской власти. Здесь будут отражены этапы развития Советского союза в 1917—1923—1933 гг. и СССР на грани первой и второй пятилеток, причем главное внимание уделено тому, чтобы выявить общий облик и особенности каждой из 7 союзных республик в борьбе за культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Одновременно *Центроархивом* совместно с главной редакцией «Истории заводов» готовится выставка к совещанию по истории фабрик и заводов.

На выставке будут представлены подлинные документы из фонда департамента полиции, архива феодально-крепостнической эпохи, архива народного хозяйства и другие материалы: воспоминания рабочих, рукописи и печатная литература, фотографии, чертежи, планы, диаграммы, отражающие рабочее движение на предкапиталистическом и капиталистическом предприятиях, развитие предприятия в условиях строящегося социализма, и работа по созданию истории заводов.

В редакции «Истории гражданской войны» заканчивается работа над I томом, посвященным Октябрю, который будет сдан в производство не позже 1 июля с. г.

Кроме историко-мемуарного материала, над которым работает авторский коллектив в составе гг. Бубнова, Радека, Эйдемана, Яковлева, Крицмана, Раскольниковца, Пятницкого и других, в него войдут также литературно-художественные главы, для написания которых привлечены писатели Будайцев, Гагуев, А. Яковлев, Лукьянов и другие.

Одновременно ведется работа и над II томом — «Первый этап гражданской войны», который должен быть сдан не позже 1 октября с. г. Отдельные главы этого тома уже поступили в редакцию.

I и II томы «Истории гражданской войны» по плану должны выйти в 1933 г.

Редакция «Истории гражданской войны» проводит большую работу по отбору материалов, документов из различных архивных фондов, а также по библиографированию книг, журналов, газет по истории гражданской войны на русском и иностранных языках.

Редакция «Истории заводов» сдает в производство рукопись «Люди Сталинградского тракторного завода», написанную группой писателей (Ильиным, Галкиным, Цитовичем, Вигилянским и др.), размером в 30 печатных листов. В ней собраны художественные очерки о руководителях, рабочих-ударниках, инженерно-технических работниках.

В редакцию сдан I том «Истории Трехгорной мануфактуры», охватывающий период 1799—1918 гг. Работа написана коллективом

историков в составе гг. Зельцера, Парадизова, Рожковой и Антошкина.

Книга представляет крупное явление в исторической литературе, но по своему литературному оформлению отличается от основного типа книг по «Истории заводов», от которых требуется максимальная доступность изложения и художественность.

Не позднее 15 июня редакция получит рукопись «Московско-Казанская железная дорога», где дана история дороги со дня ее основания, т. е. с 1856 г., и до 1932 г.

Автор книги г. Плугов сейчас заканчивает главу о реконструктивном периоде.

Сдается в печать рукопись «Московский инструментальный завод», написанная рабочим коллективом завода под руководством литератора г. Пердова.

В ленинградском отделении Соцкнкта выходит из печати подготовленный редакцией «Истории заводов» I том «Истории неевского машиностроительного завода им. Ленина» (б. Семьяниковский), охватывающий период от середины XIX в. до Октября включительно. Том написан бывшим рабочим этого завода т. Чаплиным.

Главной редакцией намечено провести в Москве 3 исторических семинара с авторами. В Ленинграде эти исторические семинары проводятся в порядке партийной учебы.

Бригада главной редакции в количестве четырех человек посетила крупнейшие заводы Украины и Ростова, где знакомилась с состоянием работ по истории заводов, проводила доклады, собеседования, консультации. На днепровском заводе им. Петровского книгу пишет коллектив историков. На заводе «Коммунар» (Запорожье) заканчивается работа над рукописью. Хорошо идет работа на Краматорском машиностроительном, слабее других — на Днепротресте.

10 июня 1933 г. состоится Всесоюзное совещание по истории заводов с представителями авторских коллективов с пленарной и секционной работой.

С редакцией «Истории заводов» связано около 90 заводов, шахт, железных дорог, пишущих свою историю и получающих от редакции научную и консультационную помощь.

О П Е Ч А Т К И

В № 5 нашего журнала в статье г. Зайделя: «Маркс и Бакунин» замечены следующие опечатки:

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
42	6-я снизу	„Мы не говорим миру... вся твоя борьба пустяки...“	„Мы не говорим миру... вся твоя борьба пустяки...“
46	6-я	„Разве стала анархия...“	„Разве не стала анархия...“
48	9-я	„...из показаний Бакунина Парижскому суду...“	„...из показаний Бакунина Пражскому суду...“
49	1-я сверху	„...чрезвычайных революционных доходов...“	„...чрезвычайных революционных доходов...“

На стр. 114, в статье г. Лукина, после слов «должную оценку» выпала фраза: «Оба товарища свои ошибку признали и исправили».

На выставке будут представлены подлинные документы из фонда департамента полиции, архива феодально-крепостнической эпохи, архива народного хозяйства и другие материалы: воспоминания рабочих, рукописи и печатная литература, фотографии, чертежи, планы, диаграммы, отражающие рабочее движение на предкапиталистическом и капиталистическом предприятиях, развитие предприятия в условиях строящегося социализма, и работа по созданию истории заводов.

В редакции «Истории гражданской войны» заканчивается работа над I томом, посвященным Октябрю, который будет сдан в производство не позже 1 июля с. г.

Кроме историко-мемуарного материала, над которым работает авторский коллектив в составе гг. Бубнова, Радека, Эйдемана, Яковлева, Крицмана, Раскольниковца, Пятницкого и других, в него войдут также литературно-художественные главы, для написания которых привлечены писатели Буданцев, Гагуев, А. Яковлев, Лукьянов и другие.

Одновременно ведется работа и над II томом — «Первый этап гражданской войны», который должен быть сдан не позже 1 октября с. г. Отдельные главы этого тома уже поступили в редакцию.

I и II томы «Истории гражданской войны» по плану должны выйти в 1933 г.

Редакция «Истории гражданской войны» проводит большую работу по отбору материалов, документов из различных архивных фондов, а также по библиографированию книг, журналов, газет по истории гражданской войны на русском и иностранных языках.

Редакция «Истории заводов» сдает в производство рукопись «Люди Сталинградского тракторного завода», написанную группой писателей (Ильиным, Галиным, Цитовичем, Вигилянским и др.), размером в 30 печатных листов. В ней собраны художественные очерки о руководителях, рабочих-ударниках, инженерно-технических работниках.

В редакцию сдан I том «Истории Трехгорной мануфактуры», охватывающий период 1799—1918 гг. Работа написана коллективом

историков в составе гг. Зельцера, Парадизова, Рожковой и Антошкина.

Книга представляет крупное явление в исторической литературе, но по своему литературному оформлению отличается от основного типа книг по «Истории заводов», от которых требуется максимальная доступность изложения и художественность.

Не позднее 15 июня редакция получит рукопись «Московско-Казанская железная дорога», где дана история дороги со дня ее основания, т. е. с 1856 г., и до 1932 г.

Автор книги г. Плугов сейчас заканчивает главу о реконструктивном периоде.

Сдается в печать рукопись «Московский инструментальный завод», написанная рабочим коллективом завода под руководством литератора г. Пердова.

В ленинградском отделении Соцкнота выходит из печати подготовленный редакцией «Истории заводов» I том «Истории невского машиностроительного завода им. Ленина» (б. Семьяниковский), охватывающий период от середины XIX в. до Октября включительно. Том написан бывшим рабочим этого завода г. Чаплиным.

Главной редакцией намечено провести в Москве 3 исторических семинара с авторами. В Ленинграде эти исторические семинары проводятся в порядке партийной учебы.

Бригада главной редакции в количестве четырех человек посетила крупнейшие заводы Украины и Ростова, где знакомилась с состоянием работ по истории заводов, проводила доклады, собеседования, консультации. На днепровском заводе им. Петровского книгу пишет коллектив историков. На заводе «Коммунар» (Запорожье) заканчивается работа над рукописью. Хорошо идет работа на Краматорском машиностроительном, слабее других — на Днепротресте.

10 июня 1933 г. состоится Всесоюзное совещание по истории заводов с представителями авторских коллективов с пленарной и секционной работой.

С редакцией «Истории заводов» связано около 90 заводов, шахт, железных дорог, пишущих свою историю и получающих от редакции научную и консультационную помощь.

О П Е Ч А Т К И

В № 5 нашего журнала в статье г. Зайделя: «Маркс и Бакуини» замечены следующие опечатки:

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
42	6-я снизу	„Мы не говорим миру... вся твоя борьба пустяки...“	„Мы не говорим миру... вся твоя борьба пустяки...“
46	6-я	„Разве стала анархия...“	„Разве не стала анархия...“
48	9-я	„...из показаний Бакунина Парижскому суду...“	„...из показаний Бакунина Пражскому суду...“
49	1-я сверху	„...чрезвычайных революционных доходов...“	„...чрезвычайных революционных доходов...“

На стр. 114, в статье г. Лукина, после слов «должную оценку» выпала фраза: «Оба товарища свои ошибку признали и исправили».